

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ – БАКАЛАВРИАТ
серия основана в 1996 г.

Т.Ф. БАЗЫЛЕВИЧ

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УЧЕБНИК

Электронно-
Библиотечная
Система
znanium.com

*Соответствует
Федеральному государственному
образовательному стандарту
3-го поколения*

Москва
ИНФРА-М
2015

УДК 159.9(075.8)
ББК 38.5я73
Б17

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 11
----------------	---

Рецензенты:

В.А. Толочек — д-р психол. наук, проф., ведущий научный сотрудник
Института психологии РАН, зав. кафедрой психологического консультирования
Международного славянского института;

М.К. Акимова — д-р психол. наук, проф., главный научный сотрудник
Психологического института РАО, зав. кафедрой общей психологии
Института психологии им. Л.С. Выготского РГГУ

Базылевич Т.Ф.

Б17 Дифференциальная психология: Учебник. — М.: ИНФРА-М,
2015. — 224 с. + Доп. материалы [Электронный ресурс; Режим до-
ступа <http://www.znaniium.com>]. — (Высшее образование: Бакалаври-
ат). — www.dx.doi.org/10.12737/5258.

ISBN 978-5-16-009399-4 (print)

ISBN 978-5-16-100420-3 (online)

В учебнике анализируется общее состояние дифференциальной психоло-
гии в России и за рубежом. Прослежены история психологии индивидуальных
различий, развитие исторически инвариантных и новых идей в формули-
ровке предмета, объекта и задач в области дифференциальной психологии.
Отдельные главы посвящены традиционной — аналитической и новой —
субъектоцентрированной — системной психологии, а также современным
исследованиям в области прикладной дифференциальной психологии.
В книге описаны основные возможности и ограничения дифференциально-
психологических технологий, особенности интерпретации результатов и
вопросы этики специалиста-психолога.

ББК 88.5я73

Материалы, отмеченные знаком , доступны
в электронно-библиотечной системе [znaniium](http://www.znaniium.com)
(www.znaniium.com)

ISBN 978-5-16-009399-4 (print)
ISBN 978-5-16-100420-3 (online)

© Базылевич Т.Ф., 2015

Подписано в печать 25.08.2014. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура
Newton. Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 15,12 + 1,01 ЭБС.

Тираж 500 экз. Заказ №

ТК 253100-437956-250814

ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел.: (495) 380-05-40, 380-05-43. Факс: (495) 363-92-12
E-mail: books@infra-m.ru <http://www.infra-m.ru>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дифференциальная психология как отрасль фундаментального научного знания традиционно изучает психологические различия между индивидами и группами людей, а также их природу, источники и структуру. Дифференциальная психология призвана открывать особенности, механизмы и факторы целостной индивидуальности, определяемые законами психического варьирования.

Классики хорошо понимали трудности объективной оценки индивидуальных особенностей человека. Так, Дж. Хирш писал: «Экспериментально-психологические исследования в чем-то напоминают гамлетовское “быть или не быть”, Дж. Кеттел исследовал их, Уотсон хоронил, Толмэн понимал, Трайон подчеркивал их важность, Халл сводил к минимуму их значимость для теории, Хантера они озадачивали, Скиннер и его ученики были заведены ими в интеллектуальный тупик, а авторы формальных моделей предпочитали фиксировать элементарные софизмы, чем добывать знания о них»¹.

Основатель отечественной школы критериально-ориентированной психодиагностики и дифференциальной психологии Константин Маркович Гуревич в своем последнем интервью, отвечая на вопрос о самых важных вопросах современного человекознания, отметил, что самая актуальная и самая сложная проблема психологии — объективная оценка индивидуальных различий в психических функциях, состояниях и свойствах».

Дифференциальная психология в нашей стране оказалась обделенной, несмотря на достаточно большой интерес к ней как теоретиков, так и практиков. Соответствующие учебные курсы преподаются уже более четырех десятилетий не только в университетах при подготовке будущих психологов, но и при обучении студентов многих других специальностей и специализаций (социологов, медиков, акмеологов, педагогов, менеджеров, экономистов).

Немногочисленные учебники и учебные пособия, несмотря на их известность у студентов, не могут заменить систематизированного изложения теории, методологии и практики психологии индивидуальных различий в тенденциях развития исторически инвариантных и изменяющихся ключевых идей направления — тем более что издающиеся в малых тиражах внутриинститутские пособия (часто крайне социологизированные) в основном сосредоточены на раскрытии

---

¹ Хирш Дж. Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека. М.: Педагогика, 1988. С. 3.

частных вопросов и порой не затрагивают методологической проработки важнейшего направления современной психологической науки. Не восполняют образовавшейся пустоты и отдельные, крайне редкие переводы зарубежных работ, в которых традиционно обходятся без анализа динамики предмета и объекта направления, ее специфических методов и многого того, что конституирует фундаментальную науку, а не создает сборник интересных сведений об эмпирических данных.

Несмотря на эти очевидные трудности формирования и преподавания дифференциальной психологии, спрос на специалистов в этой области уже давно превысил предложение, что привело к притоку неподготовленных людей, хлынувших — чтобы «тестировать» — в психологию индивидуальных различий.

Открываемые в дифференциальной психологии закономерности психического варьирования составляют теоретико-методологическую и эмпирическую базу психодиагностики, общей психологии, дифференциальной психофизиологии и акмеологии, психологии личности и индивидуальности, а также психотерапии и психогенетики.

В настоящее время положение кардинально меняется, чему способствует введение курса дифференциальной психологии и дифференциальной психофизиологии в программы обучения студентов и магистров факультетов психологии.

Предлагаемый читателю учебник по дифференциальной психологии — результат моего давнего интереса к этому направлению психологических наук. Его появлению предшествовали академические научные исследования, статьи и книги, посвященные открытиям в этой области человекознания, а также конструирование некоторых методик и психотехнологий типологического познания в русле развития известной у нас в стране и за рубежом школы Б.М. Теплова — В.Д. Небылицына. Здесь дифференциально-психофизиологический этап исследований служил инновационной цели создания фундаментальной дифференциальной психологии целостной индивидуальности. Не следует сбрасывать со счетов и многолетний опыт преподавания курсов общей и дифференциальной психологии и психофизиологии в ведущих университетах России и Афганистана.

Несколько слов о некоторых особенностях данного учебника. *Во-первых*, изложение развития идей в психологии индивидуальных различий дается с позиций рациональности построения интегративного курса. (Об этом часто пишет Н.И. Чуприкова.) Эффективное усвоение информации предполагает первичные сведения о «дереве» науки с ее важными и тупиковыми позициями. Только после этого вводного этапа, активирующего у студента познавательную потребность в научных знаниях в области дифференциальной психологии, начинается «нанизываться» на этот «ствол» познание отдельных его «листочков».

Такой способ изложения материалов книги, затрагивающих, очевидно, сложные специфические «узлы» типологического познания, как показывает преподавательский опыт, помогает эффективно усваивать материалы дифференциальной психологии. Читатель становится, образно говоря, соавтором проработки часто трудных путей трансформаций необозримого множества индивидуальных различий — субъектоцентрированных исследований целостной индивидуальности.

Во-вторых, мне в какой-то мере удалось не избегать дискуссий, полемики, взятых из реальных академических споров на заседаниях лаборатории, конференциях, съездах, симпозиумах. Передача читателю эмоциональной напряженности обсуждения в научном сообществе законов индивидуальных особенностей, несомненно, способствует превращению дифференциальной психологии в самостоятельную ветвь психологического знания и развитию профессионализма начинающих психологов.

Предлагаемый учебник предназначен для студентов, изучающих курс «Дифференциальная психология» в вузах. Он знакомит с понятийным аппаратом, основными методологическими, теоретическими и прикладными принципами и проблемами, стоящими перед аналитической и субъектоцентрированной — системной дифференциальной психологией. В учебнике проанализирована информация, касающаяся наиболее применяемых в отечественной науке психотехнологий, позволяющих оценивать разные стороны и интегративные особенности, механизмы и факторы индивида и личности в структуре целостной индивидуальности. В книге также рассматриваются перспективные направления развития дифференциальной психологии в ее сущностной связи с дифференциальной психофизиологией. Автор рассчитывает, что реализованное в изложении материала учебника единство теории, эксперимента и практики окажется полезным не только в усвоении студентами учебной дисциплины «Дифференциальная психология», но и в их будущей профессиональной деятельности.

Передавая на суд читателей один из первых в «постсоветском пространстве» учебник по дифференциальной психологии, я выражаю глубокую благодарность своим многочисленным студентам, аспирантам, докторантам, благожелательное отношение и вопросы которых, а иногда их возражения и требования уточнить тексты моих монографий способствовали работе над ним. Я также не могу не выразить признательности сотрудникам издательства «ИНФРА-М» за неизменное дружелюбное и уважительное отношение ко мне и моим монографиям.

*Татьяна Федоровна Базылевич
Москва, 2014 г.*

Глава 1. ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ КАК ОБЛАСТИ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЯ

1.1. Предмет и объект психологии индивидуальных различий в этапах ее становления

Очевидность объективно существующих между людьми индивидуальных различий, необходимость — для теоретика и практика — понимать их происхождение, конструктивную оценку и учитывать их в учебной и профессиональной деятельности делают этот курс обязательным для подготовки психологов всех специализаций. Актуальность научных знаний о специфике индивидуальных и общеличностных особенностей человека диктует известный закон человекознания: внешние причины влияют на поведение и психику сквозь призму внутренних условий субъекта психической деятельности, где царствуют феномены дифференциальной психологии.

Уже наши далекие предки понимали ценность выделения и учета индивидуальных особенностей людей для результативности совместной деятельности. Так, проведение успешной охоты на крупного зверя требовало взвешенного распределения обязанностей между ее участниками исходя из физических и умственных возможностей каждого. Уже в Библии отражены способы наглядной оценки индивидуальных особенностей поведения. Древние цивилизации имели житейски обоснованные системы дифференциально-психологического подхода к решению государственных и жизненных задач. Так, значительное внимание уделялось отбору чиновников по их актуальным способностям в Древнем Китае за 2200 лет до н.э.: проверяли не только умение писать и считать, но и особенности поведения в быту.

Психология индивидуальных различий первоначально являлась аналитической эмпирической наукой, исследуя их «мозаику» в аспекте теорий психофизиологического взаимодействия, тождества, параллелизма. Изучали видимые глазу психологические различия между индивидами и группами людей, постулируя (часто — без особых доказательств) природу, источники, последствия и жизненные проявления этих различий.

Лишь в 90-х гг. XX в. под давлением противоречий фактологии аналитического познания постепенно осознавались требования инновационного развития отрасли, тенденции ее развития стали опре-

деляться системным подходом к единству разноуровневых индивидуальных особенностей в поведении и деятельности. Поэтому учебный материал книги рассматривает эти две линии развития фундаментальной науки об индивидуальности в разных главах.

Дифференциальная психология — в аналитическом ракурсе ее формирования как самостоятельной науки — анализирует индивидуальные, групповые и типологические проявления своеобразия психики индивида и личности, часто отправляясь, например, от специфики свойств нервной системы и психических функций, интеллекта, сознания, общеличных черт, поведения, темперамента, способностей, характера и стиля деятельности человека. Индивидуальные стили деятельности традиционно рассматривались в регуляции психических процессов — эмоций, памяти, внимания, мышления, сознания.

Наиболее известные концепции как зарубежных, так и отечественных исследователей описывают ключевые понятия пола и возраста, особенности патопсихологических нарушений, деформаций и деструкций личности, специфику детского развития и стилей родительского воспитания, проблемы школьного обучения и профессиональных достижений. Специальные разделы дифференциальной психологии посвящены вопросам групповых различий — расовых, национальных и культуральных. Рассматриваются также вопросы индивидуального и общего в психологическом своеобразии индивида и личности [52, 61].

Новый — субъектоцентрированный — взгляд на индивидуальность как объект дифференциальной психологии анализирует структуру ее целостности в результате влияния системообразующего фактора «Мотив—Цель» [27, 45].

Житейские наблюдения в области начал дифференциальной психологии чрезвычайно обширны и ярки. Даже действие, например, димедрола на разных людях различно: у одних наступает сонное состояние; другие возбуждаются, не могут заснуть из-за двигательного беспокойства; третьи могут впасть в летаргический сон. Каждый человек наблюдает в себе и других людях множество индивидуальных различий. По-видимому, их число не поддается подсчету: любой список индивидуальных особенностей всегда может быть дополнен еще одной характеристикой: данное явление связывают с отсутствием «нормирования на единицу». Подобные феномены в принципе не могут быть объектом науки. Попытки их сфокусировать в научном исследовании чем-то напоминают ловлю солнечного зайчика детским сачком!

Любая оценка индивидуальных особенностей вариативна, ситуативна, достаточно легко изменяется под психологическим воздействием. Так, исследованиями лаборатории В.Н. Дружинина в ИП РАН показан необычный факт. Оказалось, что тестовые оценки из-

вестных личностных методик, подсчитанные для разных «квадрантов» психодиагностической ситуации, не совпадают.

Квадранты определяли по двум надситуативным координатам: 1) степени добровольности прихода человека на обследование из-за четко осознаваемой психологической проблемы, мешающей комфортной жизнедеятельности; 2) прогнозируемой испытуемым субъективной вероятности влияния результатов тестирования на его последующую жизнь, служебную карьеру, биографию.

Следовательно, имеющиеся опросные и тестовые методики оценки индивидуальных различий фиксируют лишь ошибки самонаблюдений, имеющих далеко не прямое отношение к научной дифференциальной психологии.

Вместе с тем очевидна масштабность проявлений и значимости индивидуальных особенностей, которые присущи не только всем людям, но и животным. При этом отмечается, что внутривидовые различия превосходят межвидовые. Так, например, умная крыса может в одной и той же задаче бихевиорального научения действовать эффективнее, чем самая глупая обезьяна, стоящая выше крысы на эволюционной лестнице.

Каждый человек отличается от других людей множеством свойств, качеств, характеристик, черт, признаков. Не будет большим преувеличением сказать, что мы тратим значительные силы на попытки познания самого себя, своих индивидуальных особенностей и отличий от окружающих. Однако обычно используемые при этом самонаблюдение и рефлексия слишком часто приводят к вербализованному рационализации человеком своих апперцепций, к формированию дисгармоничных экологических «ниш» индивидуальности.

Фиксируемая при этом дисгармония природного с социальным, генотипического со средовым сказывается в иррациональном желании кардинально — даже во вред себе и окружающим — изменить себя. Алкоголизм, наркомания, транссексуализм, акцентуации характера, позволяющие хоть на время как бы «выйти» из рамок подчас дискомфортного своеобразия индивидуально-стабильных особенностей личности, могут быть следствием непознаваемости индивидуальности «житейскими» способами.

Даже внешность человека часто трудно узнается самим ее носителем. Известно субъективное ощущение несхожести оригинала и фотографии (даже если снимок сделан весьма качественно). Этот эффект «незнания себя» еще больше усугубляется при восприятии человеком видеозаписи своего обычного поведения.

Психологические же свойства человека, отражающие многоаспектность бытия и связанные с предельно динамичными системными процессами организма, индивида и личности, конечно, трудно познать с помощью распространенных сейчас тестов, вопросников

и анкет. Мало информации дает и самонаблюдение, дополненное саморефлексией.

В образной форме вышесказанное выразил поэт Евгений Евтушенко:

*Я разный — я натруженный и праздный.
Я целе- и нецелесообразный.
Я весь несовместимый, неудобный,
застенчивый и наглый, злой и добрый.
Я так люблю, чтоб все перемежалось!
И столько всякого во мне перемешалось —
От запада и до востока,
от зависти и до восторга!
Я знаю — вы мне скажете: «Где цельность?»
О, в этом всем огромная есть ценность!¹*

Не случайно в научно-популярной литературе появилась парадигма «кентавризма», проповедующая презумпцию сочетаемости несовместимых черт человека (гений и злодейство, слабость и сила, безумство и гениальность, крайняя ранимость и креативность и т. д.). В данном контексте правомерен вопрос: «Знаем ли мы себя? Каким образом можно получить объективные данные об индивидуальности, опосредующей влияние внешних причин на внутренние условия взаимодействия человека с миром?» Эти проблемы волнуют каждого, поскольку связаны с пониманием и познанием своеобразия человека в его каждодневных проявлениях.

Житейская психодиагностика людей, с которыми мы взаимодействуем и которых хорошо знаем, обычно подмечает, что в каждом человеке есть что-то общее с другими индивидами, но имеются и черты, присущие только ему одному. (Единичные явления, а также их субъективные оценки не могут быть объектом фундаментальной науки!) Все больше теоретиков и практиков понимают необходимость особой профессиональной компетенции психолога в области дифференциальной психологии.

Различные течения в области дифференциальной психологии обладают несовместимыми данными в теории, эксперименте и практике. Например, западная психология, в основном, превратилась в математическую дисциплину. Обилие математических параметров, формул, математического моделирования различий в психологических характеристиках создает направление, которое не понимается большинством психологов. Противники математизации психологии индивидуальных различий придерживаются всеми воспринимаемой традиции о том, что сущностные детерминанты психического с их

¹ Евтушенко Е. Избранные произведения. Т. 1. М., 1980. С. 58.

эмоциональной «канвой» неподвластны математике. Здесь может потеряться сама жизнь!

Кроме вышеперечисленных и других обсуждаемых нами трудностей создания аналитическим путем (с подключением дедукции и индукции Шерлока Холмса) фундаментальной науки об индивидуальных особенностях психики, наблюдались очевидные неудачи ее практических внедрений при решении государственных проблем.

Дифференциальные разделы психологии — в той части, которые знакомы автору, — находились (а возможно, и сегодня находятся) в скрытом, затяжном и достаточно глубоком теоретико-методологическом кризисе, который имел ряд признаков. Во-первых, психологи индивидуальных различий не участвовали (и не могли участвовать) в решении основных жизненно важных проблем, стоящих перед развивающейся Россией. Этот факт подчеркивал еще в 1970 г. К.М. Гуревич в подготовленной к печати статье для журнала «Вопросы психологии». Ученый отмечал, что психология не готова к выходу в практику. Причина: имеющиеся общестатистические факты и закономерности не позволяют работать с реальным человеком в его целостном биологическом и социальном развитии. Здесь нужно было создавать новую субъектную психологию, валидируемую через дифференциальную психофизиологию [27].

Во-вторых, за последние 50 лет в психологии практически не наблюдалось развития в актуальном для типологического познания понимании объекта и предмета дифференциальных специальностей. (Недальновидным скептикам казалось, что решение этой центральной методологической проблемы давно устарело.)

Понятны трудности типологического познания, принципиально не решаемые в аналитической психологии. И тогда в центре теоретических и экспериментальных исследований появились субъектные феномены индивидуальности. Они, несомненно, относятся к «латентным переменным», которые непосредственно неосязаемы, а требуют специальных системотехник психологического исследования, которые должны иметь новую теорию и методологию (она впервые описана в учебнике), новый квазиэксперимент и новые — инновационные и эвристические — прикладные психотехнологии.

При всей очевидности кардинального значения данных дифференциальной психологии в познании субъектного радикала индивидуальных различий при их главенствующей роли в «сколь угодно важных особенностях человека» [54] продвижение даже к их объективной оценке имело непростую историю.

Дифференциальная психология и ее «смежные» отрасли (дифференциальная и генетическая психофизиология, психогенетика, психология целостной индивидуальности, экологическая психология индивидуальности, дифференциальная акмеология, психология безопасности индивидуальности) до сих пор идеологизированно и оши-

бочно воспринимаются как области человекознания, не имеющие отношения к открытию фундаментальных законов психики. В результате — эти разделы психологии в стереотипах такого искаженного околonaучного мышления теряли свое значение.

Истоки иллюзорных околonaучных догм о рациональности вынесения за скобки «индивидуальной болтанки», в частности, в целях создания чистоты эксперимента заключаются в долговременном идеологическом прессинге на отечественную психологию. Тогда — по выражению М.Г. Ярошевского — политики, физиологи диктовали психологам, что изучать, какими методами изучать и к какому выводу приходить [78, с. 3]. Стереотипы обыденного мышления постулировали безграничные возможности развития психики при регулирующей роли воспитания, образования, среды (и трудовых коллективов). Как отмечал К. Абишев, человек имеет только одну базальную индивидуальную особенность — непрерывно развиваться в направлении требований идеала коммунистической личности. В результате сфера индивидуальных различий и — в целом — индивидуальности стала «золушкой» в советской психологии [1].

Шаги к возрождению дифференциальной психологии (наряду с дифференциальными психофизиологией и психогенетикой) инициированы в 1990-е гг. Министерством науки и образования. В то время зам. министра В.Д. Шадриковым по данному вопросу была создана специальная комиссия, подчеркнувшая очевидные трудности развития дифференциальных дисциплин и — вместе с тем — их актуальность для развития теории, эксперимента и практической реализации фундаментальных психологических законов в решении социальных задач России и проработке проблем трудных периодов личностного развития каждого человека. В.Д. Шадриков подчеркнул, что новым объектом дифференциальной психологии и психофизиологии должна стать индивидуальность, которая всегда целостна. Адекватным средством познания нового объекта дифференциальной психологии становится системный подход с его системотехниками изучения интегративности, целостности индивидуальных различий психических функций, состояний и свойств в поведении и деятельности.

Прошло время иллюзорных представлений о широких возможностях «подгонки» разных людей под единый стандартный образец, задаваемый так называемыми требованиями деятельности. Не оправдали себя бытовавшие в общественном сознании стереотипы околonaучного мышления, представлявшие воспитание как преодоление индивидуального своеобразия человека. Напротив, в современном мире существующее разнообразие индивидуальностей рассматривают как бесценное богатство общества, понимая, что любая общепсихологическая закономерность свое реальное воплощение получает в индивидуально-модифицированных формах. Здесь в пол-

ной мере проявляется психологический закон о преломлении «внешних причин» через «внутренние условия» взаимодействия человека с его специфической средой [32, 62]. Валидизация таких представлений связана с изучением системообразующего значения индивидуально-стабильных, конституциональных, природных, генотипических свойств человека в создании оптимального своеобразия структуры индивидуальности [45].

Еще раз подчеркнем, что в современном мире существующее разнообразие индивидуальностей рассматривается как бесценное богатство общества. Научные приоритеты в последние десятилетия под давлением фактов резко изменились. Индивидуальными различиями стали заниматься повсеместно. Каждый исследователь в любой области психологии, будь то восприятие, ощущение, память, внимание, интеллект, темперамент, способности, асимметрия мозга, коллективизм или же суверенность личности и т.д. непременно в своей узкой сфере занимается дизъюнктивно отчленяемыми «мозаичными» индивидуальными особенностями. Так, широко изучаются: толерантность, тревожность, самоактуализация, человек суверенный, доверие, компетентность и др. (Забегая вперед, отметим: на этом пути теории и практики не могут избежать тупиков аналитического изучения «латентных переменных», которые прошла классика типологических исследований). Вместе с тем широта развернутых работ — хотя они и не всегда претендуют на принадлежность к дифференциальной психологии — однозначно доказывает краеугольность проблематики индивидуальных особенностей для науки и практики. Важность дифференциально-психологического ракурса проработки многочисленных проблем человекознания требует во многом утраченного профессионального опыта фундаментальных исследований индивидуальных различий.

В этой связи знания о законах субъектоцентрированной дифференциальной психологии в ее интеграции со своеобычностью структуры целостной индивидуальности в аспекте фиксации законов дифференциальной психофизиологии приобретают особую значимость в плане решения таких остроактуальных государственных проблем, как индивидуализация обучения школьника и становление профессионала, экологически оптимальное «сопряжение» индивидуальности человека с техникой и другими людьми, типологические предикторы фиксации и психокоррекции нарко- и алкогольной зависимости, научная обоснованность ориентации на психологическую безопасность индивидуальности в ходе профотбора, профподбора и расстановки кадров, индивидуальный подход к пациентам в клинике и психотерапии, в профилактике и реабилитации психосоматических расстройств [19, 27, 28].

Все это заставляет снова и снова вернуться к бесценному опыту наиболее прогрессивной в этом отношении научной типологической

школы Б.М. Теплова — В.Д. Небылицына, их учеников и последователей [27, 55]. Фиксируемое сегодня расширение сферы применимости дифференциальной психологии при ее интегративной связи с дифференциальной психофизиологией рассматривает традиции и тенденции развития типологических исследований [18, 20, 27]. Подчеркиваются, с одной стороны, ограничения аналитических исследований в области традиционной дифференциальной психологии, а с другой — необходимость инициации субъектоцентрированных системных исследований индивидуальных различий, ведущих к доказательному пониманию монометричности феноменов индивидуальности.

1.2. Этапы развития дифференциальной психологии

Со времени начала исследований в области дифференциальной психологии индивидуальных различий прошло более 100 лет. Термин «дифференциальная психология» ввел немецкий психолог В. Штерн в своей работе «Психология индивидуальных различий», опубликованной в 1900 г. Какое-то время употребляли синонимы: характерология (Б. Люка, И. Банзен), этология (Дж.Ст. Милль), индивидуальная психология (А. Бине, Э. Крепелин), специальная и медицинская психология (Г. Хейманс).

Оформление дифференциальной психологии в отдельную науку стало возможным в результате возникновения следующих предпосылок:

- использования современных методов многомерного статистического анализа. Факторный, кластерный, регрессионный анализ, а также методы таксономии позволяли фиксировать существенные причины формирования структур многомерных системных объектов. Это открыло широкие возможности перехода от изучения «среднего человека» с нормальным распределением признаков к супернормальному объекту — целостной индивидуальности;
- инициации системных типологических исследований, рассмотревших целостность многоуровневых индивидуальных различий, включенных в поведение и деятельность [19, 27, 28]. Здесь монолитность синдромов свойств, реализующих функциональные органы психики, определяется вектором «Мотив—Цель» или психогенетическими детерминантами. В противовес традиционным аналитическим исследованиям «мозаик» отдельных особенностей индивида и личности и их многочисленных несистематизируемых психологических проявлений в центр внимания дифференциальной психологии попадают «слития» разнообразных свойств ин-

дивида и личности как предикторы своеобразия сколь угодно значимых индивидуальных особенностей [27, 28, 31, 32];

- внедрения в дифференциальную психофизиологию и психологию квазиэксперимента, основанного на фундаментальной теории [17, 19], вместе с пониманием целостности, интегративности, мультифакторности психического развития с его типологическими предикторами. При этом в дифференциальной психологии осознана принципиальная ограниченность применения манипулятивного статистического эксперимента с линейными схемами анализа;
- использования фактов генетической психофизиологии и психогенетики: аргументированная информация о роли среды и генотипа в формировании дисперсии индивидуальных признаков индивида и личности;
- инновационных разработок в русле субъектоориентированной дифференциальной психологии: новых аспектов методологии, теории, квазиэксперимента и системотехник прикладных исследований в плане проработки концепции целостной индивидуальности, становящейся новым объектом психологии индивидуальных различий.

Современные исследования психологии индивидуальных различий не могут не подчеркивать тот факт, что свойства индивидуальности высших уровней не могут быть выражены через суммацию свойств изолированных ее индивидных признаков (таких как свойства нервной системы или общеличностная тревожность). Создаются условия, согласно которым в центре внимания субъектоцентрированной дифференциальной психологии необходимо иметь информацию об организации свойств индивида и личности в деятельности при учете надситуативных координат ее развития. Данная теоретико-методологическая посылка стала анализироваться как кардинальная для систематизации своеобычности человеческой психики.

Назрела необходимость и возможность рассмотреть вопросы природы и источников индивидуальных различий с позиций нового взгляда на законы человекознания, открывающегося в аспекте интеграции традиционных аналитических исследований отдельных индивидуальных особенностей с субъектоцентрированным подходом к изучению системных законов своеобразия психики. Чтобы ярче показать историческую инвариантность и логику кардинальных изменений идей в русле дифференциальной психологии, выделим несколько очевидных этапов развития типологического познания индивидуальных различий и психологии целостной индивидуальности.

ИмPLICITНЫЙ этап становления дифференциальной психологии связан с созданием научных и культурологических предпосылок выделения в научном познании проблем морфофункциональных и биологических основ индивидуально-психологических различий. Оче-

видность и яркость отличий одного человека от другого сыграла злую шутку в проработке направлений тенденций развития дифференциальных областей психологии. Вначале казалось, что изучать индивидуальные особенности очень легко. Методы наблюдений, интроспекции, биографический способ да и анкеты, опросники, а позднее — математизированные, как бы надежные, валидные тесты и т.д. иллюзорно представили науку об индивидуальности центральной для психологии, а исследования — краткосрочными и увлекательными.

Однако углубление в проблему вариативности и ситуативности любой индивидуальной особенности, а также парадоксы априорной веры в их линейную биосоциальную детерминацию все чаще приводили к умножению тупиковых позиций такого познания [27]. Потребовались десятилетия для осознания того факта, что психология — самая сложная наука в мире, а дифференциальная психология как бы фокусирует, сгущает трудности научного познания законов психики.

Не будет преувеличением сказать, что этот этап имеет многовековую историю, сопоставимую разве что с осознанием человеком себя как отдельной особи. Здесь уместно вспомнить широко представленные в литературе (и даже в учебниках и современных опросниках) гиппократовские типы темпераментов, созданные на мифологической основе за 2,5 тыс. лет до н.э., а также учения Кречмера, Шелдона, И.П. Павлова и др.

Предыстория становления дифференциальной психологии связана с таким направлением донаучной эмпирической мысли, как характерология. Ее представители Гален, И. Кант, И. Банзен стремились свести различия между людьми к простым типам, например выделенным по способности человека принимать страдания. Психогностика устанавливала видимые отношения между определенными движениями, анатомическими параметрами и свойствами характера. В рамках физиогномики (основатель Ж. Лаватер) предсказывали поведение по чертам личности, мимике и даже по изображению силуэта человека. Стронники френологии (краниоскопии), развиваемой Ф.А. Галем, стремились определить глубинные особенности человека по форме строения черепа. Приверженцы графологии (аббат И. Мишон) диагностировали признаки индивидуальности по написанию букв, нажиму, наклону букв и другим характеристикам точных микродвижений, отражающихся в почерке. Все эти области донаучного познания долгое время отвергались фундаментальной наукой, но сегодня возвращаются в психологию и практику на новых основаниях интегративности индивидуальных различий. Даже линии руки рассматриваются сегодня как психогенетика человека, вынесенная наружу!

Индивидуальные различия отмечали исследователи всех времен и народов прежде всего — в индивидуальных вариациях психичес-

кого. Сначала эти вариации рассматривались как источник ошибок наблюдения, позднее возникла проблема закономерностей вариативности и ситуативности психических проявлений человека. Логика развития науки привела к выделению дифференциально-психологического аспекта познания. Здесь донаучное знание характеризуется преобладанием метода наблюдений, житейскими представлениями в накоплении знаний, невысоким уровнем обобщения и валидизации.

Естественно-научная парадигма на этом пути пыталась устанавливать и обобщать причинно-следственные (каузальные) связи между наблюдаемыми явлениями, опираясь на данные экспериментов. Такой подход, отражающий общие свойства явлений, называют *номотетическим*.

Гуманитарная парадигма рассматривала уникальность феномена индивидуальных различий, при этом задачи достоверности получаемых знаний не ставились. Такой подход, утверждающий в качестве основной ценности индивидуальные особенности явления, называют *идиографическим*.

Дифференциальная психология выделилась из общей психологии, в рамках которой она длительное время существовала, в рубрике индивидуальных различий. Сложившиеся вначале аналитические концепции индивидуальных различий, вычлняя (часто – весьма субъективно) в целях типологической классификации лишь отдельные психологические и анатомо-физиологические признаки, были ограничены линейными схемами анализа. В результате образовалось труднообозримое количество эмпирических типологий своеобразия психического склада, в которых сделаны попытки на основе отдельных характеристик (часто выделяемых на основе биографии исследователя, а не на базе объективных критериев) дифференцировать такие группы людей, как объективные и субъективные (А. Бине и др.), экстраверты и интроверты (К.Г. Юнг), рационалисты и эмпирики (В. Джемс), шизотимы и циклотимы (Э. Кречмер), висцеротоники, соматотоники, церебротоники (У. Шелдон), холерики, меланхолики, сангвиники, флегматики (Гиппократ, И.П. Павлов, В.М. Русалов) и др. Большинство этих признаков представляет теперь лишь исторический интерес, поскольку они основаны на вариативных, ситуативных проявлениях субъективно выделенной «мозаики» индивидуальных черт [27, 37].

Такие представления, как правило, базировались на признании морфофункциональной базы имеющегося разнообразия черт человека: всегда предполагалась материальная структура с четкими функциями, которая и отвечала за проявления ее свойств в индивидуально-психологических различиях. При этом была неоднократно имплицитно реализована теория психофизиологического взаимодействия, параллелизма и тождества, но открывались осязательные (однако не всег-

да анализируемые) тупиковые позиции подобного аналитического пути познания. Из-за мифологичности теоретических построений очевидной стала ситуативность и вариативность видимых характеристик индивидуальности, фрагментарность и несистематизируемость фактов.

Работы школы Б.М. Теплова, известные у нас в стране и за рубежом, знаменовали прорыв в науке об индивидуальных свойствах как основе индивидуально-психологических особенностей. Главным пунктом программы типологических исследований Б.М. Теплова стал вопрос о возможности применить средства психологической науки к познанию тех свойств человека, которые придают ему своеобразие и определенную неповторимость. Программа раскрывала возможную в то время технологию объективного изучения типологических особенностей своеобразия психики. При этом исследователи понимали, что от теоретически обоснованного решения непосредственно зависят дела практические. В этой связи Борис Михайлович постоянно подчеркивал, что применение к жизни общих психологических закономерностей всегда должно опосредоваться знанием природы индивидуальных различий, — без этого общие психологические закономерности становятся столь абстрактными, что их практическая ценность представляется сомнительной.

Уже в то время Б.М. Теплов отчетливо понимал (и старался донести до научного сообщества), что существовавшее тогда (и существующее сегодня) резкое отставание научной разработки вопросов индивидуальных различий мешает психологии завоевать себе прочное признание как науки, действительно необходимой для тех областей практики, которые имеют дело с психической деятельностью людей.

Убеждения Теплова четко высвечивали высокую гуманистическую идею о том, что средствами науки может быть поддержана и укреплена возможность актуализации присущего каждому индивиду уникального потенциала, что имеет глобальные социальные последствия, ибо противостоит стереотипизации поведения и психологии безликой толпы.

Ученый видел решение соответствующих сверхзадач построения теории индивидуальных различий в ресурсах фундаментальной науки, а не только в широко используемых тогда философии, физиологии и искусстве. Поэтому исследовательский поиск научного коллектива Б.М. Теплова велся в направлении такой области, где были готовые образцы, адекватные тогдашним критериям научности естественно-научного знания, отправляясь от которых можно было бы продвигаться к решению фундаментальных проблем психологии индивидуальности. Такие образцы ученый усмотрел в учении И.П. Павлова об основных свойствах нервной системы как задатках психологического своеобразия черт индивида и общеличных особенностей.

Начала концепции школы Б.М. Теплова — В.Д. Небылицына строились на достижениях павловской школы, базирующейся на казавшемся тогда строго материалистическим морфофункциональном подходе к первичному изучению свойств нервной системы. Павловская школа в то время являла собой признанный образец объективного, контролируемого экспериментом знания.

И.П. Павлов в качестве главного элемента типологического анализа рассматривал особенности процессов возбуждения и торможения, присущие нервной клетке. Диагностику свойств нервной системы как возможных предикторов индивидуально-психологических различий первоначально пытались осуществлять с помощью наблюдения за их поведенческими проявлениями в типологически важных ситуациях. Например, сила нервной системы как ее работоспособность, функциональная выносливость определялась по поведенческим проявлениям при значительных нагрузках, в частности в экстремальных ситуациях (затоплении комнаты, при действии громкой трещотки).

Экспериментальная валидизация такой диагностики показала ее полную непригодность: было четко выявлено несовпадение поведенческого и экспериментального диагнозов. Подобные факты вынудили И.П. Павлова рекомендовать сотрудникам оценивать индивидуальные различия в основных свойствах нервной системы только на основе экспериментальных процедур и по возможности не употреблять психологические понятия.

И Б.М. Теплов индивидуальные различия поведенческих реакций считал неразложимым сплавом генотипа с фенотипом. В период развертывания ширококомасштабных исследований типологических особенностей человека в начале 1950-х гг. Теплов и его научный коллектив считали, что только углубленные экспериментальные типологические исследования могут дать конкретную информацию: сначала — об отдельных (ортогональных) свойствах нервной системы, а затем в отдаленном будущем — об их типичных сочетаниях как основе дифференциально-психологического типа человека.

Школа Б.М. Теплова — В.Д. Небылицына, их учеников и последователей создала уникальные психотехнологии изучения типологически важных индивидуальных свойств (как «латентных переменных», которые должны иметь широкий спектр психологических проекций и «слитий») и их психологических проявлений. Эти наукоемкие технологии не являются такими уж простыми (как распространенные в практике аналитической дифференциальной психологии тесты, наблюдения, опросники, анкеты). Возможно, поэтому психотехнологии и методики фундаментальных типологических исследований столь важные для развития новой субъектоцентрированной дифференциальной психологии, являются сегодня скорее забытыми, чем используемыми в конкретных исследованиях. Однако, как мы уже

отмечали, известна масса тупиковых позиций форсирования «легких» технологий изучения «мозаик» индивидуально-психологических симптомов.

Здесь — в противовес «легким» технологиям в бездумной психодиагностике — лишь уместно напомнить тепловскую стратегию изучения основных свойств нервной системы как задатков сколь угодно важных индивидуально-психологических различий. Программа предполагала проработку нескольких логически связанных стадий дифференциального исследования.

Первая стадия — проработка физиологического (нейрофизиологического) содержания и принципов построения синдрома свойства вплоть до своеобразия его психологического проявления. (На первых этапах рационально добывать «его величество факт», а не предпочтения исследователей!) Очевидно, что свойство — эта «латентная переменная», феномен — не может быть непосредственно измерено в линейных единицах, но отражается в широком спектре индивидуальных проявлений. Поэтому материальная основа свойства (ее можно увидеть, измерить в эксперименте, повторить измерение, соотнести с другими характеристиками) помогает сконструировать комплекс конкретных методик его регистрации как отправного момента сбора научных фактов.

Современные ученые также постоянно подчеркивают целесообразность первичного анализа психофизиологических основ свойства как индивидуально-стабильного, природного, конституционального, генотипичного фактора регуляции формально-динамической стороны деятельности. Так, Б.Ф. Ломов писал о выраженных кумулятивных качествах психофизиологических механизмов деятельности во влиянии генотипа на психику [45]. А.Н. Леонтьев в качестве перспективного метода проникновения в глубинные структуры своеобразия личности — в реально действующие мотивы (в отличие от знаемых мотивов, которые отчетливо отражаются в предпочитаемых непрофессионалами самоотчетах) — обосновал технологию фиксации эмоциональных «меток» событий жизнедеятельности, за которыми стоят нейрофизиологические активации, а более глубоко — «сопряжение» свойств в экологических «нишах» психологии целостной индивидуальности, а также совпадение прогноза и реальности, фиксируемое в текущий момент жизнедеятельности [41].

Вторая стадия комплексной стратегии изучения «латентных переменных» — конструирование (на основе психофизиологического содержания свойства) широкого комплекса разнообразных типологических методик, поскольку каждая методика предположительно отражает лишь разные аспекты манифестации свойства... Ученый отстаивал идею произвольности референтных показателей свойств. Чем больше было разработано таких методик, тем объективнее считалось типологическое исследование. При этом каждая методика обес-

печивалась специальным — часто дорогостоящим — оборудованием, а также подкреплялась уникальными инженерными разработками.

Третья стадия включала в себя сбор «сырых» экспериментальных данных на репрезентативной выборке испытуемых. При этом обеспечивалась проверка тест-ритестовой надежности показателей (эксперимент, в зависимости от сверхзадач исследования, повторялся через месяц, год, десять лет и т.д.). Полученные материалы разделялись на две—четыре части для раздельной статистической обработки и сравнения идентичности закономерностей. Опыт часто повторялся с разными экспериментаторами, а также при включении показателей заведомо других свойств...

Четвертая стадия программы — обработка полученных «сырых» данных с помощью современных статистических методов. В.Д. Небылицын в этой связи обосновал необходимость применения корреляционного и факторного анализа интеркорреляций сопоставляемых вариантов. Эти методы и сегодня остаются своеобразным микроскопом естественно-научных дифференциальных областей психологии и акмеологии. Они позволяют из несистематизируемого множества показателей выбрать группы взаимосвязанных, взаимокоррелирующих параметров, которые — при условии их вхождения в общий фактор — могут трактоваться как обусловленные единым генезом из-за принадлежности к определенному индивидуальному свойству. Полученный синдром, содержащий референтные показатели прорабатываемого индивидуального свойства, уже мог интерпретироваться как отражающий, например, силу нервной системы.

Пятая стадия — соотнесение «картины физиологических свойств» с характеристиками дифференциальной психологии индивида и личности. Этот момент тепловской программы является главным, поскольку детальное исследование природы индивидуальных свойств нервной системы не было самоцелью, а предпринималось с дальнейшей стратегической целью — познать и понять закономерности формирования и развития индивидуального своеобразия человека как индивида, личности, индивидуальности для построения объективной дифференциальной психологии. Такая стратегия должна была способствовать прогнозированию поведения по предикторам деятельности, а также оптимальному развитию способностей, одаренности, таланта в соответствии с общеличными задатками. Эти предикторы тогда связывались с формально-динамической стороной деятельности, а содержательный компонент скорее относился к социально-детерминированным комплексам личности.

Аналитические исследования «латентных переменных», как показали конкретные исследования [27], выявили сферу четкой приложимости идей направления, но также показали определенные их ограничения. Самая острая тупиковая позиция аналитических стратегий дифференциально-типологических исследований была обна-

ружена в работах, пытающихся выделить и систематизировать так называемые биологические основы индивидуально-психологических различий. Не получалось прямого наложения «картины» физиологических свойств нервной системы на психологию индивида, личности и индивидуальности. Более того, проекция множества индивидуальных свойств на множество психологических особенностей была опосредствована «звеном» деятельности [50]. В.С. Мерлин в этой связи обосновывал превалирование много-многозначных взаимосвязей данных множеств: каждая характеристика первого множества, соотносится с множеством параметров второго множества, и наоборот.

Таким образом, психология индивидуальных различий в то время принципиально не могла быть систематизирована в системе детерминистических связей. При этом, по сути дела, терялась возможность выделить дифференциально-психологические особенности индивида как объект научного исследования в составе фундаментальной психологической науки.

Выделим еще одну тупиковую позицию аналитических дифференциальных исследований. Б.М. Тепловым было сформулировано правило произвольности методик изучения дифференциально-типологических особенностей индивида (что, несомненно, было продуктивным для гносеологического плана конкретных экспериментов). Однако неправомерно расширительный перенос этого правила и в онтологический план привел к таким стратегиям планирования эмпирического исследования, которые были оторваны от сущностных детерминант «человеческой» индивидуальности. Развернутый в этой связи поиск характеристик, не зависящих ни от целей, ни от личностных смыслов, ни от мотивов деятельности, призван был изучать только формально-динамическую сторону произвольной активности, абстрагируясь от ее содержательного компонента. Так была принципиально закрыта «прописка» дифференциально-типологических фактов в фундаментальной дифференциальной психологии.

Расширительное понимание данного правила привело к еще одному неверному выводу — о неправомерности продуктивного изучения формирующейся и развивающейся деятельности в области типологических исследований. (Сформировался неверный околонучный миф о том, что деятельность не могла иметь какие-либо задатки!)

Таким образом, данный этап аналитических дифференциальных исследований в дифференциальной психофизиологии и психологии выявил ряд тупиковых позиций, выход из которых требовал создания новых методологических разработок, нового эксперимента и новых путей решения задач практики.

Эксплицитный этап (1968—1998 гг.) становления начал системной дифференциальной психологии в ее интегративной связи с диффе-

ренциальной психофизиологией знаменателен осознанием учеными и практиками потребности в законах типологического познания. Вместе с ее осознанием появился термин «дифференциальная психофизиология», характеризующий новую самостоятельную область психологии, столь ключевую для фундаментальных исследований своеобразия психологии индивидуальности. В данный период оформляются представления об инновационных целях и задачах направления, предмете, объекте, проблематике, общих и частных методологических принципах [19, 27, 28]. Здесь продолжены исследования индивидуально-стабильных, природных, конституциональных, генотипических особенностей индивида, но существенно расширился анализ условий, механизмов и факторов включения синдромов (комплексов) свойств в функциональные системы, в поведение и деятельность.

Открытие эксплицитного этапа и оформление субъектной дифференциальной психофизиологии и психологии в отдельное направление психологических наук связаны с возникшей в типологическом познании проблемой общих и частных свойств нервной системы. Фиксировались факты несовпадения показателей свойств в разных областях мозга, зависящего — как тогда предполагали — от модальности условного раздражителя. Возникла проблема парциальности, или региональности основных свойств нервной системы, которую В.Д. Небылицын попытался решать в русле изучения общих свойств нервной системы на основе морфофункционального подхода к их поиску.

Необходимо было выделить мозговой субстрат, функционирование которого характеризовалось бы надмодальностью, а уровень свойства — монометричностью. Владимир Дмитриевич назвал ее регуляторной системой, включающей лобную (антецентральную) кору вместе с функционально связанными с ней структурами фронто-ретикулярного и фронто-лимбического комплексов. Надмодальные общерегуляторные, надситуативные их функции: программирование актов поведения, создание активационной и эмоциональной «канвы» действия — в то время позволили в определенной мере снять проблему парциальности основных свойств нервной системы и начать экспериментальное изучение общих свойств.

Специальные исследования типологических аспектов дифференциальной психологии этого периода были нацелены на выделение надмодальных параметров неспецифической ретикулярной формации в вызванных потенциалах лобных долей (на модели МВПП — моторных вызванных потенциалов пассивных движений). С помощью психофармакологии удалось выявить характеристики неспецифической активации во второй фазе основного негативного компонента МВПП, а затем с помощью их оценки в ходе возрастающей интенсивности проприоцептивных нагрузок изучить первое

общее свойство нервной системы — функциональную выносливость — силу регуляторной мозговой системы [12].

Можно отметить, что типологические исследования данного этапа впервые наметили и подвергли объективному анализу «вертикальный срез» разноуровневых свойств индивидуальности, которые в виде эволюционно-системно обусловленных «слитий», «гроздьев» интегративных свойств индивида и личности четко анализируются в типологических факторах.

По Б.Ф. Ломову, психофизиологический уровень индивидуальности является опосредствующим звеном воздействия генотипа на поведение и психику. Он структурирует «жесткие» звенья внутренних условий взаимодействия субъекта с внешним миром [45].

В.Д. Небылицын часто подчеркивал, что без системной интеграции дифференциальной психологии и психофизиологии нет другой разумной стратегии фиксации законов психологии индивидуальных различий. Ученый в качестве мощного двигателя инновационного развития традиций типологических исследований таким образом открыл новое их направление, назвав его *дифференциальной психофизиологией*. Сам термин «дифференциальная психофизиология» В.Д. Небылицын ввел в 1969 г. в предисловии к изданию трудов отечественной типологической школы «Проблемы дифференциальной психофизиологии». (До этого времени труды лаборатории Б.М. Теплова назывались «Типологические особенности высшей нервной деятельности»).

Владимир Дмитриевич отмечал, что изменение названия не было данью моде, но было направлено на снятие противоречий, фиксируемых в исследованиях основных свойств нервной системы и их психологических проявлений, а также для того, чтобы «очеловечить исследование свойств нервной системы у человека», расширить область применимости типологических концепций. Все это было нацелено на создание новой субъектоцентрированной дифференциальной психофизиологии активности в ее эволюционно-системной взаимосвязи со сколь угодно важными индивидуально-психологическими особенностями человека. Доказательно подчеркнуто, что целостная индивидуальность может стать новым объектом исследований не только в дифференциальной психофизиологии, но и в формировании новых аспектов дифференциальной психологии [27].

Проработка проблем дифференциальной психофизиологии уже на самых начальных этапах работ столкнулась с рядом трудностей воссоздания «живой» психологии индивидуальных различий из имеющихся «мозаичных» и статичных ее нейрофизиологических фрагментов. Примененные технологии (условных и безусловных рефлексов, произвольных функций, манипулятивных психофизических экспериментов) часто фиксировали лишь трансситуативную вариативность индивидуальных характеристик, а также необозримую множес-

твенность психологических проявлений парциально распределенных свойств нервной системы.

Это привело в началах дифференциальной психофизиологии к иницированию В.Д. Небылицыным системных исследований общих свойств через типологическое изучение регуляторной мозговой системы [54, 55]. Главное, что в будущем было привнесено в типологические работы, — новые технологии квазиэксперимента, а также изучение типологических синдромов, включенные в поведение и деятельность. Особый путь поиска общих свойств (через «целостность», «интегративность», «сущность отдельного» конкретизировался в изучении надмодального мозгового субстрата, а также регуляторных аспектов протекания психических функций [12, 27, 54, 55]).

Важным итоговым результатом эксплицитного этапа типологического познания стали разработки методологии, теории, квазиэксперимента и системотехник прикладных исследований в русле концепции целостной индивидуальности.

Исследования в области дифференциальной психофизиологии путем экспериментов и контролируемых наблюдений доказали системную природу закономерного сочетания свойств индивидуальности в поведении, соотносящемся с психологическим своеобразием человека.

Рефлексивный этап развития типологического познания (1998–2013 гг.) связан с осмыслением результатов конкретных исследований в контексте места дифференциальной психологии и психофизиологии в системе человекознания, перспектив развития типологического познания и его проекций на потребности социальной практики.

Собранные в типологических исследованиях факты оказались настолько обширными, что потребовалась специальная рефлексия к прошлому в настоящем с перспективой на будущее (табл. 1.1).

Теоретико-методологические и экспериментальные разработки в области эксплицитного этапа типологического познания позволяют выделить наиболее существенные итоговые результаты. Их специфика при аналитической и субъектоориентированной парадигмах изучения индивидуальных различий показана в данных табл. 1.1, где фиксируются ключевые различия этих направлений.

Данные таблицы выделяют следующие основные выводы из исследований в русле рефлексивного этапа развития дифференциальной психологии и психофизиологии.

1. Типологические исследования индивидуальных различий в свете аналитического способа познания можно охарактеризовать двумя тенденциями: а) использованием схем детального анализа отдельных особенностей организма, индивида и личности, при котором неизбежно реконструируется парциальность их распределения, теряется целостность индивидуальности; б) сведением многогранной индивидуальности к одному из ее моментов («срезов»), являющему собой

Таблица 1.1

Специфика сфер познания индивидуальности в аналитической и субъектоцентрированной парадигмах дифференциальной психологии и психофизиологии

	Аналитическая парадигма	Субъектоцентрированная парадигма
1	2	3
Цель исследований	Поиск ортогональных свойств индивида и личности и их психологических коррелят	Открытие законов образования «жестких» звеньев функциональных систем, опосредствующих влияние внешних причин на поведение и психику, с фиксацией типологических синдромов реализации субъекта психической деятельности
Предмет исследований	Индивидуальные различия организма и личности, связанные с индивидуально-стабильными, природными, конституциональными, генотипическими особенностями индивида и личности	Индивидуальное развитие как системная целостность в генерации своеобразия психического склада человека, где интегрированы свойства, идущие из прошлого (генотип, онтогенез), настоящего (компарация прогноза и реальности) и будущего (информационный эквивалент образа потребной цели)
Объект исследований	Индивидуально-психологические особенности индивида и личности, часто анализируемые через природные факторы их существования	Психология целостной индивидуальности в ее системном влиянии на своеобразие сколь угодно важных индивидуальных различий в своеобразии психики
Методология исследований	Деятельностный принцип	Системный и комплексный принцип, интегративный подход к изучению психологии индивидуально-личностных различий, специфические дифференциально-психологические системники их изучения
Метод	Эксперимент психофизического плана с фиксацией индивидуально-упроченных стимулов и реакций, ориентирующийся на нормальность распределения первичных вариантов	Квазиэксперимент, основанный на фундаментальной типологической теории, а не на нормальности распределения первичных вариантов
Статистические способы доказательства	Корреляционный и факторный анализ для выделения ортогональных факторов	Облическая модель факторного анализа, таксономия, методы непараметрической статистики, сравнение «крайних» групп обследуемых (например, по критерию Манна—Уитни)

необозримую эмпирическую многоаспектность. Разрешение противоречия между целостной природой психологии индивидуальности, существенные свойства которой проявляются в активных формах субъектно-объектного взаимодействия, и привычным дедуктивным способом анализа типологических феноменов потребовало обращения к эволюционно-системным, структурно-динамическим взглядам на интегративность синдромов индивидуальности. Такой ракурс позволяет учитывать генезис сцеплений разноуровневых ее свойств в развитии деятельности во взаимодействии со средой, что требует привлечения системного анализа.

2. Реализация методологического аппарата системного подхода в экспериментальных типологических исследованиях в области дифференциальной психологии предполагает рассмотрение взаимосоддействия разноуровневых свойств человека достижению целей действий и реализации мотивов деятельности. Изученные в таком ракурсе функциональные системы (например, на модели изучения индивидуальных особенностей антиципации) соотносятся со стратегиями поведения, темповыми и результативными параметрами деятельности [16, 27]. При этом ситуативные «координаты» квадранта деятельности (сочетание степени сформированности стратегии поведения и субъективной вероятности успеха в прогнозируемом действии) определяют включенность генотипических особенностей человека в функциональные органы произвольности [16, 27]. Здесь экологические «ниши» целостной индивидуальности составляют наличную ее гармоничность, непосредственно сказываются на психоэнергетике поведения и стратегиях достижения акмеологического статуса зрелой личности [22, 25, 26, 27].

3. Типологический анализ активных форм взаимодействия субъекта с миром, отправляющийся от идей целостности разноуровневых особенностей индивидуальных различий в поведении, позволяет поновому решать проблемы психогенетики, дифференциальной психологии и психофизиологии. Так, рассмотрение «общего» через «целостность» снимает проблему парциальности индивидуальных свойств: индивидуальные различия, фиксируемые в характеристиках функциональных систем, не образуют монолитного единства, но представляют собой иерархически организованную целостность.

Транситуативная вариативность индивидуальных особенностей в этой связи является закономерным следствием влияний надситуативных координат деятельности на организацию функциональных систем и на включение в их состав конституциональных компонентов. Подверженность топологии функциональных систем радикальным трансформациям при переходе в иные квадранты поведения делает внешне сходные его актографические параметры существенно различными по типологическим опосредованиям в механизмах реализации произвольных действий. Индивидуальная стабильность

и даже крайняя ригидность определенных психологических черт человека объясняется наличием в функциональных системах «жестких» (комфортных для человека) индивидуально-обобщенных звеньев, являющихся (при фиксации развития) задатками общеличностных особенностей.

4. Системное видение целостности свойств индивидуальности в активном субъекте психической деятельности априорно расширяет область применимости типологических концепций. С этих позиций становятся понятными постоянно фиксируемые связи психологии индивидуальности и парциальных характеристик отдельных регионов мозга. По-видимому, стабилизация развития деятельности обусловливает моменты, когда потенциальные много-многозначные связи отдельных характеристик человека уступают место детерминистическим зависимостям [13].

5. Дальнейшая проработка концепции целостной индивидуальности основывается на том факте, что любой отдельный ее феномен, включаясь в динамику произвольных актов, подчиняется системе детерминантов многоплановости функциональных систем. Их кумулятивные свойства объективизируются в процессах опережающего отражения (в частности, в явлениях антиципации) при активных формах субъектно-объектного взаимодействия. Системные процессы антиципации поэтому способны выявить динамику организации разноуровневых свойств и смену детерминант в развитии деятельности.

Таким образом, индивидуальность — в системном ракурсе ее анализа в качестве объекта субъектоцентрированной дифференциальной психологии — понимается не как особая группа индивидуальных особенностей и свойств человека, а как закономерно фиксируемая и обобщенная в поведении констелляция этих характеристик. Соответствующие синдромы возникли в результате индивидуально-системного обобщения типологически важных особенностей прошлого (генотип, онтогенез), настоящего (сравнение прогноза и реальности) и будущего (субъективный образ планируемого результата действия и мотивов деятельности) [16, 27].

Получаемые в субъектной дифференциальной психологии факты созвучны с идеями Б.Г. Ананьева, считавшего, что «единичный человек, как индивидуальность, может быть понят лишь как единство и взаимосвязь его свойств как личности и субъекта деятельности, в структуре которых функционируют природные свойства человека как индивида» [5, с. 178]. Конкретные исследования не случайно поэтому в любом из факторов, определяющих структуру личности, обнаруживают корреляционные плеяды, сложноветвящиеся цепи связей между отношениями и свойствами личности, интеллектуальными и другими психическими функциями, психофизиологическими, соматическими и нейродинамическими особенностями человека [5, с. 153].

Важно отметить, что результаты конкретных исследований свидетельствуют, что целостная индивидуальность может изучаться не только через отдельные (ортогональные) типологические свойства, как бы «спорадически» проявляющиеся в индивидуально-психологических особенностях, а главным образом — через закономерно фиксируемую (при стабилизации развития деятельности) констелляцию этих свойств.

Познание системных закономерностей психологии индивидуальности в ее целостности при эволюционно-системном ракурсе исследований дало возможность выйти за рамки чисто лабораторного эксперимента и перейти к конструированию *квазиэксперимента*, базирующегося на фундаментальной типологической теории [19, 24, 27].

Таким образом, современные исследования в области психологии целостной индивидуальности создали новое проблемное поле, позволяющее перейти от постулирования «мозаичной» феноменологии психологии и психофизиологии индивидуальных различий к изучению закономерностей, связывающих разные их уровни в субъекте психической деятельности.

При этом изменяются критерии практической психодиагностики и психокоррекции, основанные на законах дифференциальной психологии: на смену отсылке людей к бесконечным требованиям деятельности приходят гуманистически-ориентированные критерии — гармоничность, экологичность «сопряжения» разноуровневых свойств целостной индивидуальности. Создаваемые психотехнологии способствуют сохранению психического и соматического здоровья человека, созданию субъективно оптимального эмоционального фона жизнедеятельности, уменьшению ее напряженности.

Знания, содержащиеся в формулируемых представлениях, собранных на эксплицитном этапе типологического познания, позволяют понять характерные для разных типов человеческой индивидуальности «сцепления» и «слития» разноуровневых ее особенностей. Данные паттерны выводятся не традиционным способом — непосредственно из особенностей нервной системы, а анализируются как обусловленные историко-эволюционными законами формирования системных свойств и качеств функциональных органов динамично развивающейся жизнедеятельности. Соответствующие свойства и особенности индивида и личности в живом человеке обладают качеством *континуальности* (соотносимости организмических, личностных, общеличных признаков), включают и параметры текущей ситуации решения когнитивной задачи [27, 28, 31].

Теория целостной индивидуальности в дифференциальной психологии позволила эффективно решать прикладные — социально и личностно значимые задачи. Разработанная технология позволяла любую специфику текущей деятельности представить в надситуативных координатах ее развития и в соответствии с этим выделять ти-

пологические факторы при сопоставлении характеристик целостной индивидуальности с формально-динамическими и надситуационными параметрами реализуемой «здесь и сейчас» деятельности. Последующая интерпретация состава полученных факторов имеет практическое значение для диагностики реального строения индивидуальности, сопряженности ее актуальных свойств с требованиями деятельности. Многочисленные исследования, выполненные с помощью разработанной психотехнологии, знаменовали переход субъектоориентированной дифференциальной психологии к следующему этапу ее развития.

Институциональный этап формирования дифференциальной психологии (2004 — настоящее время) включен в современные инновационные тенденции формирования психологической науки. Их характеризуют субъектоцентрированность, эволюционно-системный подход к объекту познания, практическая направленность при опоре на типологическую фундаментальную теорию и отправляющийся от нее квазиэксперимент [24]. Открываются «смежные» области дифференциальной психологии на стыке психологии целостной индивидуальности, акмеологии, экологической психологии, психологии безопасности индивидуальности [16, 17, 22, 27, 28].

Существенно расширена сфера практической реализации нового ракурса исследований. Это утверждение можно подкрепить хотя бы перечнем тех прикладных исследований, которые выполнены в субъектоцентрированной дифференциальной психологии в последние годы. В частности, современная дифференциальная психология позволила решать такие остроактуальные задачи, как: изучение причин пагубного действия радиации на психику после аварии на ЧАЭС [16]; дифференциально-психологические особенности профессионального «выгорания» [25]; типологические факторы целостной индивидуальности в речевом развитии дошкольника сферы «Родитель — ребенок» (Базылевич, Колядина); выявление стрессогенных периодов депривации профессиональной деятельности (Базылевич, Новоселова). Показано опосредствование гармоничностью индивидуальности: рисков психосоматики, социально-психологической коррекции личностного развития студентов вуза (Хакимзанова), психологических защит личности (Выставкаина). Неожиданным стало, что в типологических факторах акмеологическое благополучие личности соотносится не с отдельными признаками индивидуальности, а с ее интегративным индексом, фиксирующим гармоничность типологических синдромов, сложившихся у человека [17, 22, 23, 27].

Таким образом, можно констатировать, что дифференциальная психология институционального этапа своего развития, важного для понимания и практического использования природных истоков своеобразия и гармоничности внутренних условий взаимодействия

человека с миром, становится остроактуальной для тенденций развития современного человекознания.

Актуальность прикладных исследований в области субъектоцентрированной дифференциальной психологии определяется современными требованиями к безопасности личностно-оптимального здоровьесберегающего развития человека в современном обществе, переходящем от эпохи «масс» к эпохе индивидуальностей с доминантой инновационного способа продуктивного формирования личности. Социальная важность данного ракурса проблем дифференциальной психологии диктуется тем фактом, что общепсихологические законы преломляются в деятельности (ее результативности, эффективности, продуктивности, напряженности, стрессогенности) через интегративные ресурсы зрелой индивидуальности и личности. Чем выше экологический (сохраняющий безопасность жизнедеятельности) потенциал целостной индивидуальности, тем в большей степени психическое развитие человека приобретает созидательный, творческий характер.

1.3. Индивидные характеристики в дифференциальной психологии

Множество характеристик индивидуальных особенностей в дифференциальной психологии принято делить на индивидные (оценивающие свойства, качества и функциональные состояния индивида) и личностные (характеризующие личностные и общеличностные качества), а также оценивающие психологию личности — в широком и узком смысле слова. Категории «Индивид» и «Личность» являются базовыми для психологии индивидуальных различий.

Индивид (от лат. *individuum* — неделимое) понимается в двух аспектах:

1) человек как целостное природное существо, представитель рода *Homo sapiens*, продукт филогенетического и онтогенетического развития в единстве врожденного и приобретенного, генетического и средового, носитель индивидуально-своеобразных черт. Последние сущностно определяют задатки деятельности и способностей, влечения, эмоциональный фон деятельности и т. д.;

2) отдельный представитель человеческой общности, социальное существо, выходящее за рамки своей биологической (природной) ограниченности. Использует орудия, знаки и через них овладевает собственным поведением и психическими процессами.

Наиболее общие характеристики индивида — целостность организмической организации, интегрированной со своеобразием личности; функциональная устойчивость во взаимодействии с окружа-

ющим миром; индивидуально-характерная топология активности. Наиболее четко организмические и психофизиологические характеристики индивидуальных различий (как механизмы их индивидуально-стабильного психологического своеобразия) в дифференциальной психологии выделяются в исследованиях, использующих аналитический способ анализа научных феноменов. Аналитический подход в дифференциальных разделах психологии характеризуется разделением единой психологической реальности целостной индивидуальности на отдельные уровни, части, характеристики, черты, параметры, феномены, явления. Аргументируется такое расчленение, например, необходимостью соблюдения чистоты эксперимента, нивелированием ситуативной вариативности любой психической характеристики, стремлением получить монометричный признак, требованиями надежности и валидности методик и психотехнологий их выделения.

Функциональная асимметрия и специализация полушарий мозга иногда избираются как важный момент индивидуальных различий. В данном контексте специфика полушарий мозга рассматривается в качестве биологической основы индивидуальных особенностей «лапости» (животных) и «рукости» (человека) в доминировании и подчинении конечностей.

Вместе с тем известно, что абсолютного доминирования полушарий не существует. Каждый человек обладает индивидуальным сочетанием церебрального доминирования при вариациях доминирования руки, ноги, уха, глаза. Практические психологи часто предлагают учитывать критерий «ногости» при ориентации раннего приучения детей к праворукости. Однако практика фиксирует факты дезорганизации психики ребенка, имеющие отдаленные последствия.

В практической дифференциальной психологии постоянно разрабатываются приемы и психотехнологии, направленные на восстановление и реабилитацию утраченных в результате такого переобучения психических функций. Так, школьным психологам предлагается организовать специальную игровую комнату, оборудованную широким спектром игровых материалов. Психолог, организуя игровую деятельность ребенка (которая является в этом возрасте ведущей), конструирует ситуации, где сам ребенок — без управления взрослым — решает, какой рукой ему действовать. Так избирается доминирование руки. Очевидно, явное противодействие ребенка избиранию социального норматива праворукости требует принятия потребности ребенка.

Концепция эквипотенциальности полушарий мозга свидетельствует, что полушария изначально являются идентичными в отношении основных психических функций, в том числе и речевой. Причиной этого качества является высокая пластичность мозга и взаимозаменяемость симметричных его отделов. Подкрепляют эту концепцию

данные современной нейрофизиологии, которые, скорее свидетельствуют о переходе в зрелом возрасте человека асимметрии мозга головного в гомогенность нейрональных областей.

В противовес теории эквипотенциальности развивается концепция прогрессивной латерализации в специфике специализаций полушарий мозга, которая существует с самого рождения ребенка. Задатки праворукости — в запрограммированной способности нейронального субстрата левого полушария развивать речевую функцию, определять деятельность ведущей руки. Морфологически эти различия выявляются в строении будущих речевых зон задолго до того, как формируется речь.

Источниками леворукости признается конвергенция трех факторов: средовых (включая культуральные), генетических и патологических. Проработка указанной гипотезы не дает однозначных ответов. Так, было опровергнуто предположение о генетическом происхождении наследования рукости, опирающееся на закон Менделя. Предполагалось, что это качество определяется действием одного гена. Однако было обнаружено, что около половины детей двух леворуких родителей оказываются праворукими, что противоречит высказанной гипотезе. Гипотеза подтверждается, если принять во внимание известные законы психогенетики о наследовании индивидуальных особенностей, часто передающейся через поколение.

Характерная для отечественной психологии традиция естественно-научного ориентирования дифференциальной психологии избирает в качестве референтных психофизиологические признаки индивида. В дифференциальной психологии соответствующие характеристики связывают с основными и общими свойствами нервной системы индивида.

Эта теория свойств нервной системы как задатков своеобразия признаков дифференциальной психологии индивида и личности разрабатывалась отечественной школой Б.М. Теплова — В.Д. Небылицына и их последователями в русле научного направления, получившего в современных работах название «дифференциальная психофизиология» [12, 18, 20, 27, 55]. Не будет преувеличением сказать, что субъектоцентрированная дифференциальная психология создает условия проработки нового ракурса многогранных — классических и новых — проблем психологии индивидуальных различий, открывающей фундаментальные законы дифференциальной психологии.

Теоретическое обоснование дифференциально-психологических работ при их интеграции с дифференциальной психофизиологией дано в концепции типологических задатков деятельности как предикторов топологии индивидуально-психологических различий. Проработка этих вопросов осуществлена школой Теплова—Небылицына в типологических исследованиях высшей нервной деятельности, а также в изучении свойств нервной системы и их психоло-

гических проявлений [55, 68, 69]. Показано, что индивидуальные различия, обусловленные свойствами нервной системы, непосредственно не определяют содержания психического. Они скорее находят проявление в формально-динамических особенностях психики и поведения человека (в темпе, быстроте, функциональной выносливости, работоспособности, стрессо- и помехоустойчивости и др.) [60, 63, 68, 69].

Очевидно социально-мировоззренческое значение данного курса многообразных проблем дифференциальной психологии. Соответствующие типологические характеристики лишены оценочного подхода к индивиду. В частности, выделенные в школе отечественных психологов параметры индивида не претендуют на его социальную оценку — наличия или отсутствия общепризнанных человеческих достоинств. Здесь нельзя утверждать, какие свойства нервной системы в их «слитиях» с характеристиками психологии индивидуальны лучше, а какие хуже. В одних обстоятельствах лучше проявят себя люди с одними свойствами нервной системы, в других — с другими. Так, представители сильной нервной системы хорошо справляются со стрессогенными обстоятельствами деятельности, но обладают низкой чувствительностью и плохо переносят ситуации монотонии.

Большинство надежных и валидных психофизиологических методик, пригодных для изучения синдромов индивидуально-психологического своеобразия человека, являются аппаратными: используются как электроэнцефалографы, так и методики типа «карандаш и бумага», а также бланковые методики [2, 52]. Как аппаратные, так и бланковые методики носят индивидуальный характер.

Особое значение для выделения базовых оценок дифференциально-психологических синдромов — по материалам школы Теплова—Небылицына — имеют характеристики электроэнцефалограммы (ЭЭГ). Экспериментальные исследования в этом направлении констатировали, что «сырая» ЭЭГ (не обработанная математическими методами) не имеет возможности стать объектом дифференциальной психофизиологии в ее интеграции с дифференциальной психологией [27]. (Исключение, пожалуй, составляет депрессия доминирующего альфа-ритма в ЭЭГ, которая связана с эффектами новизны, неожиданности раздражителя, но исчезает в периоды реализации существенных психологических процессов при произвольности активных форм субъект-объектного взаимодействия.)

В силу отмеченных обстоятельств зарекомендовавшими себя объектами дифференциально-типологических исследований стали статистически обработанные параметры ЭЭГ, такие как: энергетические спектры разных диапазонов частот ЭЭГ, ее когерентность и синхронность; вызванные потенциалы, в частности важные для индивиду-

лизированного отражения действий как «кирпичиков» психического [12]. Чтобы продемонстрировать интегративную важность детального типологического изучения индивидуальных параметров для познания своеобразия общеличных характеристик человека, рассмотрим лонгитюдное исследование континуальности сферы «Общие свойства нервной системы — Индивидуальные особенности установки — Выраженность потребности в лидерстве в социальной группе».

Актуальным для проблем природных основ характеристик дифференциальной психологии по целому ряду причин стало типологическое изучение *моторных вызванных потенциалов (МВП)* [12, 16, 27]. Движение традиционно рассматривалось исследователями как своеобразный «кирпичик» психического. Коровое представительство двигательного анализатора имеет тесные морфофункциональные и коммуникативные связи с ретикулярной формацией (ее ключевое значение для проработки проблем общих свойств как морфологического субстрата индивидуальных особенностей очевидно).

Круг феноменов МВП в науке широко и плодотворно используется для изучения индивидуальных особенностей процессов, реализующих движения человека как действия (как «кирпичик» психического). Не будет преувеличением сказать, что в настоящее время МВП являются основным, если не единственным, методом, позволяющим в эксперименте при интактном мозге исследовать относительно тонкие нейрофизиологические механизмы психической активности человека.

Движения человека, включенные в его многообразные отношения с внешним миром, могут служить удобной моделью экспериментального изучения специфики индивидуализации этих взаимосвязей, а также тех индивидуальных свойств, которые опосредуют при этом влияние «внешних причин» через «внутренние условия». В тонких нейрофизиологических механизмах реализации двигательных реакций (которые могут быть проанализированы, в частности, по параметрам МВП) получают отражение самые разнообразные свойства индивида, проявляющиеся в широком континууме его взаимодействий с объективной реальностью: от тех качеств человека, которые характеризуют его как представителя биологического вида *Homo sapiens*, до индивидуальных особенностей, связанных с личностно-пристрастными формами отражения внешнего мира.

В этой области исследований дифференциальная психофизиология в ее интеграции с субъектоцентрированной дифференциальной психологией имеет свой специфический предмет, связанный с изучением «конституциональных», «природных», «устойчивых», «генотипически обусловленных» особенностей индивида, имеющих широкий спектр психологических проявлений [27]. Здесь 40-летнее нейрофизиологическое исследование МВП было ориентировано на

решение вопросов субъектной дифференциальной психологии в единстве теории, эксперимента и практики, необходимым для фундаментальных исследований.

Надо было выявить внемодалльные характеристики мозга, связанные со свойствами неспецифической ретикулярной системы [54]. Объектом экспериментальных серий стали *моторные вызванные потенциалы пассивных движений (МВПП)* по 36 накоплениям отрезков низкочастотной ЭЭГ, имеющие «двугорбие» в конфигурации основного негативного компонента. Выяснение нейрофизиологической природы МВП должно было стать специальной экспериментальной задачей.

В.Д. Небылицыным и Т.Ф. Базылевич была выдвинута гипотеза, согласно которой нейрофизиологической основой раздвоения негативного колебания МВПП (фазы H_1 и H_2) является неодновременность прихода в кору потоков специфического и неспецифического возбуждения, сопровождающих пассивные движения мышц. Механизм образования двух фаз МВПП представляется следующим образом. Неспецифическое возбуждение, в силу полисинаптической организации ретикулярных структур, достигает кору с некоторой временной задержкой. Можно думать, что начальная фаза H_1 есть отражение корковой негативности, вызванной потоком специфического возбуждения, а вторая фаза H_2 отражает неспецифическую активацию.

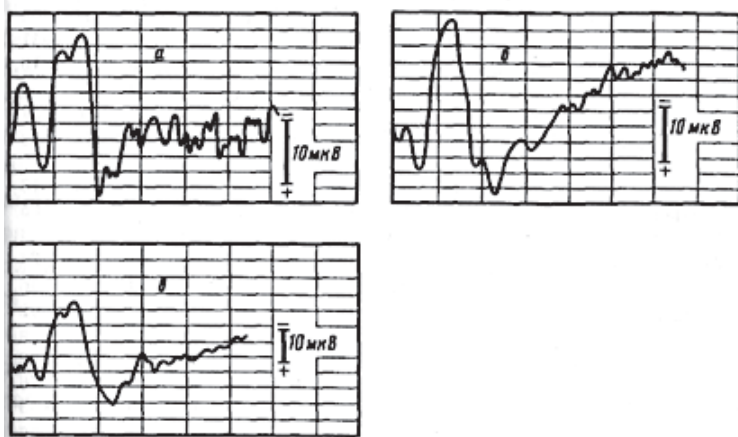
Для уточнения генераторов МВПП у 10 человек исследовалось влияние аминазина (хлорпромазина) на конфигурацию МВПП. (Аминазин прямо не влияет на специфические афферентные системы и на активность нейронов коры, а действует преимущественно на адренергические структуры ретикулярной формации мозга, подавляя их активность.) В соответствии с этой схемой аминазин должен вызывать определенные изменения в тех компонентах МВПП, которые отражают неспецифическую импульсацию, сопровождающую проприоцептивное возбуждение от мышечного сокращения.

В экспериментах, проведенных по стандартной методике [12, 27], три раза регистрировались МВПП. Фоновые эксперименты 1-й и 3-й серий фиксировали МВПП в ходе стандартной процедуры обследования и проводились с интервалом в две недели. У четырех испытуемых, кроме того, был выделен МВПП за год до проведения психофармакологического обследования. Во 2-й серии опытов испытуемые принимали аминазин в драже (50 мг). Через час после приема проводился опыт с регистрацией МВПП. У четырех испытуемых были получены ответы для трех интенсивностей проприоцептивной стимуляции, у шести — лишь при максимальном раздражении.

Сравнение усредненных МВПП, полученных в 1-й и 3-й сериях, и ответов, зарегистрированных у тех же испытуемых год назад, показало их относительную стабильность. Так, на рис. 1.1 видно, что фо-

новые МВПП испытуемого Д.А. сохраняют как индивидуально-характерную форму с четким разделением негативного колебания H_2 на две полуволны, так и основные амплитудно-временные параметры.

При действии аминазина наблюдается изменение конфигурации МВПП, которое у восьми испытуемых выражается в эффекте исчезновения, или редукции (рис. 1.1б) поздней полуволны основного негативного колебания.

Рис. 1.1. МВПП испытуемого Д.А. в фоновых опытах (а, в) и во время действия аминазина (б)

Далее проводился комплекс экспериментальных серий, где фиксировались изменения неспецифических компонентов МВПП в ходе возрастающих функциональных нагрузок как прием фиксации функциональной выносливости, работоспособности (силы) ретикулярной формации. Регистрировали градиенты изменений неспецифических параметров МВПП по мере возрастания функциональных нагрузок [12].

Исследования последнего десятилетия [19, 27] методологически обосновывают и экспериментально доказывают, что системный ракурс проблем типологического познания позволяет экспериментально перейти к типологическим предикторам целых сфер индивидуальной деятельности и выявить задатки «сколь угодно важных индивидуальных особенностей психики», как часто говорил В.Д. Неблицын.

Своеобразная валидизация отмеченных тенденций развития типологического познания, показавших соотносимость разноуровневых типологических предикторов деятельности, осуществлена, например, в конкретном исследовании континуальности сферы «Общие свойства нервной системы — Индивидуальные особенности

установки — Выраженность потребности в лидерстве в социальной группе».

Выделение лидерства как упроченного свойства личности осуществлялось на основе наблюдений компетентных «судей» — коллег по работе, учебе и общению. Ряд эмпирических серий потребовал выделения «крайних групп» по выраженности свойства лидерства (по критерию: среднеарифметическое значение плюс/минус $\frac{2}{3}$ сигмы). В эмпирическом лонгитюдном исследовании в общей сложности приняли участие 256 испытуемых — 120 женщин и 136 мужчин в возрасте 18–25 лет (студентов СТИ, УРАО и слушателей РАГС).

Эмпирическое дифференциально-психологическое лонгитюдное исследование включало в себя сбор материалов по следующим методикам: субъективному шкалированию степени эмоционального предпочтения типологически значимых ситуаций; фиксации акмеологического статуса личности; *оценке структуры целостной индивидуальности* (ОСЦИ) [24]. Обработка результатов проводилась с помощью математической статистики, включающей в себя корреляционный и факторный анализ матриц интеркорреляций собранных показателей, сравнение средних данных для выделенных групп испытуемых по критерию Манна–Уитни.

Типологический эксперимент фиксирует здесь в первую очередь формально-динамическую, а не содержательную сторону соответствующих индивидуальных различий. При этом желание «первенствовать» целесообразно анализировать через фиксацию выраженной потребности зрелой личности в лидерстве с учетом социальной специфики текущего момента жизнедеятельности в реальных ситуациях.

Типологическое познание открывает перспективу создания новых методологических разработок, нового квазиэксперимента и новых путей реализации законов формирования и развития целостной индивидуальности в практике. В данном аспекте в качестве предиктора континуальности сферы «Гармоничность целостной индивидуальности — Акмеологический статус личности — Лидерство» рассматриваются и индивидные, и личностные свойства человека.

Залогом успешного продвижения в познании природы феноменов дифференциальной психологии стала детальная проработка специфических «узлов» проблем системного принципа, системного подхода и системотехник фундаментальных исследований индивидуальных особенностей, специфичных для органических, живых систем. Открываемые в современных дифференциальных исследованиях законы «слития» индивидных и общеличностных признаков в «вертикальном срезе» многоуровневых свойств целостной индивидуальности, очевидно, дали реальные возможности проработки субъектоцентрированной психологии индивидуальных различий и внедрения в практику ее данных.

Контрольные вопросы

1. Предмет дифференциальной психологии. Его изменение по мере накопления научных данных о специфике особенностей, механизмов и факторов индивидуальных различий.
2. Чем изучение индивидуальных различий в дифференциальной психологии отличается от их исследования в социологии и общей психологии?
3. Охарактеризуйте типологический аспект изучения индивидуальных различий.
4. Как соотносятся понятия индивида и личности в дифференциальной психологии?
5. Номотетический и идеографический способы описания индивидуальных особенностей.
6. Методы получения и статистической обработки данных в дифференциальной психологии.
7. Как связаны сила нервной системы и чувствительность? Мировоззренческое значение этого закона.
8. Дайте сравнительную характеристику лонгитюдного метода и метода «срезов».

Глава 2. ПРОБЛЕМЫ ТЕСТОВ В ОБЩЕЙ И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Вопросы объективной оценки психических функций, состояний и свойств при всей очевидной их ясности для дилетанта в психологии являются самыми актуальными, острыми и нерешенными в современной науке. (Этот парадоксальный вывод подчеркнул в своем последнем интервью создатель отечественной школы критериально-ориентированного тестирования Константин Маркович Гуревич.) Поэтому конкретно-эмпирические исследования особенностей, механизмов и факторов психологии индивидуальных различий мы начинаем с анализа пригодности так распространенных сейчас тестов для нужд фундаментального типологического познания.

2.1. Парадоксы традиционных тестов

Дифференциально-психологический аспект общей психологии имеет в субъектоориентированной психологии новый объект — индивидуальность, которая всегда целостна. Такая ориентация позволяет существенно расширить область применимости фиксируемых законов. Таким образом, неминуемо эмпирическое исследование в данной области научного познания концентрирует проблемы типологических задатков, предикторов жизнедеятельности, оптимальных для конкретного человека. Системотехники изучения дифференциально-психологических закономерностей опосредствования личностью пути к вершинным достижениям, проработанные в комплексе теоретических и экспериментальных исследований, отправляются от эмпирических фактов соотнесения выраженности акмеологического статуса зрелой личности, с одной стороны, и оптимальности текущей жизнедеятельности конкретного человека — с другой [22, 28].

Имеющиеся в этом направлении работы часто включают в эмпирические сопоставления данные тестов, которые являются чрезвычайно мощным, но подчас опасным, двусмысленным, «острым» инструментом дифференциально-психологических технологий. Поэтому как начальный имплицитный, так и эксплицитный этапы развития дифференциальной психологии столкнулись с проблемами тестирования. Напомним, что создатель отечественной школы психодиагностики К.М. Гуревич в своем последнем интервью подчеркнул тот факт, что самая остроактуальная и нерешенная проблема

современной психологии связана с вопросами объективной оценки индивидуализации психических функций, состояний и свойств. Как здесь обстоят дела с тестами?

Тесты в современном мире отражают имеющий многовековую историю интерес человека к познанию себя и других людей. Информация об индивидуальных особенностях представляет особую ценность для решения многих научных, прикладных и житейских проблем. Правильность интерпретации этой информации часто определяет благополучие не только отдельных людей, но и организаций, государств.

Тесты направлены на получение объективной информации о каждом человеке, который отличается от других множеством свойств, качеств, характеристик, черт, признаков. Как уже было сказано выше, мы тратим значительные силы на попытки познания самого себя, своих индивидуальных характеристик. Однако обычно используемое при этом самонаблюдение слишком часто приводит к желанию кардинально — даже во вред себе и окружающим — изменить себя (создать своеобразную, комфортную, экологическую, сохраняющую эмоциональное благополучие субъекта «нишу»). Алкоголизм, наркомания, транссексуализм, акцентуации характера, позволяющие хоть на время «выйти» из рамок индивидуально-стабильных особенностей личности, могут быть следствием непознаваемости индивидуальности житейскими способами.

Психическое своеобразие человека как сформированное в эволюции единство свойств организма, индивида и личности в поведении трудно познать с помощью вопросников и анкет. Мало информации дает и непосредственное самонаблюдение. В данном контексте правомерен вопрос: «Знаем ли мы себя?» Каким образом можно получить объективные данные об индивидуальности, каждое мгновение опосредующей влияние внешних причин на внутренние условия взаимодействия человека с миром? Эти проблемы волнуют каждого, поскольку связаны с пониманием и познанием своеобразия психологии человека в его каждодневных проявлениях.

Решение насущных проблем развития общества, перешедшего от эпохи «масс» к эпохе индивидуальностей, предполагает использование фундаментальных законов целостности свойств человека как субъекта психической деятельности. Понятен с каждым годом все усиливающийся интерес теоретиков и практиков к познанию законов формирования и развития индивидуальности, «осколки» которой постоянно собирают исследователи. Но житейские наблюдения, а также сложившиеся исследовательские (как правило — аналитические) парадигмы позволяют лишь фиксировать эту многоаспектную «мозаику», доказывая тривиальную очевидность. Однако обычно используемые при этом самонаблюдение и рефлексия, как уже отмечалось, слишком часто приводят к вербализованным рациона-

лизациям человеком своих апперцепций, которые могут быть следствием непознаваемости индивидуальности «житейскими» способами. Для получения объективных данных об индивидуальных особенностях и в целом об индивидуальности, к сожалению, сегодня обычно используют тесты.

Анализируемые в учебнике разделы дифференциальной психологии затрагивают вопросы, важные для проработки проблем тестов и интерпретации их результатов. В учебнике рассмотрена природа тестовых оценок, технологии традиционного тестирования, ситуативная изменчивость тестовых оценок, культуральные влияния на результаты тестов, несовпадение диагноза и прогноза по результатам тестирования. В логике тенденций развития современного гуманистического человекознания анализируются критериально-ориентированные тесты (КОР-Ты), которые в известных пределах смягчают противоречия тестологии и открывают важные для гуманитарного развития личности перспективы психолого-акмеологической диагностики. Раскрываются понятия квазитестирования и квазиэксперимента, основанные на фундаментальной психологической теории. С данных позиций психодиагностика структуры целостной индивидуальности рассматривается как квазиэксперимент.

Уделено внимание анализу теста как своеобразного аккумулятора житейского опыта, приводятся факты исследования гармоничной и дисгармоничной структуры индивидуальности как предиктора акмеологически эффективной деятельности при сохранении психического и соматического здоровья. Подчеркивается значение научно обоснованного акмеологического тестирования в ходе сопровождения психического развития личности (работа психологической службы образования, проработки проблем трудных и стрессогенных ситуаций гуманитарного развития, основы снятия фиксированных страхов, профотбора и профподбора персонала, выделения существенных детерминант формирования интеллекта).

Проблема тестов остроактуальна для современного социума. Не будет большим преувеличением сказать, что волна тестирования захватила практику. Этот факт является достаточно неожиданным, поскольку понятие «тест» употреблялось в идеологизированной психологии разве что в критическом плане (практика тестирования, по сути дела, была запрещена после известной Павловской сессии 1936 г. (вместе с педологией, системотехникой и психоанализом). Вместе с тем зарубежные тесты постоянно валидизировались и использовались психологами в пилотажных исследованиях и прикладных работах.

Плюрализм мнений, характерный для психологии прошедшего двадцатилетия, способствовал значительному подъему продукции тестов, а затем (когда стали нарастать отрицательные последствия неразумного тестирования) — резкому спаду интереса к явно «неработающим» (а иногда — вредным и антигуманным) тестам.

Таким образом, налицо сочетание в тестах огромной потенциальной пользы для нужд науки и практики и столь же огромной опасности для реализации гуманистических принципов современного человекознания. Все это заставляет снова и снова анализировать проблемы тестов.

Тест (англ. *test* — испытание, исследование) — стандартизированная методика психологического измерения, предназначенная (в плане решения практических задач) для диагностики выраженности у индивида психических свойств и состояний. Обычно тест представляет собой серию относительно кратких испытаний (задач, вопросов, ситуаций). Результаты выполнения тестовых заданий являются индикаторами психических свойств или состояний, выражая континуум индивидуальных различий по данным признакам.

В психологическом словаре тест определяется как краткое, стандартизированное, обычно ограниченное во времени психологическое испытание, предназначенное для установления в сравниваемых величинах межиндивидуальных различий.

Психологические тесты обычно классифицируются по разным основаниям. *По цели применения*: выделяют тесты профессионального отбора, динамики становления профессиональной пригодности; *по формам проведения тестирования*: индивидуальные и групповые; *по содержанию*: определение уровня проявления интеллекта, способностей и др.

Тесты также подразделяются на аналитические и синтетические, аппаратные и тесты «карандаша и бумаги», вербальные и невербальные и др. В патопсихологических исследованиях применяют клинические тесты.

Много внимания тестологи уделяют разработке формальных статистических требований, которым должны удовлетворять тесты. В частности, это стандартизированность, обеспечивающая сравнение результатов, полученных в разное время и в разных местах разными психологами, а также надежность и валидность. Соответствующие тестологические статистические требования излагаются во множестве руководств, журналов по дифференциальной психологии, что делает их, по сути, чисто математическими и — к сожалению — далекими от теоретической и прикладной практики.

Хотя тесты имеют длительную историю, но считается, что их широкое распространение началось после опубликования французскими психологами А. Бине и А. Симоном в 1905 г. набора психологических испытаний для диагностики интеллекта детей дошкольного и младшего школьного возраста. Цель — выявление детей, которые не в состоянии обучаться в массовой школе. Шкала Бине (вторая редакция — 1908 г., третья — 1911 г.) получила широкую популярность не только во Франции, но и в Германии, США и других странах.

Традиционно тест определяется как испытание, в котором разные испытуемые достигают различной степени успеха. Количество правильно решенных заданий теста служит мерой оценки диагностируемого качества. Различия результатов связаны с разной трудностью задания для разных испытуемых. Причины неуспеха связаны с целым рядом позиций. Самое большое значение здесь придается факторам культуры. Тестирование воспроизводит порядок европейской и североамериканской культуры, поэтому испытуемые, которые формировались в культуре другого типа, испытывают состояние дискомфорта. Установлено, что люди низкого социоэкономического уровня (например, пуэрториканцы) выполняют тесты торопливо, выбирают, не думая, случайные ответы, заканчивают работу раньше установленного времени. Часто испытуемые не имеют интереса к абстрактным знаниям и придерживаются мнения о том, что им не приходится ждать хороших результатов.

Тестологи утверждают, что не существует теста, который одинаково воспринимается людьми разных культур. Так, обычно приводится исключительный в своем роде материал исследований 1931–1932 гг. А.Р. Лурии, в которых представлены результаты изучения индивидуальных особенностей жителей отдаленных районов Казахстана [21]. При этом рассматривались не только ответы испытуемых, но и причины, которые побудили их дать именно такие ответы. Тестолог обычно оценивает ответы по рубрикам: «верно», «частично верно», «неверно», что не дает основания анализировать структуру мыслительного процесса определенного ответа.

В приведенном исследовании психологом были подготовлены изображения предметов, хорошо известных испытуемым из их практики. Например, предъявляли изображения молотка, полена, топора, пилы. Испытуемые, завершив классификацию, должны были дать вербальное обозначение той группе, в которую вошли три предмета.

Предполагалось, что правильный ответ должен основываться на классификационном признаке «орудие» или «инструмент» или же будет выбран по практическому принципу. Однако казахи игнорировали эти критерии, а классифицировали тестовые предметы по принципу непосредственной нужности. Испытуемые отвечали, что мы знаем, что полено — тоже инструмент, потому что из его кусков можно сделать инструмент. Когда же психолог апеллировал к мнению «другого человека», то казах не сдавался, ответив, что только сумасшедший человек скажет так.

По-видимому, категориальный признак становится доступен испытуемым, если он необходим в практических ситуациях жизнедеятельности, а это во многом зависит от сложившихся в определенной культуре стратегий воспитания, образования, обучения. В данном случае сопоставлялись традиции двух культур и вывода об интеллек-

те жителей Казахстана, очевидно, делать нельзя. Такие выводы были бы ненаучными и абсурдными.

Взаимное несогласие испытуемого-казаха с мнением психолога объясняется тем, что психолог, предлагая испытуемому классификацию по категориальному признаку (инструменты, предметы домашнего обихода и др.), полагает, что испытуемые произведут обобщение вне зависимости от того, какие признаки этих предметов нужны в тех ситуациях, в которых их используют. Психологи полагали, что испытуемые поймут, что обобщение можно проводить и в отрыве от практической ситуации. Однако для испытуемых выполнение теоретического действия обобщения возможно только в практической (пусть и воображаемой) ситуации. Дело, следовательно, не в том, что испытуемые не умеют обобщать, а в том, что их обобщение всегда направляется принципом непосредственной нужности, и игнорировать этот принцип может только «сумасшедший человек». Возможно, любой категориальный признак оказался бы вполне доступным испытуемым, если бы он был необходим в практической ситуации. Во всяком случае, нельзя отрицать того, что само логическое действие обобщения вполне доступно испытуемым. Но логико-функциональные связи, которые им предлагаются, несовместимы с их культурой. Способны ли они устанавливать другие логико-функциональные связи?

Различия в особенностях умственного развития проявляются наиболее резко не в том, что одни (например, представители городской интеллигенции) способны, а другие (представители отсталых по хозяйственному уровню сельских районов) не способны производить обобщения. Одни накопили большой опыт по любым как угодно далеким от непосредственной ситуации признакам, другие «запрограммированы» своим образом жизни на поиск таких признаков, которые позволяют объединить разнообразные предметы по их непосредственной нужности. Это тоже обобщение, может быть не более простое, чем обобщение по признаку категориальности. Обобщение по принципу непосредственной нужности — прежде всего признак практического ума. Практическая деятельность всегда касается частного, и в ней перед человеческим интеллектом ставится особая задача применения знания всеобщего к частным случаям. Это задача практического ума.

В опытах, описанных в книге А.Р. Лурии, испытуемым предлагались заведомо хорошо известные им предметы, такая задача естественно решалась на основании содержания психики, которое вложено в нее без специальных усилий субъекта — самим образом жизни. Если бы исследование А.Р. Лурии было тестированием, то испытуемые, конечно, получили бы самые низкие оценки. Эти оценки в действительности говорят психологу только о том, что в данном случае имело место сопоставление двух культур. Никаких выводов об интеллекте по этому сопоставлению сделать нельзя, они ненаучны [36].

Авторы считают интериндивидуальные вариации тестовых оценок зависимыми от степени осведомленности испытуемых в информационном поле современного социума. Так, неполный перечень вопросов шкалы Векслера позволяет сделать однозначный вывод: здесь, например, нужно ответить, каковы цвета американского флага, какова форма мяча, сколько месяцев в году, что такое термометр, кем был знаменитый Лонгфелло (поэтом, музыкантом и т.д.), как далеко от Парижа до Нью-Йорка, какова численность населения США, сколько сенаторов в сенате США, какие имеются три вида кровеносных сосудов человеческого тела и пр. [36]. Показательно, что коэффициенты корреляции между заданиями на информированность и всей вербальной серией достаточно высоки (0,89–0,90). Повидимому, ответы на задания по информированности вполне могли бы заменить всю шкалу.

Трудности использования тестов в практике также обусловлены тем фактом, что сложившиеся технологии часто использует клиническую диагностику для оценки «нормы», что неправомерно. Есть и более существенные возражения по поводу широкомасштабного внедрения тестирования в теоретическую и практическую работу психолога и акмеолога. Работами В.Н. Дружинина и его сотрудников показана трансситуативная вариативность тестовых оценок, в частности выявлено, что надситуативные координаты деятельности испытуемых в эксперименте (сочетание степени добровольности прихода испытуемого к психологу из-за явной, значимой для него психологической проблемы и субъективный прогноз испытуемого о влиянии результатов теста на его будущее) настолько резко меняют количественные показатели тестирования, что отсутствуют значимые корреляции между параметрами данных четырех квадрантов экспериментальной деятельности.

Кроме этого, отметим, что тестовая характеристика включает темповый фактор, или «фактор медленного или быстрого интеллекта». Медлительный испытуемый, как бы хорошо и точно он ни работал, всегда будет в проигрыше. Тестологи принимают за аксиому тот факт, что скоростные параметры действий с житейских позиций имеют большую социальную значимость. При этом они «забывают» о медлительности А. Эйнштейна, великих математиков — Н. Лузина и Д. Гилберта. Кроме того, типологические исследования школы Б.М. Теплова — В.Д. Небылицына выделили целый комплекс социально значимых характеристик у лиц инертного — часто медлительного — типа, поэтому считать различия, например, интеллекта испытуемых по тестовым оценкам может только далекий от психологии человек.

Критика тестов также неоднократно подчеркивала, что они в какой-то мере фиксируют «срез» наличных знаний, умений, навыков «здесь и сейчас» и не могут дать удовлетворительный прогноз пси-

хического развития. Несомненна и неоднородность тестовых методик, включающих такие заведомо различные по психологическим механизмам испытания, как методика Роршаха, тесты интеллекта, скорости реакций, диагностика формально-динамических проявлений темперамента.

Одним из существенных недостатков тестового материала считается полное игнорирование эмоционально-личностных моментов, которые в реальных жизненных ситуациях являются системообразующими деятельности [41].

Вместе с тем нельзя относиться только критически к теориям и технологиям теста, поскольку хороший тест является своеобразным сплавом, сгустком психологического опыта. Валидный тест — результат работы целого института в течение пяти лет, поэтому наряду с осторожным отношением к использованию тестов непрофессионалами следует подчеркнуть и необходимость их ревалидации в контексте новейших достижений гуманистического человекознания.

Опыт тестирования в нашей стране и за рубежом со всей очевидностью показывает, что тесты не позволяют определить прямолинейные перспективы психического развития личности. Тестирование дает неверные результаты при обследовании людей из культурно отсталых социальных слоев.

Традиционное тестирование претендовало на выявление способностей в структуре «траекторий» психического развития. На самом деле тесты фиксируют знания, умения, навыки, полученные человеком на сегодняшний день, и не выявляют даже «зоны ближайшего развития».

2.2. Критерально-ориентированное тестирование и новый взгляд на тесты

Новый взгляд на тесты стал формироваться в нашей стране и за рубежом в связи с гуманистическими критериями оценки человека и смысла его существования. Особое место в связи с этим принадлежит акмеологии как науке о полноценном гармоничном формировании психики взрослой личности (Деркач, Зазыкин).

Современная гуманистическая социопсихология показывает, что критерием полноценной жизнедеятельности являются качества развития. Это значит, что организация жизни человека должна способствовать пробуждению интереса к познанию окружающего мира и активизации собственной его активности и инициативности. Этому способствует включение личности в социум, осуществляемое, в частности, через работу. Психологи, социологи, педагоги в практической работе имеют дело со всей психологической реальностью человека

постольку, поскольку они могут способствовать оптимальности его психического развития.

Психологическая служба в развитых странах (например, во Франции) может менять государственные стандарты, если они препятствуют прогрессивному развитию личности. Цели психологической службы — предотвратить стрессующий человека неуспех, способствовать социальному научению и социальной адаптации личности, помогать в трудных ситуациях развития интегрироваться в общий поток социального прогресса (что прямо противоположно цели, выдвигаемой на предшествующих этапах службы, направленной на отделение таких людей), содействовать общеобразовательному и профессиональному росту, повышать квалификацию специалистов в области психологических служб.

Инновационные технологии, основанные на экологической (целостной, сохраняющей, предохраняющей) психологии индивидуальности, должны в плане проведения психодиагностики прежде всего рассмотреть особенности «зоны ближайшего развития». Данная ориентация методов позволяет психологу иметь конструктивную оценку тех новообразований личности, которые на момент обследования еще не фиксируются, но могут быть сформированы во взаимодействии человека с социумом.

Широкое внедрение в практику получили отечественные методики оценки и психокоррекции психического развития детей разных возрастов. Например, школьный тест умственного развития (ШТУР) и комплекс коррекционных методов, как свидетельствует опыт работы школьной психологической службы, позволяют формировать недостаточно развитые высшие психические функции до социального норматива [2]. Успехи в данной области науки отмечены Государственной премией за обеспечение работы психологической службы образования.

Здесь особо отметим гуманистическую направленность российской школы психодиагностики, психокоррекции и реабилитации. В противовес традиционным тестам, пытающимся ситуативно обусловленный диагноз выдать за долгосрочный прогноз будущих успехов человека, в нашей стране и за рубежом развиваются так называемые критериально-ориентированные тесты. Они основываются на социальных нормативах психического развития лиц разных возрастов, выделении соответствующих психических функций, процессов и свойств, которые в комплексе могут обеспечить комфортную напряженность человека в процессе усвоения необходимых для интенсивного психического развития знаний, умений, навыков, своевременная психодиагностика которых позволяет выявить «слабые» стороны рассматриваемого среза характеристик и с помощью коррекционных методик развить уровень нужных параметров до социально фиксируемых нормативных значений.

В этой связи показательны стратегии создания школьного теста умственного развития, который является основным в работе школьного психолога [2]. Первый этап конструирования данного теста состоял в подробном опросе и анкетировании компетентных, авторитетных учителей, психологов, руководителей системы образования относительно их мнения о том, что необходимо школьнику, чтобы он в современной школе учился с комфортной напряженностью и высокой результативностью. Эти материалы анализировались (переводились на язык психологии) с выделением конкретных психических функций, процессов, индивидуальных свойств, знаний, умений, необходимых для каждого возраста школьного обучения.

Далее на каждый аналитически выделенный компонент (отдельно для дошкольников, учащихся 1–3, 4–6, 7–9 классов) конструировали специальные критериально-ориентированные тесты (в двух формах — А и Б), которые тщательно проверялись на надежность, валидность, тест-ритестовую коррелируемость и другие необходимые качества полноценной тестовой методики. При этом важно подчеркнуть, что данные критерии априорно признавались психологами временными, обусловленными сегодняшними требованиями общества к развитию способностей школьника. (Так, например, умение читать когда-то признавалось особой способностью, которой наследственно обладают только дворяне — люди с «голубой» кровью. В наши дни это мнение уже не признается в обществе.)

Реабилитационное значение такой стратегии очевидно. Внедряемые в социальную практику психологические технологии снимают необходимость фатально предопределять траектории психического развития человека, что ранее способствовало созданию в обществе своеобразных психологических резерваций.

Актуальные вопросы проводимой сейчас реформы образования (включающей вопросы непрерывного образования людей разных возрастов) обусловлены его изменившимися стратегическими целями. Ориентация времен застоя на формирование конкретных знаний, умений, навыков и требуемых обществу качеств личности становится в современном мире недостаточной из-за непредсказуемости траекторий индивидуального развития под влиянием сложносочетанных факторов социума.

Развивающийся человек вынужден сегодня действовать в характерных для общества ситуациях неопределенности прогноза будущего. Психологическая специфика данных ситуаций способствует фиксации стрессогенных состояний, выраженность которых неблагоприятно сказывается на психосоматическом здоровье человека и на темпах психического развития. Поэтому планирование содержательной стороны тех знаний, которыми должен обладать индивид, становится в наши дни весьма сложной проблемой. Оптимизация психического развития здесь в значительной степени определяется фор-

мально-динамической стороной жизнедеятельности (темп, объем и др.), которая отражает индивидуализированные задатки способностей личности.

Практическая психология подчеркивает значение научно обоснованного критериально-ориентированного тестирования, в частности в ходе сопровождения психического развития личности в плане работы психологической службы образования. Однако аналитические стратегии традиционных КОрТов, которые подошли для решения определенного круга задач школьного образования, не могут напрямую применяться к работе со зрелой личностью, часто иррациональной, непредсказуемой и вариативно изменяющейся.

Решение актуальных для современного мира проблем совладания с трудными и стрессогенными ситуациями, снятия фиксированных страхов, вопросов профотбора и профподбора, выделения существенных детерминант формирования интеллекта, сохранения и приумножения здоровья нации требуют системного комплексного анализа интеграции процессов, состояний и свойств индивида, личности и субъекта деятельности в структуре индивидуальности. Соответствующие проблемы наиболее полно прорабатываются с учетом знания акмеологических законов формирования целостной индивидуальности как предиктора своеобразия строения психики человека.

Особое значение для модификации психотехнологий тестирования имело обновление системы образования в России, направленное на демократизацию и гуманизацию учебно-воспитательного процесса. При этом кардинально изменились цели воспитания и обучения, в качестве которых выступает не совокупность знаний, умений, навыков, а свободное развитие личности. Знания, умения, навыки сохраняют свое значение в качестве средств достижения целей субъекта. В этих условиях на первый план выступают акмеологические технологии формирования инициативы личности, самостоятельности, креативности, которые позволяют эффективно действовать в условиях неопределенности прогноза будущего (именно эта особенность характеризует современное общество, что ведет к стрессам и психосоматическим заболеваниям, к снижению умственного развития).

Данные качества личности могут помочь преодолевать противоречия между технической и гуманитарной культурой и обеспечить включение развивающегося человека в новые социально-экономические условия общества. Осуществление этих задач предполагает формирование акмеологической культуры самоопределения личности, понимание самоценности человеческой жизни, ее индивидуальности и неповторимости.

Принципиально новый этап развития психодиагностики открывается в связи с интенсивным развитием акмеологии, которая впервые поставила в центре исследования человека, который вариативно изменяется, строит семью, взаимоотношения с людьми, профессио-

нальную карьеру на жизненном пути при высокой «планке» планируемых достижений. Ранее психология изучала психику человека в «особых условиях», например при патопсихологических или нейропсихологических дефектах, личностных деформациях, в младенчестве, в «группах риска». Фиксируемые закономерности с трудом можно переносить на зрелую личность. Отметим, что планируемый в образе-цели высокий норматив результата деятельности является целостнообразующим фактором, скрепляющим параметры жизнедеятельности в «жесткие» звенья, которые служат инвариантным звеном широкого содержательного спектра целенаправленной активности и сказываются в эмоционально-энергетической «канве» жизнедеятельности.

2.3. Дифференциально-психологическая оценка в критериально-ориентированном тестировании

Кардинальные изменения в психотехнологии тестирования вносят гуманистическое человекознание и, в частности, субъектоцентрированная общая и дифференциальная психология. Акмеологические нормативы психического развития имеют особое значение для инноваций в критериально-ориентированном тестировании, поскольку они вместо средних критериев формирования способностей «нормы» вводят высокие «планки» достижений зрелой личности при условии сохранения психического и соматического здоровья и удовлетворенности человеком своей жизнедеятельностью. Остановимся более подробно на этих позициях.

Акмеология — теория и практика вершинных достижений человека, наука о снятии деструктивных тенденций и негативных состояний живых органических систем, о торжестве жизни, порядка, творчества, апофеоза жизни. Акмеология формируется на стыке педагогической психологии, психологии развития и дифференциальной психофизиологии и психологии в русле законов психологии целостной индивидуальности для открытия закономерностей нахождения индивидуально-действенных путей постижения (процесса и результата) траекторий развития на пути к «акме» (вершине).

Сфера внимания акмеологии включает, в частности, высшие потенции, пики развития, выдвижение целей (в процессах цель — средство — результат) в ходе получения высших достижений. Объект общей акмеологии, таким образом, обладает максимально высшей онтологией с помощью утверждения природы индивида как биосоциального существа природы, общества, культуры и цивилизации. При этом учение о высших гуманистических достижениях сочетается с синергетикой и системным подходом.

Обоснованность выделения данного комплекса результативной жизнедеятельности в особый психологический паттерн свойств индивида и личности показана в экспериментах, где регистрировали характеристики «жестких» звеньев функциональных систем в разных ситуациях. Характерная для результативной вероятностно-прогностической деятельности высокая субъективная вероятность «успеха» (при совпадении прогноза и реальности) в сочетании с определенной степенью формирования стратегии поведения, как показано в конкретном исследовании [16], фиксирует в функциональных системах особые паттерны конституциональных звеньев индивидуальности.

Акмеология — интенсивно развивающаяся в человекознании гуманистическая наука, которая сформулировала исторически-инвариантные идеи, составляет основу исследований в области ее нового направления — дифференциальной акмеологии — на стыке с дифференциальной психофизиологией и психологией. Рассматриваемый ракурс объекта исследования позволит дополнить общую психологию и акмеологию, фиксирующую присущие всем людям законы постижения вершинных достижений зрелой личности, закономерностями ее индивидуализированных форм на основе знаний, помогающих понять, чем каждый из нас по своей природе в оптимальном целеполагании отличается от других людей.

Возможность подобного нового ракурса предмета исследований открылась после прохождения типологическими науками имплицитного и эксплицитного этапов развития и перехода к рефлексивному этапу. Рефлексивный этап связан с осмыслением результатов типологических исследований в контексте места направления в системе человекознания. Когда стали изучаться индивидуальные стили деятельности, формирование высокой мотивации деятельности, возникла острая потребность кооперирования с психологией личности и индивидуальности [Деркач А.А., Зазыкин В.Г., 2003, с. 20], что, по мысли авторов, могло существенно расширить пространство видения дифференциальных областей психологии.

Включение в сферу типологических исследований вектора «Индивидуальность» не является данью времени, а отражает сущностные тенденции развития человекознания. Здесь неоднократно подтверждается тот факт, что повышение уровня профессионализма прямо связано с усилением детерминистических влияний на компоненты АКМЕ со стороны индивидуального и личного. Подобные факты требуют рассмотрения интегративности характеристик индивида, личности, индивидуальности в субъекте психической деятельности. Приведенный аспект анализа представлен в исследованиях интеграции индивидуальных различий в целостную индивидуальность (Базылевич Т.Ф., 1991–2012).

Необходимость проработки дифференциально-психологических аспектов общей акмеологии, прежде всего, основывается на комплексе эмпирических фактов, требующих «строительства моста» между этими направлениями гуманистической науки. Так, например, общеакмеологический закон об активизирующей роли мотивации профессиональной деятельности в достижении высокой эффективности труда, как показывают типологические исследования [36], не всегда действителен. Люди, обладающие слабой (высокоактивированной) нервной системой, в условиях высокомотивированной деятельности при стрессогенной ситуации впадают в ступор. (Эти закономерности сказываются в значительной роли «человеческого фактора» в причинах глобальных катастроф.)

Игнорирование законов формирования индивидуальных особенностей в сфере компонентов высшего профессионализма проявляется в психосоматических нарушениях у людей, поведение которых относят к типу «А». Здесь внешне благополучные, успешные профессионалы (управленцы, госслужащие, менеджеры) в условиях европейских норм жизни — конкуренции, борьбы, стремления к высшей результативности деятельности — имеют высокий процент ишемической болезни сердца (ИБС) и рисков психосоматики. Эти люди придерживаются принципа сравнения «себя с другими» и часто из-за этого получают инфаркт, гипертонию, радикулит, рак и другие «болезни цивилизации». Показательно, что страны Востока с их психосоциальной культурой не фиксируют данного феномена. Если же восточный человек меняет место жительства, то, оказываясь в условиях европейских традиций, становится подвержен психосоматике. Кроме того, известно, что только 2 % россиян реализуют в актуальных способностях задатки одаренности и гениальности.

Подобные факты требуют проработки технологий, раскрывающих механизмы интегративной целостности характеристик индивида, и личности как компонентов целостной индивидуальности в субъекте психической деятельности (в гносеологическом плане они обычно рассматриваются как достаточно ортогональные стадии формирования оптимального развития личности). Вместе с тем снова и снова подтверждается правило непрямолинейного отражения в поведении и деятельности типологических особенностей человека (его индивидуально-обобщенной психогенетики) через призму психофизиологического уровня индивидуальности [45].

Стабилизация развития деятельности (в частности, ситуации креативности, монотонии, экстремальности), если человек не применяет специальные методы саморегуляции, приводит к превалированию «жестких» звеньев в строении функциональных систем. Подобного рода типологически запечатленная деятельность предъявляет высокие требования к психофизиологической организации

индивида, а соответствующие профессии предполагают профотбор и профподбор по индивидуальным свойствам [36].

Акмеологически важная гармонизация взаимодействия внешних причин и внутренних условий индивидуальности может осуществляться, например, с помощью индивидуального стиля деятельности, который позволяет людям, обладающим противоположными свойствами индивидуальности, достигать акмеологически существенных — высоких, социально значимых результатов [29, 36]. Однако стабилизация развития деятельности, когда определены ее координаты: сформированность стратегии поведения и субъективная вероятность успеха в реализации поставленной цели, — способствует детерминистическим воздействиям индивидуально-обобщенных свойств человека на психические процессы. При этом эффективность деятельности достигается с помощью формирования оптимальных, гармоничных «экологических ниш» индивидуальности [17]. В таких случаях недостатки одних свойств компенсируются преимуществами других. (Например, низкая чувствительность может дополняться высокой функциональной выносливостью, работоспособностью нервной системы [16, 27].) Отсутствие же гармонии природного с социальным и средовым способствует возникновению у человека состояний напряженности, психического насыщения и перенасыщения, а также отрицательных эмоций, сопровождающих жизнедеятельность, что в комплексе ведет к дезадаптации личности и отражается в «поломках» психосоматики.

Постановка вопроса о природе индивидуальных различий в парадигме аналитических исследований (в частности — в дифференциальной психофизиологии) выявила противоречия (тупиковые позиции) детальных исследований отдельных свойств нервной системы и их несистематизируемых (спорадических) психологических проявлений. Конкретно-экспериментальное изучение типологических основ индивидуальности как феномена интеграции организмических, индивидуальных и личностных свойств в субъекте психической деятельности привело к проработке концепции целостной индивидуальности в плане построения начал дифференциальной акмеологии.

Типологический этап работ начат под руководством и при участии В.Д. Небылицына — известного российского психолога, основателя отечественной школы дифференциальной психофизиологии, позволяющей, как думал ученый, понять, чем каждый из нас отличается от других людей [55]. При этом нейро- и психофизиологические исследования типологических особенностей человека не были самоцелью. Они были направлены на раскрытие столь ценных сегодня для проработки начал дифференциальной психологии механизмов целостного поведения и «общей природы личности».

Целью практической дифференциальной психологии является соשרенствование человека в условиях нормативных критериев успеха при целеобразовании и эффективность целеполагания в структуре жизнедеятельности. Здесь критериальная ориентация оптимального достижения и совладания с АКМЕ направлена на сохранение психического и соматического здоровья человека и гуманизацию психического развития.

Перспективной целью открытия законов субъектоцентрированной дифференциальной психологии является формирование целостной индивидуальности для планирования оптимальных путей достижения АКМЕ и совладания с АКМЕ, что способствует саморазвитию и самосовершенствованию зрелой личности, ее самореализации, самообразованию, самокоррекции и самоорганизации, если наряду с критерием успеха фиксированы нормативные критерии непрерывного и всегда индивидуализированного развития инициативности и креативности в целях сохранения психического и соматического здоровья.

Практик должен учитывать тот факт, что индивидуальное своеобразие сложноиерархизированных структур целостной индивидуальности на пути к АКМЕ трудно поддается самонаблюдению, поэтому традиционные опросники, анкеты, тесты слишком часто диагностируют вербализованные рационализации человеком его апперцепций. При самонаблюдении типологические особенности проявляются в эмоциях, которые возникают у испытуемого в определенных ситуациях жизнедеятельности, когда стабилизировано ее развитие (эти ситуации изучены в обобщенных нами исследованиях школы Б.М. Теплова — В.Д. Небылицына: Т.Ф. Базылевич, 1983—2006 и др.). Поэтому **основной дифференциально-психологический метод** субъектной дифференциальной психологии — это **квазиэксперимент**, основанный на фундаментальной типологической теории, формулирующей законы гармонизации и развития целостной индивидуальности при системообразующей роли оптимально выраженного вектора «Мотив — Цель».

Таким образом, дифференциальная психоакмеология изменяет взгляды на тесты и на психотехнологии тестирования. Акмеологические законы развития способностей, одаренности, таланта взрослой личности вместо средних (общественно установленных, «нормальных») критериев психического развития ориентируют теоретика и практика на субъективно значимую гармонизацию свойств индивида и личности в процессе эмоционально-комфортной, комфортно-напряженной, эффективной и результативной жизнедеятельности при условии сохранения психического и соматического здоровья и удовлетворенности человеком своей жизнедеятельностью.

Данные критерии предполагают целый ряд психологических проявлений: эмоциональное сопереживание процессам реализации целей общества, семьи, организации; эмоциональное переживание

осознанных субъективных и объективных «вкладов» в других людей и в социум. Эти позиции гражданственности личности синергетически связаны с формированием такой иерархии мотивов и потребностей, которая способствует интериоризации соответствующих психических новообразований с активизацией познавательной потребности, процессов самоуправления, самообразования, самовоспитания, саморефлексии.

Возвращаясь к проблеме современных тестов, отметим, что традиционные их технологии не охватывают целостные переживания личностью своего «Я». Прямые методы (опросники, анкеты) просты в процедуре и обработке результатов, но нечувствительны к разделению социально желательной и реальной самооценки. Здесь преимущество имеют проективные тестовые методики. В качестве примера такого рода проективного теста приведу методику косвенного исследования системы самооценок (КИСС), технологии проектирования которой используют действие механизма проекции (данный параметр является ключевым (целостнообразующим) для зрелой личности и ее проявлений в ряде ситуаций жизнедеятельности).

Методика КИСС, разработанная Е.Т. Соколовой и Е.О. Федотовой в 1982 г. [66], позволяет сочетать психометрическую и проективную составляющие в психодиагностической процедуре. КИСС косвенным образом диагностирует и измеряет самооценку в единстве когнитивной и аффективной ее подструктур.

Модификация КИСС сделана Т.Ф. Базылевич с соавторами [21, 24]. Объектом измерения является здесь не отдельная характеристика, а гештальт, отраженный в интегративной эмоциональной оценке человеком схематичных изображений лица. Стимульный материал включает схематические изображения человеческого лица. В схему лица нами был включен рот (в методике Е.Т. Соколовой этот фрагмент исключался, поскольку считается, что рисунок линии рта может давать систематические сдвиги в эмоциональном восприятии лица). При категоризации изображений линия рта ответственна не столько за проекцию устойчивых, сколько ситуативно-аффективных характеристик личности. Присутствие линии рта (в модификации Т.Ф. Базылевич) снимает неопределенность, чем, по-видимому, повышает возможность получения внутрииндивидуальных общекультуральных свойств.

Процедура эксперимента состоит из ранжирования «лиц» по заданным параметрам. Испытуемому предлагается, предварительно ознакомившись с набором из 10 карточек, разложить их в ряд слева направо по степени предпочтения: по критерию «нравится». После классификации испытуемый должен был описать первое и последнее изображения. Затем, смешав карточки, экспериментатор предлагал разложить их по степени сходства с собой (в других опытах можно разложить их по «уму», «доброте», «здоровью» и т.д.). Обработка ре-

зультатов включает подсчет коэффициента ранговой корреляции между ранжировкой «нравится» и ранжировкой «похожести на себя» и другими качествами оценки.

Конкретные исследования показали высокую надежность и валидность методики КИСС. Так, психастения, фобический невроз и невроз навязчивых состояний связаны с очень высокой нестабильностью шкал КИСС (формулы мышления при таких случаях: «Все так изменчиво, из того, что сегодня я себя люблю, не следует, что завтра я не буду себя ненавидеть»). Клиническая картина больных неврозом навязчивых состояний, истерическим неврозом, психастенией характеризуется общей высокой нестабильностью шкал КИСС в каждой новой системе жизнедеятельности, человек при этом характеризуется устойчивой и заниженной самооценкой. Формула этих состояний: «Я хочу быть плохим всегда, даже если весь мир считает меня хорошим».

Предполагается, что конкретные значения коэффициента корреляции, вычисленные по методике КИСС, отражают самооценку личности по интегративной степени субъективной оценки притягия себя.

Самооценка личности тесно (но неоднозначно) связана с уровнем притязаний, который также является компонентом системообразующих факторов зрелой личности. Уровень притязаний (УП) связан с процессом достижения цели. УП определяется уровнем трудности выбираемой цели. Экспериментальное изучение УП широко использует различные модификации методики Ф. Хоппе. Суть методик сводится к выполнению испытуемым некоторого (часто фиксированного) количества заданий, проранжированных по степени трудности, причем выбор степени сложности задания в начальной и последующих пробах возлагается на самого испытуемого. Каждое задание наносится на отдельную карточку, номер которой соответствует рангу задания по уровню сложности. Эксперимент официально представляется как испытание интеллекта (логики, сообразительности).

В приводимой здесь модификации методики включены 12 заданий. Испытуемому дается следующая инструкция: «Перед вами лежат карточки, на обороте которых написаны задания. Номера на карточках обозначают степень сложности задания. Задания располагаются по возрастающей сложности. Необходимо решить все задания. На решение каждой задачи отведено определенное время, которое вам неизвестно. Я слежу за ним с помощью секундомера. Если вы не уложитесь в определенное время, я буду считать, что задание вами не выполнено, и ставлю минус. Если уложитесь в отведенное время — ставлю плюс. Задание вы должны выбирать сами».

Экспериментатор может влиять на ход эксперимента, варьируя отведенное на выполнение задания время и таким образом произвольно оценивать выполнение задания как правильное или неправильное. Испытуемый переходит к выбору и выполнению очередно-

го задания только после получения оценки экспериментатора. Число выборов в приводимом примере теста ограничено пятью попытками. Стимульный материал, представленный на карточках, может выглядеть следующим образом (номер карточки соответствует степени сложности задания).

Карточка 1. Написать три слова на букву «Н».

Карточка 2. Написать название четырех фруктов на букву «А».

Карточка 3. Написать шесть имен на букву «П».

Карточка 4. Написать название шести государств на букву «И».

Карточка 5. Написать пять названий станций метро на букву «П».

Карточка 6. Написать двадцать слов на букву «С».

Карточка 7. Написать, какие материки начинаются с буквы «А».

Карточка 8. Написать название пяти государств на букву «М».

Карточка 9. Написать название пяти фильмов на букву «М».

Карточка 10. Написать фамилии пяти известных киноактеров на букву «Л».

Карточка 11. Написать фамилии пяти известных русских художников, композиторов, писателей на букву «Р».

Карточка 12. Написать фамилии пяти известных русских художников на букву «К».

В качестве оценки УП обычно используется: градация сложности первых выборов; градиент изменения рангов после «успеха» и «неудачи»; суммарное количество набранных очков (количество очков за успешно решенное задание соответствует уровню сложности задания). Данная методика моделирует индивидуальные особенности важной составляющей естественного развития деятельности, позволяет оценить УП по параметрам так называемой «меры сдвига после неудачи» (средняя величина единичных сдвигов после каждого неудачно выполненного задания) и «меры сдвига после успеха» (средняя величина сдвигов в сторону увеличения сложности после каждой удаче).

Относительно значимости получаемых с помощью этих методик результатов: психологические исследования неоднократно показывали значение самооценки и уровня притязаний личности для психодиагностики ее целостной структуры, важной для сохранения психического и соматического здоровья, а также для развития способностей, одаренности и таланта человека.

Под уровнем притязаний принято понимать степень трудности целей и задач, которые человек ставит перед собой, исходя из собственных потребностей, мотивов, системы ценностей и т.д. УП представляет собой обобщенную психологическую характеристику: в любой деятельности независимо от ее специфики каждый человек может демонстрировать свойственный ему УП. Эта характеристика является продуктом уникальной жизненной истории человека как носителя личности в структуре целостной индивидуальности.

Теоретико-методологические основы пригодной для выхода в практику дифференциальной психологии, таким образом, показывают трудность прямого использования аналитических теорий индивидуальности, диктуя необходимость перехода к целостным представлениям о единстве организма и личности в своеобразии типологических предикторов психического развития человека. Поскольку сущность психики индивида и личности системна, то адекватным методом ее познания служит системный подход. Специфическими компонентами системности органических «живых» комплексов является системообразующий фактор «Мотив—Цель», скрепляющий разрозненные психические активации в целостность, компоненты которой взаимодействуют получению субъективно значимого результата и реализации мотива деятельности (более подробно см. [14, 17, 20, 46, 48]).

В то же время дифференциально-типологический ракурс многогранных проблем целостной индивидуальности потребовал обращения к нормативам гуманистического человекознания. Признана недопустимость представлений о фатальной предопределенности траекторий психического развития личности. Даже организмические дефекты генетического аппарата человека (такие, например, как фенилкетонурия) при их ранней диагностике корректируются с помощью специальных технологий и не приводят к слабоумию.

Гуманистические нормативы тестирования включают этические и нравственные аспекты, которые подчеркивают недопустимость манипулирования психикой при допущении возможности насильственного формирования и управления психическими функциями, состояниями и свойствами. В этой связи психолого-акмеологическая служба лишь создает условия, при которых сам человек принимает решение о необходимости развития или психокоррекции определенных характеристик психики, понимая синергическое и компенсаторное значение данных трансформаций в процессе индивидуализированного сопровождения оптимального движения к АКМЕ.

Коротко резюмируя результаты планирующей и пилотажно-эмпирической части исследования типологических предикторов психологии общеличностных достижений, отметим следующие итоговые положения.

Подчеркнута гуманистическая направленность российской школы психодиагностики, психокоррекции и реабилитации. В противовес традиционным тестам, пытающимся ситуативно обусловленный диагноз выдать за долгосрочный прогноз будущих успехов человека, в нашей стране и за рубежом развиваются критериально-ориентированные тесты, которые основываются на социальных нормативах психического развития лиц разных возрастов. Далее выделяются соответствующие психических функции, процессы, свойства, которые

в комплексе могут обеспечить усвоение необходимых для интенсивного психического развития знаний, умений, навыков. Их своевременная психодиагностика позволяет выявить «слабые» стороны рассматриваемого «среза» характеристик и с помощью коррекционных методик развить уровень нужных параметров до нормативных значений.

Особое внимание к критериально-ориентированным тестам прежде всего обусловлено остроактуальными вопросами проводимой сейчас реформы образования, включающей вопросы непрерывного образования людей разных возрастов, что должно кардинально изменять его стратегические цели. Ориентация времен застоя на формирование конкретных знаний, умений, навыков и требуемых обществу качеств личности становится в современном мире недостаточной из-за непредсказуемости траекторий индивидуального развития под влиянием сложносочетанных факторов социума. Только априорное понимание типологического опосредования целостной индивидуальностью сколь угодно важных особенностей человека позволяет изучить и понять роль «сцеплений» и «слитий» разноуровневых ее свойств (в составе внутренних условий субъекта психической деятельности) в генезе достижений личности.

2.4. Целостность индивидуальности как основа конструирования квазитеста в дифференциальной психологии

Понимание интегральной целостной природы индивидуальности идет от известных традиций древних мыслителей, рассматривающих комплексы ее характеристик в контексте целостности взаимодействия человека с его специфической средой.

Такой ракурс объекта исследования с необходимостью предполагает соотнесение вариаций свойств с надситуативными координатами антиципируемого результата действия при решении человеком значимой для него задачи. Эксперимент при этом не может быть манипулятивным, в современной науке он рассматривается как пласт реальной жизнедеятельности человека в ее естественном развитии. Объективная наука, по мысли Б.Л. Пастернака, выводит закономерности из той, так сказать, случайной связи, в которую их как бы занесло отдельным текущим сознанием, и включает их в объективно необходимую связь природы, куда они относятся с логической необходимостью.

Поскольку сущность психики системна [19, 75]: она сущностно детерминируется взаимодействием и/или взаимосодействием комплексов психических процессов, состояний, свойств результату

(цели, мотиву) поведенческого акта, то адекватным способом познания индивидуальных аспектов ее манифестации является системный подход. Основная категория системного анализа — интегративность, целостность [16, 75], поэтому основы дифференциальной акмеологии связаны с проработкой понятийного аппарата целостной индивидуальности [16, 19].

По-видимому, закономерности психологии индивидуальности в ее интегративной целостности являются ключевыми для конструирования эксперимента и теста в дифференциальной психологии. Остановимся более подробно на данной дефиниции. Подчеркнем, что в идеале процесс дифференциально-акмеологического тестирования направлен на психодиагностику степени «благополучия» целостной индивидуальности в гармоничности — дисгармоничности ее компонентов. Познание таких целостных функциональных органов не может осуществляться только с помощью традиционных измерений отдельных свойств, состояний, психических и физиологических функций и симптомов индивида и личности, которые в своей метрике ситуативны и вариативны.

Индивидуальность (от лат. *individuum* — неделимое, особь) — человек как носитель в составе «жестких» звеньев внутренних условий взаимодействия с миром, синдромов разноуровневых признаков, сказывающихся в типичном своеобразии свойств организма, индивида и личности, паттерны которых наиболее полно проявляются в деятельности. Данные синдромы, «слития», «гроздь» разноуровневых индивидуальных признаков постоянно фиксируются в типологических исследованиях. Они непонятны здравому смыслу (соотношения типа: «Белые кошки с голубыми глазами глухи», или «Время переделки навыка коррелирует с выраженностью положительной составляющей суммарной биоэлектрической активности мозга», или же «Сверхгениальных людей характеризует болезнь подагра»), но легко интерпретируются с позиций эволюционно-системных законов формирования психики [19].

Поясним вышесказанное более подробно. Житейские представления фиксируют тот факт, что каждый человек отличается от других людей нескончаемым рядом психических процессов, показателей, симптомов, характеристик и свойств. Например, чувствительность и абсолютные пороги ощущений, время реакции, особенности восприятия, внимания, памяти, креативности, эмоциональности, а также стиль деятельности (равно как и многие другие характеристики человека) индивидуально варьируют.

Взгляды исследователей на природу индивидуальных различий — от Гиппократов до современных авторов — основывались на детальном изучении отдельных частей организма, индивида или личности. Так анализировали, например, темперамент, телесную или нейрогуморальную конституцию, экстра-интроверсию, свойства нервной

системы, параметры альфа-ритма ЭЭГ, иерархию мотивов и ценностных ориентаций личности, генотипичные индивидуальные или социальные личностные признаки.

Форсирование аналитических стратегий изучения индивидуальных особенностей (вполне оправданное на начальных этапах конкретных исследований) вело к лабиринту тупиковых позиций. Так, неоднократно показаны трансситуативная вариативность характеристик человека, парциальность свойств нервной системы, множественность и неоднозначность их психологических проявлений.

Целостность сверхсложных «живых» систем, как известно, принципиально не может быть описана через взаимосвязи отдельных их частей. Целостность применительно к проблемам индивидуальных различий целесообразно изучать через «системообразующий фактор», интегративность характеристик человека, типичность поведения [19, 45].

Системообразующим или целостнообразующим основанием, скрепляющим разноуровневые механизмы субъектно-объектного взаимодействия для получения планируемого результата, является мотивационно-потребностная сфера личности [45]. Вектор «Мотив—Цель» в процессе антиципации обуславливает опережающий характер реагирования человека в сложноорганизованном потоке событий.

Как уже отмечалось, эта модель отражает общие закономерности строения недизъюнктивных структур индивидуальности. Типологии индивидуальности целесообразно конструировать на основе индивидуально-стабильных, природных, конституциональных, генотипических характеристик, которые в силу целостности психики включены во внутренние условия взаимодействия человека с миром.

Категория «индивидуальность» является одной из основных в современной психологии и акмеологии. Однако это понятие до сих пор подчас используют как синоним индивидуальных различий, что ведет к «мозаичным» представлениям о природе данного феномена, редуцируя его содержание. С другой стороны, категория «индивидуальность» рассматривалась как происходящая от лат. *individuum*, что означает «неделимое», «особь».

Проблема воссоздания целостности индивидуальности при всей ее кажущейся простоте долгое время не поддавалась научному решению. Такая этимология содержит ориентацию на одностороннее понимание индивидуальности, которая исходит из биологически детерминированного человека в его единичности, уникальности и неповторимости. На самом же деле индивидуальность интегративно характеризуется своеобразием активного развивающегося человека как обладателя типичной системы свойств и качеств организма, индивида и личности. При этом разные исследователи неоднократно фиксировали тот факт, что целенаправленная активность человека фиксирует сложноветвящиеся «слития» или «гроздь» разноуровневых индивидуальных особенностей.

Целостность индивидуальности наиболее полно раскрывается в единстве свойств организма, индивида и личности в деятельности. Психофизиологический ее уровень является референтным для изучения обобщенных характеристик психических процессов и свойств. Он опосредует влияние генотипа на психику, обладая выраженными кумулятивными качествами, включает типологически важную непроизвольную составляющую произвольной активности [12, 27].

Как уже было сказано, понятия «тип», «типологический» в дифференциальной акмеологии (по традиции идущей от Б.М. Теплова) соотносятся с закономерными сочетаниями организмических, индивидных и общеличных свойств в «жестких» звеньях внутренних условий взаимодействия человека с окружающим миром, а не с отдельными признаками этих сфер психики. Тем самым данное значение четко разграничивается с часто используемой для оценки индивидуальности в популярной литературе характерной «картиной поведения», в которой невозможно отделить фенотип от генотипа [68]. Современная научная психология и у нас в стране, и за рубежом использует термин «типологический анализ» в понимании Б.М. Теплова (хотя в отдельных работах делаются попытки выделить иные ракурсы типологических подходов, которые подчас основываются на достаточно вариативных, несущественных для психики человека характеристиках).

Рассмотрение психологии целостной индивидуальности как составляющей дифференциальной акмеологии [21] позволяет реализовать новые гуманистические принципы и технологии изучения индивидуально-психологических различий собственно в поведении, в деятельности.

Познание закономерностей индивидуальности в ее целостности требует выхода за рамки чисто лабораторного — подчас манипулятивного — эксперимента и перехода к системному ракурсу конкретных исследований в плане конструирования квазиэксперимента, базирующегося на фундаментальной типологической теории. Данная стратегия априорно позволяет анализировать своеобразие фиксируемых в деятельности синдромов по сочетаниям признаков индивидуальности в составе «жестких» звеньев внутренних условий развивающегося взаимодействия человека с миром.

2.5. Оценка структуры целостной индивидуальности (ОСЦИ) как квазитест

Проработка дифференциально-психологических аспектов концепции целостной индивидуальности потребовала конструирования принципиально нового квазитеста, основанного на типологической теории [21, 24]. Причиной такого усложнения конструирования тес-

та является чрезвычайная сложность реального бытия многоуровневой индивидуальности. Традиционные дихотомии социобиологического анализа (в рамках линейных схем: «биологическое — социальное», «генетическое — средовое», «природное — социальное» и т.п.) создают необозримую эмпирическую многоаспектность, приводящую исследователя к тупиковым позициям, что не позволяет перейти от несистематизируемого множества индивидуальных различий к познанию акмеологических законов реальности целостной индивидуальности.

Конструирование принципиально нового типологического квазитеста начато исходя из потребностей общественной практики, где постоянно требуется создание коротких методик, сочетающих фундаментальность теоретико-экспериментальных разработок и возможность использования их в «полевых» условиях при естественном развитии деятельности в реальных ее ситуациях.

Подчеркнутая необходимость создания квазитеста возникла в последние десятилетия, когда встали проблемы опосредствования индивидуальностью: социопсихологических последствий чернобыльской катастрофы; действия малых доз радиации на лиц, постоянно живущих на территориях, загрязненных радионуклеидами, а также на онкобольных в ходе лучевой терапии. Законы формирования целостной индивидуальности также реализуются в понимании причин генеза ишемической болезни сердца, фиксации страха, интолерантности личности, ее враждебности и агрессивности и других остро стоящих социально значимых вопросов в академической науке.

Конкретные исследования также показали влияние интегративных характеристик индивидуальности на принятие политического решения в ходе выборов Президента России. Таким образом, уже в конце 1980-х гг. был сформирован государственный заказ к дифференциальной психологии и акмеологии (планировалось создание института фундаментальной практической дифференциальной психологии). Данные области психологии стали интенсивно развиваться при снятии идеологического прессинга на гуманистически ориентированные области человекознания [27].

Однако задача конструирования типологического квазитеста в то время, когда еще только начинались разработки в русле создания концепции индивидуальности, была практически нерешаемой, поскольку во времена И.П. Павлова было обнаружено несоответствие диагнозов природных типологических особенностей высшей нервной деятельности по поведенческим и экспериментальным показателям. Известен даже парадоксальный случай расогласования такой типологической диагностики. Пес по имени Пострел считался крайне слабым по итогам типологического анализа поведенческих признаков, но оказался «нервным богатырем» по результатам опытного обследования. Б.М. Теплов позднее отметил, что поведенческие жиз-

ненные показатели есть результат сплава генотипа с фенотипом (при этом подразумевалось, что в фиксируемом сплаве неразделимы его составляющие).

Задача конструирования методики оценки природных основ индивидуальности по психологическим проявлениям в самонаблюдении была поставлена в академических работах по изучению эффективности деятельности специалистов экстремальных профессий при 96-часовой депривации сна. Первый этап проработки поставленной проблемы включал обобщение 50-тилетнего опыта теоретических и экспериментальных исследований отечественной типологической школы. Данные конкретных опытов были систематизированы с позиций законов формирования целостной индивидуальности. Перечислим основные «опорные точки» десятилетней аналитической работы по созданию типологического квазитеста.

Во-первых, методика не должна содержать бесполезных для типологического диагноза прямых вопросов на самооценку испытуемым своих характеристик («Вы быстрый или медленный человек?»), а должна фиксировать эмоции, переживания человека в типологически значимых ситуациях жизнедеятельности («Я с удовольствием общаюсь с широким кругом людей»).

Во-вторых, принят во внимание тот факт, что типологическое качество какого-либо показателя (его природный генез, конституциональность, стабильность во времени, генотипичность) сказывается в его обширных статистических связях со сколь угодно важными особенностями индивидуальной психики. Поэтому первоначально выделенный список возможных «претендентов» на типологичность симптома (их было около 1000) подвергался корреляционному и факторному анализу. В результате выделялись только те параметры, которые набрали максимальное количество значимых корреляций и которые далее участвовали в последующих ротациях на репрезентативных выборках испытуемых. В результате были отобраны 120 таких симптомов. Позднее среди них в результате повторных ротаций выделены 50 «мощных» типологических характеристик, составивших короткий вариант *методики оценки структуры целостной индивидуальности (ОСЦИ)*.

Методика ОСЦИ позволяет выделять семь шкал, среди которых особое значение для дифференциально-акмеологических исследований имеет интегративный индекс гармоничности целостной индивидуальности. Данный показатель отражает облическую природу синдромов целостной индивидуальности («жесткие» звенья внутренних условий взаимодействия человека с миром составляют не ортогональные — независимые, а взаимосвязанные свойства).

В-третьих, учитывали постоянно подчеркиваемый В.Д. Небылицыным закон об отражении типологически валидных параметров свойств нервной системы в сколь угодно важных характеристиках

реальной жизнедеятельности. Это прежде всего относится к таким ситуациям, когда развитие деятельности относительно стабилизировано: так, в ситуациях монотонии, стресса, креативного творчества, активного поиска отправных моментов решения задачи и т.д. фиксированы надситуативные координаты развития субъект-объектных и субъект-субъектных взаимодействий — сформированность стратегии поведения и субъективная вероятность «успеха» в прогнозируемой будущей ситуации.

Подчеркнем, что подобные «стабилизаторы» использованы в работах В.Н. Дружинина [22], где выявлено отсутствие корреляций тестовых оценок в образуемых этими координатами четырех квадрантах ситуаций тестирования. Данные координаты были изучены в наших исследованиях при выделении в четырех квадрантах системных синдромов «жестких» звеньев субъектных компонентов вероятностно-прогностической деятельности.

В-четвертых, конструирование использовало принципы квазиэксперимента, основанного на фундаментальной теории типологических исследований, а не только на статистических нормативах конструирования традиционных тестов.

Теория целостной индивидуальности дала возможность — в противовес «коррелятивным», «факторным» методам исследования индивидуальных различий в больших массивах испытуемых — создавать методики особого типа, которые рассматриваются нами как квазитест.

Выделение тестом ОСЦИ эмоциональных предпочтений субъектом определенных ситуаций, в которых стабилизировано развитие индивидуальной деятельности, позволяет интегративно фиксировать своеобразие сложившихся синдромов разноуровневых свойств индивида и личности, которые включены в «жесткие» звенья взаимодействия человека с миром в структуре устойчивых, конституциональных, природных их особенностей, природа которых системна. Своеобразие соответствующих паттернов поэтому может анализироваться в составе инвариантной составляющей сколь угодно важных особенностей психики.

Психодиагностическая методика в дифференциальной акмеологии является методом нового типа, принципиально новым инструментом изучения типологического своеобразия целостной индивидуальности. Объективная ОСЦИ позволяет по сопряженности связей между разноуровневыми типологическими признаками количественно фиксировать и качественно анализировать степень гармоничности ее строения для оптимального достижения результатов действий человека.

Хотя в обыденной речи людей часто характеризуют «мозаично» — как возбудимых или спокойных, глупых или умных, общительных или замкнутых и т.д., измерение любой черты показывает, что она

всегда включена в синдром разноуровневых признаков индивидуальности, в обусловленную эволюционно-системными законами целостность (это особая психолого-акмеологическая математика). Здесь соответствующие характеристики могут быть гармонично сопряжены (например, низкая активированность — низкая чувствительность — высокие абсолютные пороги — эффективность деятельности в стрессогенных условиях, а также при высокой мотивации, субъективная комфортность интенсивного субъект-субъектного взаимодействия). Однако подобные фиксируемые у человека «жесткие» звенья целостной индивидуальности, как правило, содержат дисгармоничные паттерны (например, сочетание высокой активированности с функциональной истощаемостью и низкой планируемостью жизнедеятельности, высокой ее мотивацией). Отмеченная дисгармония ведет к малой работоспособности, быстрой утомляемости, отрицательному эмоциональному фону жизнедеятельности с низкой ее результативностью, агрессивности и «злому» юмору (данный синдром изучается в феномене психического «выгорания» личности), что сказывается в психосоматике и уменьшении продолжительности жизни.

Материалы диагностики по ОСЦИ позволяют анализировать гармоничность — дисгармоничность экологических «ниш» индивидуальности. Экологическое (сохраняющее индивидуальность) значение получаемых по тесту материалов с целью последующей психокоррекции «нормируется» моделированием акмеологически оптимальных синергических и компенсаторных сочетаний разноуровневых свойств индивидуальности. Подобную «идеальную модель» гармоничного сопряжения разноуровневых свойств человека в структуре целостной индивидуальности позволяют строить ряд типологических исследований [24, 27, 28].

Технология конструирования ОСЦИ, таким образом, синтезирует комплекс фактов, полученных с помощью надежных и валидных методов дифференциальной психофизиологии и психологии, где конструктивно рассмотрены способствующие результативной деятельности компенсаторные и синергические связи типологических особенностей индивида и их психологических проявлений. Наличие таких отношений способствует комфортному для субъекта эмоционально-активационному фону текущей жизнедеятельности, ее результативности, оптимальному развитию задатков способностей личности, что в комплексе сохраняет психическое и соматическое здоровье.

Шкалы ОСЦИ психометрически надежны, внутренне консистентны и валидны. Разработано содержание шкал, указаны нормативные данные и ключи [24]. Представленная в учебнике психодиагностическая методика ОСЦИ не имеет аналогов в мировой психологической литературе и является новым методом квазиэкспериментального изу-

чения структуры целостной индивидуальности, основанным на фундаментальной теории.

Метод ОСЦИ — в отличие от методик традиционного типологического аналитического исследования — требует рассмотрения облической модели представления свойств индивида и личности в субъекте психической деятельности. Логика постановки такой проблемы конструирования методики типологической психодиагностики содержится в проанализированных в гл. 4 тенденциях развития дифференциальной психофизиологии.

Инструкция для проведения исследования по ОСЦИ

Вам предлагается 120 утверждений в виде вопросов, с которыми Вы можете согласиться, если это утверждение характерно для Вашего поведения (отметив слово «Да»), либо не согласиться (отметив слово «Нет»), если утверждение не отражает Ваших характерных индивидуальных особенностей.

Так как правильных или неправильных ответов не существует, старайтесь работать быстро, особенно не задумываясь. Первое, что придет Вам в голову, отражающее более типичное, чаще повторяемое, почти наверняка соответствует действительности.

Текст методики ОСЦИ

1. Сосредоточенное решение математической задачи скоро вызывает у меня усталость.
2. Музыка мешает мне сосредоточиться на работе.
3. Монотонная работа меня быстро раздражает.
4. Я люблю быструю ходьбу.
5. Никогда в жизни я ничего не пугался.
6. Задание написать на доске длинную фразу, внимательно следя за каллиграфией, было бы мне неприятно.
7. Мне нравится знакомиться с новыми людьми.
8. Я хорошо запоминаю «белые стихи».
9. Выполнение однообразной работы ухудшает мое настроение.
10. Мне никогда не представляется, что с кем-нибудь из близких случилось несчастье.
11. На экзаменах я обычно отвечаю хуже, чем мог бы, исходя из знаний предмета.
12. Мне нравится вязать.
13. Сосредоточенно занимаясь умственной деятельностью, я быстро утомляюсь.
14. У меня повышенная чувствительность к боли.
15. Всегда ли Вы сдерживаете свои обещания, даже если Вам это невыгодно.
16. Мне не надо записывать новый телефон, так как я его сразу запоминаю.
17. Я хорошо умею вести беседу в компаниях.

18. Я часто меняю устойчивые контакты в случае новых знакомств и изменения условий жизни.
19. Если на меня накричат, я отвечаю мгновенно.
20. Бывает ли когда-нибудь, что, разозлившись, Вы выходите из себя.
21. Мне приятно быстро писать конспект.
22. Я способен «расслабиться» и всю повеселиться в компании.
23. Делая даже весьма продолжительный доклад, я не прерываюсь, чтобы выпить глоток воды.
24. В компаниях я часто играю роль лидера.
25. У меня иногда бывают такие мысли, которыми мне не хотелось бы делиться с другими людьми.
26. Я склонен поддерживать длительные контакты с людьми, с которыми общаюсь.
27. Прием спиртного возбуждает меня, потом я долго не могу успокоиться.
28. Перед ответственным экзаменом меня то и дело «бросает в жар».
29. Мне обычно легко выполнять дела, требующие мгновенной активности.
30. Я всегда беру билет в общественном транспорте.
31. Любите ли Вы длительное время слушать громкую музыку.
32. Все исправления и дополнения я обычно делаю во время проверки работы.
33. Я чувствую даже мгновенное прикосновение.
34. Долгий разговор с собеседником мне быстро надоедает.
35. У меня часто появляется чувство, что я в чем-то виноват.
36. Когда я смотрю телевизор, то настраиваю его на такую большую яркость, что другим людям она часто не подходит.
37. Во время предэкзаменационной «лихорадки» я плохо запоминаю.
38. Я обычно тщательно подготавливаюсь к работе.
39. Мне приятно работать под музыку.
40. Бывает ли, что Вы передаете слухи.
41. Я устаю от длительного общения с людьми.
42. Я предпочитаю заниматься в течение учебного семестра, так как во время экзаменационной сессии память ухудшается.
43. Большинство исправлений и дополнений я делаю во время проверки работы.
44. Мне приятно находиться в большой компании, где подшучивают друг над другом.
45. Во время ответственного разговора у меня часто «сосет под ложечкой».
46. Я предпочитаю специально планировать и распределять во времени ход выполнения задания.
47. Обычно я говорю и поступаю быстро, не задумываясь.

48. Я делаю ошибки, когда спешно готовлю к сдаче ответственную работу (проект, статью, диссертацию...).
49. Мне нравится работа, которая требует от меня длительного внимания и сосредоточенности.
50. Свои мысли я предпочитаю излагать в устной речи, а не на бумаге.
51. Я люблю рискованные поступки.
52. Обычно я легко отвлекаюсь от своих забот.
53. Я человек очень живой и подвижный.
54. Когда я волнуюсь, мне не хватает воздуха и приходится дышать широко открытым ртом.
55. Я люблю подшучивать над другими.
56. В учебном процессе я легко усваиваю новый материал и скучаю при повторении пройденного.
57. Я часто думаю, что сделанное мною раньше сейчас я сделал бы лучше.
58. Энергичная продуктивная работа меня бодрит, наполняет радостью.
59. Мне нравится выступать перед публикой.
60. Я люблю длительное время размышлять.
61. Шум улицы снижает продуктивность моей работы.
62. Я предпочитаю браться за новую работу, лишь завершив предыдущую.
63. Меня раздражает, когда в компании длительное время говорят на одну и ту же тему.
64. Я ощущаю легкость и свободу в общении с незнакомыми людьми.
65. В ситуации напряжения (экзамен, переаттестация, зачет...) я обычно отвечаю лучше, чем на семинарах.
66. У меня много друзей и знакомых, с которыми поддерживаются контакты.
67. Я предпочитаю больше говорить, чем слушать.
68. В начале занятий я некоторое время «раскачиваюсь» и лишь постепенно втягиваюсь в работу.
69. Обычно я предпочитаю общаться с узким кругом хорошо известных мне людей.
70. Я плохо помню абстрактные символы.
71. В ходе решения сложной задачи мне нужны перерывы.
72. Я больше молчу, когда нахожусь в обществе других людей.
73. Обычно я действую мгновенно под влиянием момента.
74. Я могу, выполняя работу, быстро отвечать по телефону.
75. От испуга у меня холодеют пальцы рук и ног.
76. Я способен внести оживление в довольно скучную компанию.
77. Я бы легко справлялся с работой жонглера.
78. Мне доставляет мало настоящего удовольствия участие в вечеринках.

79. Выполняя работу, требующую повышенного напряжения, я замедляю дыхание.
80. Я с легкостью отвык бы от курения.
81. Я устаю от длительного общения с людьми.
82. Любую работу я стараюсь спланировать заранее.
83. Я предпочитаю не помнить и заботиться о многих поручениях одновременно, а исполнять задания последовательно, по плану.
84. Я предпочитаю углубленное изучение знакомой темы работе с новым материалом.
85. Мне нравится получать сведения из общения с людьми, а не из книг, газет, журналов и т.д.
86. Иногда мне хочется встретить человека, которому я ранее не симпатизировал.
87. Стрессовые ситуации способствуют улучшению моей умственной деятельности.
88. У меня широкий круг общения.
89. Иногда я замечаю, что вспоминаю детали моей жизни, на которые раньше не обращал внимания.
90. Мне нравилось бы учить стихи типа отрывков из Сергея Есенина.
91. Мне нравится выполнять разноплановые задания.
92. После занятий мне необходим специальный отдых.
93. Я быстро устаю даже в приятной мне компании.
94. Как бы я ни волновался, руки у меня остаются сухими.
95. Мне нравится быть деловым и кратким в письменной речи.
96. Мне свойственна инициативность в завязывании знакомств.
97. Обычно я долго размышляю, прежде чем что-нибудь предпринять.
98. Мне необходимы полное уединение и тишина для занятий.
99. Я люблю выполнять задания в порядке от трудных к легким.
100. Я предпочитаю выполнять задания не в абсолютной тишине, а вместе с товарищами.
101. Мне трудно запоминать бессмысленные словосочетания.
102. Задания я люблю готовить в определенной последовательности — от трудных к легким.
103. В свободное время я предпочитаю чтение книг общению с людьми.
104. В школе я готовил уроки «за один присест».
105. Обычно я сразу же «втягиваюсь» в работу.
106. Я быстро выучиваю отрывки прозы типа прозы Тургенева.
107. Я так и не стал заядлым курильщиком, хотя и пробовал курить.
108. Разговаривая с привлекательной малознакомой девушкой (молодым человеком), я чувствую, что у меня учащается сердцебиение.
109. Я так люблю поговорить с людьми, что стараюсь не упустить случая побеседовать с новым человеком.

110. Прием спиртного через некоторое время вызывает у меня сонливость.
111. Выступая перед аудиторией, я время от времени вытираю руки и лоб.
112. Я чувствовал бы себя несчастным человеком, если бы на длительное время был лишен общения с людьми.
113. Томительное ожидание важного известия вызывает у меня суету во рту.
114. В моей письменной речи преобладают сложные конструкции.
115. Я предпочитаю составить планы занятий, работы на день, неделю и т.д. Это помогает мне успешно выполнять любую работу.
116. Мне хотелось бы быть членом нескольких клубов по интересам.
117. Я стремлюсь к разнообразным контактам с людьми.
118. Я люблю выражать свои мысли в письменной речи.
119. Я часто вбегаю в поезд метро перед самым закрытием дверей.
120. Я хотел бросить курить, но не смог этого сделать.

**Обработка материалов исследования, проведенного с помощью ОСЦИ
(ключ к опроснику ОСЦИ)**

1. Интегральный индекс индивидуальности:

4-8+9-11-12-14-16+17+ 18- 21- 23+24+27-28+32+33-
36-37-38- 39+ 42-43+ 44+ 45-46-48- 50+ 54-55+56+
57-59+ 61-62- 64+65+67+68+69-70- 71- 74+ 75-76+
78-84-87+88+94+95-98-99-100+ 101-102+104+ 105- 106-107+
108-109+110+111-112+ 114+ 115- 116+117+118-119- 120-

Большие индексы соответствуют большей выраженности синдрома: низкий уровень активированности, функциональная выносливость, высокие абсолютные пороги (низкая чувствительность), малая планируемость своей жизнедеятельности.

2. Лабильность, подвижность:

18+ 26- 52+ 53+ 66+77+ 80+ 86+ 89+90-91+92-105+

Большие индексы — более высокий уровень подвижности.

3. Планирование деятельности:

38+ 46+82+ 83-115+

Большие индексы — большая планируемость своей жизнедеятельности.

4. Импульсивность:

19+ 21+ 29+ 47+51+73+ 96+97- 119+

Большие индексы — большая импульсивность.

5. Функциональная выносливость (предметная):

1- 2-3- 6- 9-13-12-31+ 32+39+42-49+58+ 60+ 62-
71-79-84- 92-95- 104+ 113-114+

6. Функциональная выносливость к общению:

7+ 22+ 34- 41- 44+ 48- 63- 64+ 65+72- 81-

85+ 93- 100+ 103-112+

Большие индексы — большая выносливость к ситуациям общения.

7. Социальная желательность («желание понравиться», шкала лжи):
5+ 10-15+20-25-30+35-40-

Большие индексы — большая степень лжи.

Эмпирически выявленные зоны по выделению низкой, средней, высокой выраженности шкалы ОСЦИ. (Границы зон могут изменяться в зависимости от специфики изучаемой выборки испытуемых и выбранному критерию выделения данных зон.)

Название шкалы ОСЦИ	Высокая выраженность	Средняя выраженность	Малая выраженность
1. Интегративный индекс индивидуальности (71 симптом)	61–71	32–60	0–31
2. Лабильность—подвижность (13 симптомов)	8–13	6–7	0–5
3. Планирование деятельности (5 симптомов)	8–13	3 – 7	0 – 2
4. Импульсивность (9 симптомов)	7–9	5–6	0–4
5. Функциональная выносливость (предметная) – 27 симптомов	17–27	11–16	0–10
6. Функциональная выносливость (к общению) – 16 симптомов.	10 – 16	8 – 9	0 – 7
7. Социальная желательность – шкала «лжи» (8 симптомов)	6–8	4 – 5	0–3

Интерпретация материалов обследования по методу ОСЦИ основывается на соотнесении индивидуальных результатов с нормативной гармоничной структурой целостной индивидуальности, которая определяется эволюционно-системными законами формирования типологических синдромов. При этом выделяются два «полюса», в которых значимость имеют не отдельные свойства, а их сочетания в объективно фиксируемых синдромах, которые соотносятся по гармоничному или дисгармоничному типу.

ПЕРВЫЙ ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ СИНДРОМ

Природно обусловленный высокий уровень активированности закономерно сочетается с высокой чувствительностью и — как следствие — малой функциональной выносливостью функциональных органов индивида. В ходе диагностики из-за константного отношения порогов дискомфорта к абсолютным порогам ощущений это сказывается в низких абсолютных порогах (высокой чувствительности) и компенсируется высокой планируемостью своей жизнедеятельности. Важно отметить, что нарушение отмеченных отношений влияет на результативность и эмоциональную напряженность деятельности [19].

Фиксируемый синдром имеет целый спектр психологических проявлений, например: в хорошей памяти на логически оформленную информацию; в привычке делать исправления в ходе написания диктанта, реферата и т.д.; в необходимости снижения мотивации деятельности (высокая мотивация не способствует ее эффективности и результативности); неустойчивости к стрессогенным условиям деятельности; в оптимальном либеральном стиле руководства; в интроверсии, импульсивности, экстраверсии и крайнем возбуждении на фоне действия алкоголя; в склонности к психосоматике; непереносимости беспорядка и хаоса. При этом улучшают показатели жизнедеятельности сформированная стратегия поведения и субъективный прогноз частого успеха (например, при монотонии) и т.д.

ВТОРОЙ ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ СИНДРОМ

Генотипически обусловленный низкий уровень активированности закономерно сочетается с низкой чувствительностью и — как следствие — высокой функциональной выносливостью функциональных органов индивида. В ходе диагностики это сказывается в высоких абсолютных порогах (низкой чувствительности) и компенсируется низкой планируемостью своей жизнедеятельности, расширением сферы общения, высокой мотивацией и стрессогенностью ситуаций жизнедеятельности. Важно отметить, что нарушение отмеченных отношений, как и в случае анализа первого синдрома, влияет на результативность и эмоциональную напряженность деятельности.

Указанный синдром имеет противоположные психологические проявления, например: в хорошей памяти на абстрактную информацию; в привычке делать исправления в конце написания диктанта, реферата и т.д.; умении делать работу «за один присест»; в необходимости повышения мотивации деятельности (низкая мотивация не способствует ее эффективности и результативности); относительной устойчивости к стрессогенным условиям деятельности; в оптимальном авторитарном стиле руководства; в экстраверсии, низкой реф-

лексивности, заторможенности на фоне действия алкоголя; склонности к особой психосоматике; переносимости беспорядка. При этом улучшают показатели жизнедеятельности сформированная стратегия поведения и субъективный прогноз частого успеха (например, при монотонии) и т.д.

Очевидно, что отмеченные синдромы признаков, согласно исследованиям по дифференциальной психофизиологии, имеют как положительные, так и отрицательные стороны для реализации процесса деятельности. При этом необходимо конструктивное их рассмотрение.

2.6. Валидизация ОСЦИ в изучении типологических предикторов совладания человека с депривацией деятельности

Практические работы, выполненные в русле концепции целостной индивидуальности, в силу субъектности ряда ее компонентов обычно используют методику субъективного шкалирования эмоциональных оценок индивидуальной жизнедеятельности.

Субъективность самооценки психологического «фона» деятельности человека общеизвестна. Именно субъективный образ прошлого, настоящего и будущего может выполнять как созидающую, так и разрушающую функцию в любом фрагменте психики. Например, исследования психологов по программе «Чернобыльский след: социально-психологические и медико-психологические последствия чернобыльской катастрофы» со всей определенностью показали, что разрушительное влияние малых доз радиации на человека в первую очередь определяется субъективным образом вредоносности ионизирующего облучения, а не реальными дозами радиации, полученными в результате катастрофы на ЧАЭС.

Особое внимание современной психологии к уникальности каждого человека подчеркивается сейчас Е.П. Климовым, который считает, что традиционные статистические программы обработки результатов психологического эксперимента являются недостаточно тонкими для суждения об уникальности индивида и личности. В этой связи особое звучание имеют субъектно-ориентированные обследования психики человека.

В процессе шкалирования респонденты, в зависимости от цели исследования, оценивают: степень их подверженности психосоматике; удовлетворенность от жизнедеятельности, от качеств интеллекта; ощущение счастья; стрессирующее действие неопределенности прогноза будущего; выраженность нужных для жизни качеств характера. Условные количественные характеристики субъективно-

го шкалирования включаются в корреляционный и факторный анализ. Приведем пример результатов факторного анализа материалов дифференциально-акмеологического обследования безработных и их обсуждение.

Своеобразным «микроскопом» психологических и других естественно-научных направлений человекознания является факторный анализ. Он позволяет по тесноте и направленности взаимосвязей ряда характеристик выделить существенные детерминанты их генеза. При этом матрица корреляций «ужимается» и ее описание сводится к небольшому числу наиболее существенных параметров. Данное обследование человека при депривации профессиональной деятельности в трудных ситуациях включает факторный анализ нескольких матриц интеркорреляций по 139 признакам. Факторизация осуществлена с помощью программы *SPSS* по стандартным критериям факторизации.

Статистическая обработка проведена отдельно для группы безработных со стажем до 6 месяцев и после 6 месяцев. Материалы обследования включили результаты обследования 65 безработных. Отдельные ротации материалов обследования фиксировали данные для небольших выборок (26–29 лиц). В учебнике обсуждается структура факторов после процедуры вращения. Значимыми в зависимости от количества сопоставляемых вариантов считаются факторные нагрузки более 0,560–0,620.

Интерпретация выделенных факторов с позиций теории целостной индивидуальности связана с обсуждением гармоничности «жестких» звеньев функциональных систем, которые опосредуют влияние внешних причин на внутренние условия субъекта психической деятельности. При этом выявленные паттерны сопоставляются с описанной выше нормативной моделью, что позволяет судить о сопряженности разноуровневых индивидуальных особенностей в экологических «нишах» целостной индивидуальности.

По результатам факторного анализа матриц интеркорреляций субъективных оценок эмоциональных ситуаций жизнедеятельности безработными и характеристик ОСЦИ после ротации выделены 3 значимых фактора для *срока безработицы до 6 месяцев* и 3–6 значимых факторов для пролонгированного срока — *от 6 месяцев и более*.

Первичный анализ выделенных факторов показывает *их кардинальное различие* как по содержанию, так и по структуре (это является косвенным подтверждением данных ряда исследователей, которые выделяют первичный период безработицы как особый в своих проявлениях). Таким образом, содержательная интерпретация факторов позволяет на теоретическом уровне выйти на дифференциально-акмеологическую гармонизацию целостной индивидуальности *по критерию длительности периода безработицы*. Проанализируем характеристики, вошедшие в факторы, обобщающие данные матрицы

интеркорреляций показателей субъективных оценок жизнедеятельности безработных с небольшим стажем безработицы (до полугода) и параметры ОСЦИ. Ниже приведены интерпретации факторов и симптомы с их порядковыми номерами по ОСЦИ и факторными нагрузками.

1-й фактор — M1 — интерпретируется через функциональную выносливость индивида (в сфере общения). В фактор вошли:

- субъективная оценка своего здоровья до потери работы — выше среднего;
- 32 (0,567). Все исправления и дополнения я обычно делаю во время проверки работы;
- 41 (–0, 639). Я не устаю от длительного общения с людьми;
- 66 (0,618). У меня много друзей и знакомых, с которыми я поддерживаю контакты;
- 81 (–0,798). Я не устаю от длительного общения с людьми;
- 88 (0,664). У меня широкий круг общения;
- 93 (–0,608). Я не устаю в приятной мне компании;
- 117 (0,615). Я стремлюсь к разнообразным контактам с людьми.

2-й фактор — M2 — высокая социальная общительность (типологический «полюс», включающий низкий внутренний уровень активации (УА), низкую чувствительность, силу нервной системы). Обращает внимание вхождение в этот фактор параметра социальной желательности (по шкале лжи). Конкретные симптомы данной группы взаимосвязанных показателей :

- субъективная оценка ума — выше среднего;
- 76 (0,734). Я способен внести оживление в довольно скучную компанию;
- 17 (0,733). Я хорошо умею вести беседу в компаниях;
- 40 (–0,706). Я не передаю слухов;
- 5 (0,687). Никогда в жизни я ничего не пугался;
- 64 (0,656). Я ощущаю легкость и свободу в общении с незнакомыми людьми;
- 45 (–0,625). Не «сосет под ложечкой» во время ответственного разговора;
- 96 (0,601). Мне свойственна инициативность в завязывании знакомств.

3-й фактор — M3 — объединяет характеристики низкой предметной функциональной выносливости, истощаемости малообразованных безработных лиц (гармонирует с «полюсом» низкого внутреннего УА). Отметим дисгармоничное включение в данный синдром признаков экстраверсии. Фактор составили следующие параметры:

- уровень образования ниже среднего («малообразованные»);
- низкая субъективная оценка уровня счастья на данный период жизни («несчастливые»);
- прогноз будущих событий свернутый («без ясной перспективы»);

- 1 (767). Сосредоточенное решение математической задачи скоро вызывает у меня усталость;
- 13 (667). Быстро утомляюсь от сосредоточенной умственной деятельности;
- 112 (595). Чувствовал бы себя несчастным человеком без общения с людьми;
- 71 (594). Нужны перерывы в ходе решения сложной задачи;
- 49 (-585). Мне не нравится работа, требующая длительного внимания и сосредоточенности.

Показательно, что оценка человеком своего здоровья до потери работы вошла в **фактор М1** только в выборке безработных в первые полгода безработицы. (При больших периодах незанятости на первый план выходит оценка здоровья после увольнения с работы.)

Анализ трех факторов (обозначены индексом *B*) по материалам *продолженной безработицы* выявил следующее.

В фактор **B1**, кроме оценки здоровья после потери работы, вошел комплекс характеристик ОСЦИ (№ 2, 7, 22, 34, 54, 69, 81, 93, 98, 111, 112, 113, 117, 118). В структуре индивидуальности людей, потерявших здоровье, после увольнения с работы отмечается:

- раздражение от выполнения монотонной работы;
- замыкание на привычном узком круге общения;
- трудности с установлением новых социальных контактов и признаки нетерпимости в общении со знакомыми людьми;
- истощение энергетических ресурсов в сфере общения и предметной деятельности (усталость и раздражительность от пребывания даже в приятной компании, потребность в полном покое и уединении для занятий);
- тенденция к обострению психосоматических симптомов на фоне повышенной чувствительности к внешним раздражителям и определенной дисфункции вегетативной нервной системы (перехватывает дыхание в состоянии волнения, повышенная потливость во время публичных выступлений, томительное ожидание вызывает сухость во рту).

Отмеченные симптомы характерны для типологического «полюса» *высокая активированность и чувствительность (низкие абсолютные пороги) — слабость нервной системы — интровертированность* человека. Данный синдром является гармоничной экологической «нишей» индивидуальности при конструктивном рассмотрении положительных и отрицательных для эффективной деятельности сторон (при условии адекватности индивидуального стиля деятельности и психологических проявлений свойств нервной системы, компенсирующих те типологические свойства, которые не способствуют или мешают эффективной результативной жизнедеятельности).

Анализ данного фактора показывает, что резкое ухудшение здоровья обуславливается здесь типологическими особенностями чело-

века, что требует особого внимания психологов социальных служб и медиков к индивидуальной реабилитации лиц с данным синдромом индивидуальных особенностей.

В фактор **В2** входит также целый комплекс признаков, связанных с самооценкой способностей к переобучению. При этом данный показатель соотносится с такими симптомами целостной индивидуальности (по ОСЦИ), как № 4, 5, 29, 51, 52, 53, 56.

В соответствии с содержанием зафиксированных характеристик ОСЦИ потребность в переобучении напрямую связана с импульсивностью, склонностью к риску, легкостью на подъем (по данным психогенетики, эти характеристики являются высокогенетичными). Реабилитационная работа с отмеченной категорией безработных, по-видимому, требует учета наследственных задатков развития человека, а не практикуемой сейчас попытки «переделать» индивидуальность по образцу требований деятельности.

Фактор **В3** составляют показатели ОСЦИ. С данным фактором общим генезом связаны:

- раздражение от монотонной работы;
- ухудшение настроения при выполнении однообразной работы;
- нежелание специально планировать и распределять во времени ход выполнения задания;
- низкая социальная желательность выглядеть в лучшем свете перед другими людьми;
- переоценка прошлого в форме сомнений в правильности сделанного вместе с типологическим симптомом функциональной выносливости индивида (симптом постепенного вхождения в работу), а также переоценка работы в свете повышенной рефлексивности, сензитивности (отражается в симптоме желания встретиться с человеком, которому ранее не симпатизировал).

Этот фактор вскрывает дисгармоничность экологической «ниши» индивидуальности безработных с относительно большим стажем. Анализ результатов показывает, что психологические новообразования, возникающие у безработных с большим стажем, образуют дисгармоничное сочетание в структуре синдрома сильного низкоактивированного типа.

Анализ данных факторизации материалов, полученных в результате обследования безработных с привлечением методов субъективного шкалирования, УП, КИСС и ОСЦИ, позволил выявить пять групп симптомов, характеризующих особую типологизированную структуру экологических «ниш» индивидуальности безработных независимо от пола, стажа и иных показателей. Анализ этих факторов выявляет дисгармонию в сопряжении отдельных разноуровневых экологических «ниш» индивидуальности безработного.

ФАКТОР 1 (Ф1)

Низкоактивированные, экстравертированные + заниженные пороги чувствительности и повышенная рефлексивность при оценке

прошлого. Предположительно, типологический «полюс» **«сила — выносливость — низкая внутренняя активация»** с рассогласованием по ряду параметров (повышенная чувствительность к внешним воздействиям и событиям из прошлого).

Вопросы, вошедшие в фактор Ф1 (номер вопроса, факторная нагрузка и формулировка симптома с учетом знака):

- 78 (–797). Участие в вечеринке доставляет мне мало удовольствия;
- 7 (743). Мне нравится знакомиться с новыми людьми;
- 26 (734). Я склонен поддерживать длительные контакты с людьми;
- 57 (734). Я часто думаю, что сделанное мною раньше сейчас я сделал бы лучше;
- 91 (734). Мне нравится выполнять разноплановые задания;
- 112 (734). Я чувствовал бы себя несчастным человеком... лишенный общения с людьми;
- 117 (678). Я стремлюсь к разнообразным контактам с людьми;
- 44 (648). Мне приятно находиться в большой компании, где подшучивают друг над другом;
- 116 (645). Мне хотелось бы быть членом нескольких клубов по интересам;
- 33 (634). Я чувствую даже мгновенное прикосновение;
- 25 (630). Бывают мысли, которыми не хотелось бы делиться с другими людьми;
- 4 (591). Я люблю быструю ходьбу.

ФАКТОР 2 (Ф2)

Более характерно для женщин: нерешительность, низкая импульсивность, спонтанность в ситуациях социального взаимодействия и принятия решения.

Вопросы, вошедшие в фактор Ф2:

- *пол* (–652). Симптомы фактора более характерны для женщин (у женщин большая дисгармония в контексте всей структуры индивидуальности);
- 110 (785). Прием спиртного через некоторое время вызывает у меня сонливость;
- 97 (615). Обычно я долго размышляю, прежде чем что-либо предпринять;
- 22 (–599). Я не способен «расслабиться» и всю повеселиться в компании;
- 73 (–592). Обычно я не действую мгновенно, под влиянием момента.

ФАКТОР 3 (Ф3)

Дает дисгармонию по одному из ключевых параметров — **«прогноз»**. Низкоактивированные (поиск притока стимуляции извне: риск, публичные выступления, частая смена устойчивых контактов) выбирают стратегию развернутого планирования будущих событий, что может стать источником глубинного рассогласования между индивидуально комфортным стилем деятельности в настоящем (акту-

альные события) и характером планирования жизненных событий в масштабе всей человеческой жизни.

Вопросы, вошедшие в фактор Ф3:

- *прогноз* (629). Ясная, развернутая перспектива, подробное планирование;
- 5 (838). Никогда в жизни я ничего не пугался;
- 16 (819). Я сразу запоминаю новый телефонный номер;
- 51 (742). Я люблю рискованные поступки;
- 59 (670). Мне нравится выступать перед публикой;
- 18 (637). Я часто меняю устойчивые контакты (в силу обстоятельств);
- 29 (604). Мне обычно легко выполнять дела, требующие мгновенной активности.

ФАКТОР 4 (Ф4)

Неустойчивый *уровень притязаний* в структуре целостной индивидуальности сопрягается с разнополюсными симптомами: с одной стороны, признаки невысокой тревожности и невротизации (№10), социальная активность (№ 24), стремление к разнообразной деятельности (№ 9), в то же время с другой стороны, — неустойчивость в отношении к стрессовым воздействиям (№ 11), сниженная функциональная выносливость при решении задач интеллектуального плана (№ 71).

Вопросы, вошедшие в фактор Ф4:

- *стабильность УП*. (–590). УП неустойчивый;
- 10 (817). Мне никогда не представляется, что с кем-то из близких случилось несчастье;
- 9 (810). Выполнение однообразной работы ухудшает мое настроение;
- 11 (682). На экзаменах я обычно отвечаю хуже, чем мог бы, исходя из знания предмета;
- 71 (663). В ходе решения сложной задачи мне нужны перерывы;
- 24 (590). В компаниях я часто играю роль лидера.

ФАКТОР 5 (Ф5)

Заниженная самооценка по шкалам «*Здоровье до потери работы*», «*Ум*» и «*Характер*» оказывается завязанной в комплекс дисгармоничных психосоматических проявлений (характерных для высокоактивированных, чувствительных лиц) наряду с симптомами, типичными для представителей «низкоактивированного» типа: «Обычно я не сразу втягиваюсь в работу».

Вопросы, вошедшие в фактор Ф5:

- «*здоровье до*» (–609). Плохое здоровье до потери работы;
- *ум* (–620). Самооценка своего ума — ниже среднего;
- *характер* (–581). Самооценка своего характера — ниже среднего;
- *КИСС* (–573). Отрицательная корреляция между выборами;
- 118 (749). Я люблю выражать свои мысли в письменной речи;

- 45 (700). Во время ответственного разговора у меня часто «сосет под ложечкой»;
- 108 (698). Разговаривая с привлекательным малознакомым юношей (девушкой) я чувствую, что у меня учащается сердцебиение;
- 54 (677). Когда я волнуюсь, мне не хватает воздуха и приходится дышать широко открытым ртом;
- 105 (-622). Обычно я не сразу втягиваюсь в работу.

Таким образом, процедура факторного анализа результатов обследования акмеологически неблагополучных безработных (независимо от пола, возраста и стажа безработицы) выявила ряд закономерностей дисгармонии человека в стрессогенных условиях при разных сроках депривации профессиональной деятельности.

Полученные материалы позволяют планировать психотехнологии психологической поддержки каждого конкретного человека исходя из специфики дисгармоничности сочетаний сопоставляемых тестовых оценок, что помогает планированию практических рекомендаций по индивидуально-ориентированному консультированию. Приведем в качестве примера такого консультирования обнаруженные нами «болевы́е точки» и перечень возможных рекомендаций по гармонизации психоакмеологического состояния клиента, оптимизации его жизнедеятельности. Так, *планирование и прогнозирование событий* должны строиться с учетом индивидуальных склонностей (диктуются «жесткими» звеньями психофизиологического уровня индивидуальности), которые зачастую игнорируются под воздействием привычных, ранее усвоенных моделей поведения (см. выше описание двух разнополюсных модельных «идеальных типов»).

Неустойчивый уровень притязания и связанная с ним *неадекватная самооценка* сопрягаются с высокой чувствительностью к стрессовым воздействиям. Методы коррекции, дифференцированные — в зависимости от индивидуального среднего уровня притязаний — моделируются в стрессовые ситуации. В их контексте следует работать над гармонизацией целостной индивидуальности.

Характерна *заниженная самооценка* по шкалам *«Здоровье до потери работы»*, *«Ум»* и *«Характер»*, сопряженная с комплексом психосоматических проявлений. Не вдаваясь в анализ причинно-следственных зависимостей, рекомендуется проводить комплекс мер по гармонизации контура регуляции деятельности с учетом индивидуально-типологической принадлежности клиента: обучать человека адекватным приемам саморегуляции, грамотной организации социальной и профессиональной активности.

Проведенное обследование структуры целостной индивидуальности современных безработных с выделением ее системообразующих факторов и анализом дисгармоничных моментов позволяет наметить рекомендации по индивидуализированной психокоррекции и реабилитации человека в трудной ситуации его жизнедеятельности.

Общие рекомендации касаются психокоррекции и реабилитации лиц при депривации профессиональной деятельности на основе представленных материалов о специфике «жестких» звеньев функциональных систем разных групп пролонгирования ситуации безработицы.

1. Снижение масштаба травмы. По мысли М. Монтеня, надо «брать дело в свои руки, но не в свое сердце». Один из подходов к снижению внутренней напряженности — выявление истинного масштаба увольнения с работы как травмирующего события. Данная стратегия осуществляется путем соотнесения масштаба травмы с главными жизненными ценностями: если социальный работник выветит несоизмеримость объема волнений и реальной личностной значимости события, то напряженность разряжается или смягчается. Безработный осознает, что угнетающее его событие не затрагивает его основных жизненных ценностей. (Так, здесь психологическая защита — в виде пассивности, чувства безысходности и т.д. становится менее актуальной и может даже отключиться). При этом открывается возможность посмотреть на себя объективно, проанализировать стечение обстоятельств, непредвзято и правильно оценить их последствия. Создаются условия, когда поступки лишённого работы, определяясь реальными действующими мотивами, могут стать целеустремленными.

Данная стратегия психокоррекции осуществляет выход за пределы изначально заданных условий за счет включения исходной ситуации в более широкую систему. Открывается другой контекст жизнедеятельности. Человек, потерпевший неудачу в жизни (потеря работы), нередко считает, что его жизнь потеряла смысл. Концентрация внимания на травме суживает поле сознания, и он не осознает, что утрачена только часть жизненных ценностей. Это делает человека несчастным, стереотипным, ограничивает разнообразие его поведения. Здесь важны расширение поля сознания, переключение на видение новых возможностей, на расширение степени управления собой. При этом важно нарушение шкалы приоритетов, приводящее к внутреннему конфликту. Место главной цели может занять ряд побочных (это характерно при беспокоящей неопределенности будущего).

2. Регулирование высоты барьеров. Высокая и низкая самооценки у безработных играют разную роль в конкретных ситуациях жизнедеятельности. Высокая самооценка является детерминантой инициации активности к преодолению высокого барьера в жизни. Однако рассогласование желаемых достижений и реальности способствует превалированию отрицательных эмоций, фрустрации, что ведет к снижению ситуативно складывающегося уровня притязаний и психосоматики.

Низкая самооценка безработного ведет к блокированию поисковой активности и стабилизации и регрессу психического развития.

При этом рассогласования прогноза и реальности не наблюдается, безработный удовлетворен своей жизнью и не претендует на ее улучшение.

Смягчение внутренней напряженности, возникшее на фоне конфликта — увольнения с работы, связано с понижением значимости допущенных ошибок, испытанных неприятных ситуаций. Учитывая, что уровень притязаний снижается быстрее, если неудача относится на счет личной неполноценности, чем когда допускается и неблагоприятное стечение обстоятельств, полезно переложить значимую часть неудач на неблагоприятную ситуацию, внешние обстоятельства и недостаточную информированность. Несправедливость и обиды, выпавшие на долю безработных, не стоит «тащить за собой» в будущее. Подобная фиксация порождает потребность вспоминать прежние обиды, что провоцирует постоянное возвращение к прошлым поражениям; она сдерживает конструктивную деятельность в настоящем.

Надо сохранить опору на позитивный опыт и имеющиеся задатки и ресурсы личности, а не фиксировать негативные аспекты.

Таким образом, специалист-акмеолог в ходе работы с безработными лицами должен учитывать самооценку и уровень притязаний конкретного человека. Последующая психокоррекция и реабилитация требуют различных стратегий и технологий помощи.

3. Достижение большей гибкости психики. В психотерапии считается, что самая несгибаемая позиция — результат паралича. Косная позиция субъективной модели мира не позволяет без усилий изменить даже малый ее параметр, возникают особо устойчивые критерии и целостные сценарии поведения, подсознательные жизненные планы, предопределяющие жизнь человека. Так, излишняя стабильность системы принципов, критериев и сценариев жизни безработного препятствует дальнейшему развитию. Здесь необходима специальная работа по изменению установок и пересмотру отношения к событиям жизни безработного.

Полученные результаты позволяют наметить **рекомендации с учетом индивидуально-типологической классификации** человека.

Низкоактивированные экстраверты

При разработке общих рекомендаций людей, представляющих данный тип, следует учитывать базовые особенности их индивидуально-типологической организации.

Предполагается, что в области социального взаимодействия экстраверты не должны испытывать серьезных затруднений в общении. Напротив, снижение интенсивности социального взаимодействия, сужение круга общения отрицательно сказываются на психологическом состоянии представителей этого типа. Любые проблемы в социальной сфере будут следствием специфической социальной ситуации безработного, профессиональных неудач и прочих обстоятельств.

Рекомендации по работе с данной группой мы предлагаем разрабатывать с включением следующих моментов.

1. Проведение обучения планированию своей деятельности для лиц с депривацией профессиональной активности в специфическом ключе (не долговременное, а на непродолжительный обозримый срок):

Мотивационный тренинг поможет безработным ставить перед собой конкретные цели на обозримый срок и планомерно добиваться их реализации. Необходимо преодолеть тенденцию «зацикливаться» на негативном прошлом опыте, который плавно перетекает в неопределенное будущее без ясной перспективы. Для низкоактивированных экстравертов психологически комфортной является опора на реально достижимые в ближайшем будущем цели и мотивы деятельности.

Так, если безработному хотелось бы получить высокооплачиваемую работу, а он сталкивается со множеством «но», его нужно переориентировать с мышления «если бы...» на решение конкретных проблем (определить спрос на профессии, возможность обучения и трудоустройства, собственные задатки способностей, предпочтения и возможности; начать поэтапное претворение планов в жизнь).

2. Учитывает специфики обогащенной среды жизнедеятельности экстравертов (в том числе на будущем рабочем месте).

Возможность широкого общения с друзьями и коллегами в течение всего дня, работающее радио, музыка, шум улицы — подобные меры препятствуют развитию состояния монотонии (которая губительно сказывается на психологическом состоянии экстравертов) за счет подключения «стимулирующих» факторов.

3. В работе с низкоактивированными экстравертами эффективна стимуляция через некие недолгосрочные психологически значимые для личности обязательства.

Такие люди хорошо чувствуют себя в ситуации опасности, риска, поэтому им следует учиться интерпретировать закономерное желание иметь высокие заработки по принципу «здесь и сейчас»: никому не известно, что будет завтра, поэтому надо «ловить момент» и не «цепляться» за образ благополучного состояния.

Аналогичным образом целесообразно стимулировать творческую активность и стремление к внутренним изменениям на тренингах и семинарах, организуемых специально для безработных (подчеркивать важность личного участия в работе группы, актуальность, насущность проблем, стоящих перед группой).

На терапевтических сессиях экстраверты с большей готовностью выносят свои проблемы на обсуждение, участвуют в новых программах, экспериментируют, не боятся быть в центре внимания. Возможность стать положительным примером, «первопроходцем» в глазах

товарищей по группе будет создавать для экстраверта оптимально высокую мотивацию и побуждать к дальнейшей работе над собой и своими проблемами.

Активированные интроверты

Как правило, люди данного типа не отличаются хорошей адаптированностью как в сфере межличностного общения, так и в профессиональной среде (из-за низкого уровня эффективности имеющихся навыков социальной коммуникации, а также в силу своей индивидуально-типологической организации). Подход к высокоактивированным интровертам должен отличаться от подхода к низкоактивированным экстравертам.

1. Для данного типа индивидуальности особо показаны тренинги по развитию уверенности, проработке негативного опыта общения и формированию эффективных коммуникативных навыков (высокая неопределенность ситуации является для интровертов мощным стрессогенным фактором и может привести к невротизации и развитию психосоматических заболеваний).

2. В плане регуляции жизнедеятельности и профессиональной деятельности важно рекомендовать задействовать аналитическое мышление, склонность вникать в суть проблемы.

Необходимым навыком, который может отсутствовать у безработного, является умение «отделять фигуру от фона», определяться в приоритетах (как личных, так и организационных). Высокая чувствительность, гиперответственность, тщательное выполнение своих обязанностей — эти черты могут превратиться из достоинств в недостатки, если человек «распыляет» свои силы, вместо того чтобы направлять их на решение первостепенных задач. Активированные интроверты должны уметь строить свою собственную «пирамиду потребностей», на ее основе четко определять цели и формулировать первоочередные задачи, отрабатывать схемы решения этих задач (см. выше *Тренинги*).

3. При организации рабочего места важно учитывать высокую чувствительность и малую функциональную выносливость: по возможности ограждать работников от излишних внешних воздействий (уличный шум, звуки радио, музыка, ненужные контакты с коллегами), фактически — учитывать элементарные правила создания экологически благоприятного пространства для эффективной деятельности.

4. Для организации полноценной жизнедеятельности целесообразно составлять долгосрочные и достаточно подробные планы (на день, неделю, месяц); это позволит свести к минимуму список «неожиданных» дел, эффективно и вовремя распределять свои силы на решение многих задач.

5. При стимулировании активированных интровертов (при переобучении, в группах психологической поддержки и т.д.) следует де-

лать упор на долгосрочное планирование, по возможности обрисовывать дальние перспективы: «Получение новой специальности позволит накопить сбережения на “черный день”», «Проявление инициативы по ходу тренинга позволит лучше проработать свои проблемы, что сыграет в будущем положительную роль при трудоустройстве».

Такие люди более адекватно воспринимают свои проблемы в широком, общечеловеческом контексте: «Моя ситуация позволяет накопить уникальный личный опыт, который позволяет взглянуть на мир под иным углом зрения, а также помочь другим людям найти выход в аналогичной ситуации».

6. При организации психологической консультации, тренингов с интровертами следует учитывать особую важность для них таких факторов, как поддержка группы, чувство сопричастности, осознание, что ты не одинок в своих проблемах (в то время как для низкоактивированных экстравертов более эффективным может быть акцент на уникальности и неповторимости их ситуации).

Как элемент создания адекватного контура регуляции жизнедеятельности (в аспекте перспективного планирования) может рассматриваться создание для безработных различных клубов по интересам, групп встреч, обеспечивающих низкоактивированным интровертам дополнительную косвенную стимуляцию к обучению и личностному росту.

Приведенные конкретные материалы квазитестирования показывают, что «плохих» и «хороших» типов индивидуальности не существует. Каждый «полюс» выраженности свойств содержит как положительные — для эффективной жизнедеятельности, так и отрицательные стороны. Задача дифференциального психолога — помочь клиенту построить такой индивидуализированный контур регуляции деятельности личности, который открывает реальные возможности опоры на положительные компоненты целостной индивидуальности при нивелировании отрицательных ситуативных моментов.

Как показывает вышеизложенное, ОСЦИ расширяет традиционные схемы дифференциально-типологического тестирования, вводя его в более широкую область акмеологически оптимальной организации и планирования регуляции жизнедеятельности личности с учетом гармоничности — дисгармоничности компонентов «жестких» звеньев естественно развивающейся деятельности. (Здесь рамки традиционных типологических парадигм являются слишком узкими, методологически или теоретически ограниченными.)

Изложенные в данном учебном пособии основы квазитестирования в дифференциальной акмеологии позволяют изучать экологическую эффективность сложившихся «жестких» звеньев динамично формирующейся деятельности. Данная психотехнология дает воз-

возможность учесть многоаспектность типологических детерминант акмеологического развития личности, если реализован эволюционно-системный подход к формированию интегративных (акмеологических) свойств психики.

Выделяемые в русле исследований в области дифференциальной акмеологии законы развития зрелой личности позволяют анализировать многоаспектность индивидуальности как объект и субъект социальной защиты. Такой новый ракурс рассмотрения многогранных вопросов стал актуальным и возможным только в последние годы, когда решение насущных проблем развития общества, перешедшего от эпохи «масс» к эпохе индивидуальностей, потребовало использования фундаментальных законов целостности свойств человека как активного субъекта построения акмеологических основ психической деятельности. Усилившаяся в этой связи рефлексия психологов и практиков, направленная на раскрытие сущностных детерминант формирования индивидуальности, свидетельствует о крушении ранее распространенных стереотипов мышления, постулирующих широкие возможности «подгонки» людей под единый стандартный образец требований деятельности, рассматривающих смысл психического развития как преодоление своеобразия человека. Напротив, в современном мире существующее разнообразие индивидуальностей анализируется как бесценное богатство общества.

Пилотажные исследования в области дифференциальной психологии показали, что интегративный индекс индивидуальности, выделенный с помощью ОСЦИ как квазитеста, соотносится не с отдельными симптомами индивидуальных различий, а с рядом акмеологических параметров и характеристик благополучия — неблагополучия образа «Я» личности в картине реальной, естественно развивающейся ситуации жизнедеятельности, столь важных для проработки субъектного аспекта человекознания.

Контрольные вопросы

1. Что означает «тест» в дифференциальной психологии? Его преимущества и ограничения в оценке индивидуальных различий.
2. Методы получения и статистической обработки данных тестирования в дифференциальной психологии.
3. Определите содержание феноменов транситуативной вариативности тестовых оценок.
4. Охарактеризуйте типологический аспект критериально-ориентированных тестов в оценке и коррекции психического развития.
5. Почему появилась необходимость разработки квазитестов в гуманистическом человекознании?

6. Охарактеризуйте психотехнологии проработки квазитестов в дифференциальной психологии индивидуальности.
7. Охарактеризуйте целостную индивидуальность как новый объект субъектоцентрированной дифференциальной психологии.
8. Каковы результаты валидации квазиэксперимента ОСЦИ на депривации профессиональной активности?

Глава 3. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ПРОБЛЕМАХ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

3.1. К системным исследованиям в психологии индивидуальных различий

Системные исследования в области дифференциальной психологии в русле проработки концепции целостной индивидуальности ведутся уже более 30 лет. Они образно характеризуются как движение от необозримой многоаспектности «мозаик» особенностей и свойств индивидуальных различий к реальности изучения целостной индивидуальности как нового объекта дифференциальной психологии. Сегодня уже есть возможность оценить смысл проделанной работы и ее значение если не в отдаленной, то хотя бы в ближайшей перспективе.

Развитие современной дифференциальной психологии характеризуется не только накоплением новых знаний, но и тем, что сейчас существенно изменилось и продолжает меняться, — принципами и методами исследовательской работы. Среди понятий, наиболее концентрированно выражающих этот процесс, исключительное место принадлежит таким, как «Система», «Структура», «Интегративность», «Целостность» (Садовский, Кузьмин, Ломов и др.). Универсальное значение такого ракурса многогранных проблем человекознания так оценил Г.П. Щедровицкий: «... дело здесь не просто в моде. Изучение объектов как структур и систем стало в настоящее время основной задачей по сути дела всех наук» [77, с. 155]. Подобная направленность прежде всего связана со способами понимания или, можно сказать, видения объектов.

Данная традиция обусловлена внутренним формированием науки, а также необходимостью реализации дифференциально-психологических знаний в общественной практике, где в полной мере проявляется многоаспектная природа динамично развивающихся целостных психических феноменов.

Задача специальной науки в рамках этой линии исследований состоит в том, чтобы особым образом построить знание о предмете своего изучения, опираясь на общие принципы и правила, в соответствии с которыми можно строить системно-структурное исследование частных объектов. Справедливости ради стоит заметить, что переход в дифференциальной психологии к существенно отличающимся от традиционных стереотипам научного мышления всегда труден. Обычно такой выход за рамки привычных дихотомий корре-

лятивных исследований аналитической ориентации осуществляется в периоды, когда встают задачи, не разрешимые старыми способами, или же когда появляются новые объекты, к которым старые средства не могут быть приложены.

Дифференциальная психология и психофизиология проходят этот путь, который образно можно обозначить как движение от необозримого множества индивидуальных особенностей с их многочисленными психологическими коррелятами к системному исследованию реальности целостной индивидуальности. Обращение к системным (эволюционно-системным, системно-структурным, системно-историческим) представлениям сегодня связано с необходимостью выхода науки из «тупикового пространства» необозримого множества линейно связанных индивидуальных различий. Эти «мозаичные» особенности дают только место испытуемого в нормальном распределении, с ними нельзя работать в психологической практике.

Изменение теоретико-методологической ориентации не было данью моде, но было направлено на снятие ряда противоречий развития отрасли: встали проблемы парциальности индивидуальных особенностей в своеобразии привычных манифестаций психики, невозможности применять данные аналитических исследований в решении житейских и государственных задач. Необходимо было «очеловечить» исследования индивидуальных и общеличных свойств человека.

Проработка проблем дифференциальной психологии и психофизиологии уже на самых начальных этапах работ столкнулась с рядом трудностей воссоздания «живой» индивидуальности из имеющихся в манипулятивных экспериментах «мозаичных» и статичных ее фрагментов. В то время уже была показана тупиковость традиционных, в частности рефлекторных, способов изучения природы разноуровневых особенностей человека. Используемые здесь аналитические стратегии исследований в искусственно созданных парадигмах «биологическое — социальное», «генотипическое — средовое», «физиологическое — социальное» часто не способствовали познанию индивидуальных путей развития психики в формирующейся деятельности. Примененные технологии фиксировали лишь транзитивную вариативность индивидуальных, общеличных и личностных характеристик, а также необозримую множественность психологических проявлений парциально распределенных основных свойств нервной системы.

В русле инициированных В.Д. Небылицыным теоретико-экспериментальных работ особое место занимало создание категориального аппарата новой дифференциальной психофизиологии и психологии. Потребовалось именно создание, а не применение наработанного глоссария понятий, единым пониманием охватывающего область интеграции типологических характеристик в целостную ин-

дивидуальность. В то время даже категория «Индивидуальность» (которая, очевидно, является одной из основных в психологии) не получила должного статуса в советской психологии: «Большая советская энциклопедия» не содержит соответствующей дефиниции. Это понятие до сих пор часто используют как синоним социабельных индивидуальных различий, что ведет к «мозаичным» представлениям о природе индивидуальности, резко редуцируя ее содержание.

Вместе с тем целостность индивидуальности очевидна: нельзя говорить о ее «раздвоении» по аналогии с общепринятым термином «раздвоение личности». Отметим, что целостность — один из ясно фиксируемых сознанием признаков индивидуальности как системы — имплицитно содержится в логике развития ряда фундаментальных теорий (Ананьев, Мерлин, Стреляу и др.).

Системная теория и методология показывали, что целостность индивидуальности наиболее полно раскрывается в единстве свойств организма, индивида и личности в поведении, в деятельности [45, 74]. Психофизиологический ее уровень при этом является референтным для типологического изучения обобщенных (интегративных) характеристик психических процессов и свойств. Он опосредует влияние генотипа на психику, обладая выраженными кумулятивными качествами [19, 45].

Итак, «Целостность» — основная категория системного (эволюционно-системного, системно-исторического) подхода к анализу многоуровневых, многоаспектных развивающихся психических феноменов. Целостность (целое) обычно определяется как результат взаимодействия частей, уровней. При этом целостность концентрирует в себе качественно новые свойства компонентов. Части проявляют себя через другую часть, образуя иерархию (субординацию). Методология системного подхода выводит на передний план наряду с целостностью такие понятия, как эволюция, развитие, взаимодействие и взаимосоддействие, динамика, иерархия, системообразующий фактор, типичность поведения [27, 45].

На этом пути эвристичными являются идеи В.Д. Небылицына, который неоднократно подчеркивал важную роль особенностей «целого мозга», целостных общеличных характеристик для воссоздания унитарной индивидуальности. Ученый полагал, что своеобразии целостной индивидуальности наиболее полно познается в процессе изучения «вертикального среза» разноуровневых свойств человека (от биохимических, генотипических до общеличных, культуральных, социально-психологических).

В эпоху идеологического прессинга на науку стали очевидными трудности организации подобных работ. Расширительная трактовка деятельностной парадигмы в стереотипах мышления как бы позволяла рассматривать образование, воспитание, среду и социум в целом в качестве ключевых для интенсивного психического развития

на благо общества. Поэтому индивидуальные различия и — тем более — системное строение такой категории, как индивидуальность, скорее считали артефактом непрофессионально построенного обучения, чем предметом научного анализа.

Как уже было сказано, конкретные исследования часто не подтверждали удобную идеологии точку зрения.

Подобные задачи долгое время не могли быть корректно поставлены прежде всего из-за недостаточной ясности способов разрешения собственно психофизиологической проблемы. Как неоднократно отмечалось Б.Ф. Ломовым и В.Б. Швырковым, конкретные исследования, основывающиеся на теориях психофизиологического параллелизма, тождества, взаимодействия, по сути дела, вели к тупиковым позициям [44, 45, 74]. Природные особенности индивида при таком подходе могли выступать лишь в роли несущественных механизмов реализации деятельности. Логичным казалось, например, допущение решающего влияния на развитие личности «вывиха тазобедренного сустава» и несущественность роли фундаментальных типологических особенностей высшей нервной деятельности [41] или же структурирование индивидуальности исключительно смысловыми составляющими [10]. Таким образом, проблема очевидного индивидуального своеобразия психики действующего человека как бы выносилась за скобки.

Для современной науки вскрытие объективных оснований тех интегральных качеств, которые характеризуют человека как индивида и личность, становится актуальной теоретической задачей [67, с. 38]. Важность охвата единым пониманием разноуровневых индивидуальных особенностей психики в их целостности подчеркивал еще Л. Сэв: «... пока не выяснена теоретическая основа понятия человеческого индивида, теория личности рискует увязнуть в зыбучих песках идеологических иллюзий» [67, с. 77].

Относительно конкретного «наполнения» структуры индивидуальности определенные ориентиры имелись в трудах С.Л. Рубинштейна. Ученый утверждал, что объяснение любых психических явлений необходимо исходит из того, что личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия. При этом внутренние условия включают как важнейший момент индивидуальные свойства человека [31, 62].

Для субъектоцентрированной новой дифференциальной психологии априорными становятся следующие фундаментальные положения человекознания. Целостность сверхсложных «живых» систем, как известно, принципиально не может быть описана через взаимосвязи отдельных их частей. Целостность, применительно к проблемам индивидуальных различий целесообразно изучать через «систе-

мообразующий фактор» [9], интегративность характеристик человека, типичность поведения [19, 63].

Системообразующим основанием, скрепляющим разноуровневые механизмы субъектно-объектного взаимодействия для получения планируемого результата, является мотивационно-потребностная сфера личности [41]. Вектор «Мотив—Цель» в процессе антиципации обуславливает опережающий характер реагирования человека в сложноорганизованном потоке событий [45].

Кумулятивность складывающихся при этом функциональных систем (органов психики) обеспечивает преемственность стадий ее развития. В результате актуальная структура нейро- и психофизиологического уровня жизнедеятельности, опосредующего влияние генотипа на психику [45, 47], содержит следы прошлого (генотипические признаки), аналоги настоящего (сравнение прогноза и реальности) и предвестники будущего (информационные эквиваленты образа-цели).

Таким образом, мысль о возможности изучения целостной индивидуальности с помощью психологического моделирования развивающейся деятельности с ее системообразующими факторами (мотив — цель — личностный смысл) и последующего детального исследования своеобразия «жестких» звеньев активности зародилась в логике развития отечественной типологической школы.

3.2. О дифференциальной психологии синдромов антиципации в системных исследованиях целостной индивидуальности

Конкретные исследования, выполненные за последние 40 лет, основывались на разработанной в системной типологии индивидуальности психотехнологии, позволяющей объективизировать специфику функциональных систем в предварающих феноменах предактивности, таких как антиципация, преднастройка, установка, ожидание, акцептор результата действия [8, 16, 44].

Привлечение понятия «антиципация» с его многозначностью прежде всего связано с универсальностью этого феномена. По мысли Б.Ф. Ломова и Е.Н. Суркова [44], в деятельности невозможно найти такие ситуации, в которых антиципация не играла бы существенной роли. В своей книге «Антиципация в структуре деятельности» они глубоко и всесторонне анализируют уровневое строение процессов антиципации, отмечая при этом их связь (в физиологическом плане) с акцептором действия и другими феноменами опережающего отражения действительности.

Все вышесказанное показывает логичность экспериментального исследования индивидуально-типологических факторов антиципации, реализующей деятельность человека, для познания закономерностей целостной индивидуальности. Особенности антиципации исследовались с помощью методики вызванных потенциалов (МВП) в так называемых *потенциалах антиципации — ПА* [12, 16].

Специальные исследования регистрировали ПА, которые были получены в следующих условиях регистрации: 1) при обычных произвольных движениях, которые испытуемые совершали в моменты времени, выбранные по своему усмотрению; 2) при счете таких действий; 3) в начале формирующейся стратегии вероятностно-прогностической деятельности при относительно частом «успехе», а также при редком угадывании; 4) при стабилизации стратегии поведения в ходе развития вероятностно-прогностической деятельности отдельно в ситуациях редкого и частого «успеха». В качестве типологически апробированных характеристик использовали параметры лабильности — критические частоты мельканий и критические частоты звуков (КЧМ, КЧЗ) — и силы (коэффициент ν) нервной системы, относительно которых в работах по генетической психофизиологии, выполненных с помощью метода близнецов, выявлена высокая степень генетической обусловленности дисперсии данных признаков [47].

Особое значение для оценки пригодности системотехники и методики в плане проблем дифференциальной психологии имело изучение типологических факторов антиципации в ходе реализации действий разного личностного смысла. Для этого сравнивали факторные отображения взаимосвязей характеристик ПА, зарегистрированных в ситуациях решения испытуемым разных задач (при различающихся смыслах моторных действий), но в условиях сходства сенсомоторной организации произвольного движения. Выяснение сходства синдромов антиципации, реализующей тождественные по сенсомоторным характеристикам, но различные по целям и смыслам действия, позволяло раскрыть степень подверженности ПА влияниям со стороны психологически существенных трансформаций движений (операция — действие — деятельность).

Полученные материалы имели четкий результат: факторы, реализующие действия разного смысла, но тождественные по сенсомоторным компонентам их реализации, резко отличаются по своему составу [12, 27].

Резюмируя сказанное, отметим, что представленные материалы экспериментально показывают существенные различия синдромов типологических параметров антиципации, реализующей произвольные действия, сходные по сенсомоторным компонентам, но различающиеся задачами и, как показывает специальный анализ, целями и смыслами. Результаты экспериментов показывают, что в период

формирования стратегии поведения, а также в период ее стабилизации функциональные системы, объективизированные в процессах антиципации, складываются с учетом индивидуально-типологических характеристик, таких как сила и лабильность нервной системы. Структура этих синдромов существенно различна в разные периоды становления вероятностно-прогностической деятельности. Эти факты свидетельствуют об общих причинах, лежащих в основе интериндивидуальных вариаций характеристик антиципации, включенной в естественное течение деятельности, и тех типологических свойств индивида, которые при этом опосредствуют влияние на человека внешних причин.

Другими словами, процессы антиципации, реализуя ориентировку человека в плане образа, вместе с тем выполняют в активном поведении своеобразную интегрирующую функцию, заключающуюся в индивидуально-своеобразном синтезе прошлого, настоящего и будущего. Важность этой функции во многом определяется взаимодействием разных уровней индивидуальности получению значимого для человека результата в ходе решения поставленных субъектом задач. Данный процесс находит отражение в гетерогении синдромов антиципации, которые реализуют целеполагание человека по мере достижения промежуточных результатов действий. Их смысл наиболее полно раскрывается в структуре целостного поведения и, в частности, соотносится с важнейшим вектором деятельности «Мотив — Цель» [45].

Как показало представленное дифференциально-психологическое исследование, индивидуальные особенности антиципации содержат как природные, конституциональные, генотипические характеристики, так и психологические параметры, изменяющиеся под влиянием формирующейся деятельности. Развивая логику намеченного обсуждения, можно было бы включить в подобные регуляторные детерминанты иерархию мотивов и потребностей человека, а в более широком контексте — образование, воспитание, обучение, а также обобщенные установки и направленность личности.

Можно полагать, что антиципация составляет тот важный механизм, который обеспечивает взаимодействие свойств индивида и личности достижению результата и реализации целей действий. Сфера особенностей, механизмов и факторов преддательностных феноменов, таким образом, становится в центр работ по дифференциальной психологии.

Обобщение итогов анализа материалов данного параграфа требует рассмотрения специфических «узлов» реализации эволюционно-системного подхода к проблемам дифференциальной психологии в контексте целостной природы индивидуальности. Стало несомненным, что системный ракурс многогранных проблем индивидуальности является оптимальной стратегией интеграции данных о законах соотносимости разнообразных индивидуальных особенностей

человека при естественном развитии субъектно-объектного взаимодействия. Такой подход к рассмотрению неизбежно ограниченных экспериментальных фактов в плане развития дифференциальной психологии создает новое проблемное поле, позволяющее перейти от постулирования «мозаичной» феноменологии индивидуальности к изучению закономерностей, связывающих разные ее уровни в субъекте психической деятельности.

3.3 . Понятие и сущность целостной индивидуальности как объекта субъектоцентрированной дифференциальной психологии

Предшествующие разделы учебника со всей очевидностью показали крайнюю необходимость проработки проблем дифференциальной психологии, позволяющих перейти от форсирования аналитических стратегий изучения отдельных индивидуальных различий к познанию их системных сфер. Поэтому появилась потребность создания глоссария дифференциально-психологических понятий, единым взглядом охватывающих индивидуальные и общеличные свойства и особенности в субъекте психической деятельности. Таким интегративным понятием стала «Индивидуальность» в ее целостности.

Как уже отмечалось, ранее в психологии такого понятия, по существу, не было. Существовали лишь идеологизированные — скорее философские — представления об исключительной социальной детерминации индивидуальности. Такие выводы могут показаться слишком уж прямолинейными. Но факты таковы: обратимся к Краткому психологическому словарю 1985 г.: «Индивидуальность» определяется как человек, характеризующийся со стороны его социально значимых отличий от других людей; интерпретируется через своеобразие *психики* и *личности* индивида, через ее неповторимость. Таким образом, априорно психологические исследования индивидуальности запрещались, поскольку неповторимые явления не рационально подвергать научному изучению¹.

Другой источник² также социализирует содержание индивидуальности: «*Индивидуальность — неповторимое своеобразие психики каждого человека, осуществляющего свою жизнедеятельность в качестве субъекта развития общественно-исторической культуры*».

Такая общественно-детерминированная ориентация дифференциально-психологического рассмотрения данного понятия сказалась

¹ Краткий психологический словарь / Сост. Л.А. Карпенко. М., 1985. С. 115.

² Психологический словарь. М., 1983. С. 129.

на взглядах целых поколений психологов — считали, что индивидуальность лишь за счет этой ориентации проявляется в чертах *темперамента, характера*, в специфике интересов, качеств перцептивных процессов и т.д. Постулировали, что индивидуальность характеризуется не только неповторимыми свойствами, но и своеобразием взаимосвязей между ними. Робко предполагали, что предпосылкой формирования человеческой индивидуальности служат анатомо-физиологические задатки, которые *преобразуются* в процессе воспитания, имеющего общественно-обусловленный характер, порождая широкую вариативность проявлений индивидуальности. (Даже делали попытки недоказуемо утверждать и показывать на энцефалограмме изменения свойств мозговой массы под влиянием личностного опыта...)

Наиболее комплексно — для будущих исследований — понятие индивидуальности раскрывается в трудах Б.Г. Ананьева. Компонентами индивидуальности являются даваемые через перечисление постулируемых составляющих свойства индивида, а именно — совокупность его природных свойств, общественных и экономических отношений, политических, правовых и прочих взаимодействий с внешним миром. Конкретная проработка планируемого, но лишь эвристически намеченного подхода фрагментарно отслеживается в биографических набросках. Так, авторами часто подчеркивается роль ситуаций в биографиях известных по книгам серии «Жизнь замечательных людей» личностей, протекающих по принципу «не было бы счастья, да несчастье помогло». В качестве примера можно привести биографию американского президента Ф.Д. Рузвельта, перенесшего, правда уже в зрелом возрасте, полиомиелит и на всю жизнь оставшегося инвалидом. Утверждается недоказуемое: что свойства его индивидуальности (которые надо еще искать) претерпели значительные изменения в его жизни и деятельности, и потому неизвестно, стал бы он тем самым знаменитым президентом в истории США, если бы не эта личная драма.

Много еще описательных моментов можно найти в литературе последнего десятилетия, поскольку все стали интересоваться индивидуальными различиями. Например, типичны научно недоказуемые, скорее филологические, утверждения о том, что индивидуальность являет себя как преобразователь обстоятельств окружающей действительности, способный создавать новые условия, и поэтому представляет собой источник саморазвития человека. Можно считать, что личность как преимущественно социальный фактор, является зенитом психологических свойств, индивидуальность же имеет глубинный характер и т.д. Здесь критерием сформировавшейся индивидуальности и личности традиционно считался вклад человека в материальную и духовную культуру общества, в общественное раз-

витие. Часто выделяются личностные свойства индивидуальности и индивидуальные свойства личности и т.д.

В психологии существует несколько традиций в понимании индивидуальности. Первая традиция связывается с пониманием индивидуальности как простой *единичности*. При этом слишком ярко выраженная черта — с точки зрения последователей данной традиции — является приближением к ненормальности: чем ярче выражена индивидуальность, тем ближе она к патологии. Соответственно, индивидуальность описывается здесь через патологические изменения личности. Все нестандартные проявления индивидуальности с таких позиций оцениваются как приближение или удаление от социальной нормы. По-видимому, эта традиция приближается к логике обывательской «уровниловки» («быть как все»). Между тем следует всегда иметь в виду, что нормальность или ненормальность есть категория не только психологическая, но и во многом социальная и даже политическая. Известно, что социальные нормы многих народностей, сформировавшихся вне европейской цивилизации, совершенно неприемлемы в нашем понимании.

Вторая традиция представляет индивидуальность как простое дополнение *личностных черт*, характерных для той или иной популяции и выражающих общие тенденции ее развития. Они обнаруживаются только у отдельного человека и связываются с конкретными случайными обстоятельствами его развития. В этом случае индивидуальные черты представляют собой нечто незначительное, второстепенное, не имеющее отношения к существенным признакам личности.

Наблюдаемые таким образом особенности являются существенными «здесь и сейчас», что может быть важно для практической психологии в методах катарзиса при работе с конкретным индивидом. Здесь индивидуальность анализируется только как дополнение к личности — носителю существенных черт и определяется как совокупность индивидных и личностных характеристик, отличающих конкретного индивида от остальных субъектов. В качестве примера можно привести некоторые характерные для конкретного индивида привычки и странности. Так, известны люди, которые часто моют руки после каждого прикосновения. Подобные «ненормальности» связываются с прошлыми событиями, отразившимися на фиксации индивидуальных привычек. Однако означает ли это, что наблюдаемая особенность являет индивидуальность как комплекс личностных характеристик?

Третья (формирующаяся в последнее десятилетие) традиция понимает индивидуальность как *целостность*, рассматривая формально-динамическую сторону личности в ее структуре. Сфера триады «индивид — субъект деятельности — личность» континуальна по

природе с закономерным взаимодействием частей реализации целей и мотивов деятельности.

Этот процесс взаимодействия разноуровневых свойств индивидуальности реализации образа-цели включает в психофизиологической «канве» деятельности особые типологические факторы. В них индивидуальные и общеличные характеристики находятся в системных соотношениях: они интегрированы с генетическими особенностями индивида, целями и мотивами текущей деятельности, с ситуативными координатами ее развития: со степенью сформированности стратегии решения задачи и субъективной вероятностью успеха в достижении целей действий [16, 27]. (Факторизация результатов системных исследований индивидуальности [16] четко фиксирует такие факторы, составленные свойствами прошлого, настоящего и будущего, завязанными с ситуативными дифференциально-психологическими характеристиками решения когнитивной задачи.)

По-видимому, при любой ситуации индивид в состоянии оставаться самим собой. Д. Андреев в «Розе Мира» приводит личностное восприятие своего положения заключенным в тюрьме: «Именно в тюрьме с ее изоляцией от внешнего мира, с неограниченным досугом, с ее полутора тысячью ночей, проведенных мною в бодрствовании, лежа на койке, среди спящих товарищей...начался для меня новый этап метаисторического и трансфизического познания... Длинные ряды ночей превратились в сплошное созерцание и осмысление»¹. Возможно, такие трудные ситуации форсируют включенность человека в свою полифонию внутреннего мира?

Основополагающей стратегией построения индивидуальности у С.Л. Рубинштейна выступает принцип взаимосвязи и логическое соединение отдельных частей в целостную структуру. «Хотя в личность включается и тело человека, и его сознание, никак не приходится говорить о физической личности и личности духовной, поскольку включение тела в личности основывается именно на взаимоотношениях между физической и духовной стороной психического. Физическое и духовное — это стороны, которые входят в личность лишь в их единстве и внутренней взаимосвязи... Индивидуальные свойства личности — это не одно и то же, что личностные свойства индивида, т.е. свойства, характеризующие его как личность» [62, с. 242]. По С.Л. Рубинштейну, целостная индивидуальность проявлялась разноуровневыми свойствами, представляющими собой одновременно сплав биологического и социального.

Б.Г. Ананьев использовал математическую статистику для построения многоуровневой системы целостной индивидуальности в виде совокупности комплексов: индивидуальных и личностных свойств; деятельностных проявлений психологии индивидуальных различий.

---

¹ Андреев Д. Роза Мира. М., 1992. С. 34.

Построенная им система комплексов варьировалась в зависимости от пола, возраста и других факторов рассмотрения целостной индивидуальности.

Ученый отмечал, что структура личности непременно включает структуру индивида в виде наиболее общих комплексов органических свойств. Б.Г. Ананьев признавал между равноуровневыми свойствами индивидуальности как одно-, так и многозначный тип детерминаций. По его представлениям, свойства низшего уровня могут являться общей причиной, порождающей свойства высшего уровня. В этом отношении можно вести речь о соматических проявлениях индивида в раннем возрасте, которые потом находят свое отражение в подростковом периоде и затем — в дальнейшем психическом развитии и жизненном пути [5].

В.С. Мерлин выдвинул концепцию интегральной индивидуальности. Он понимал структуру интегральной индивидуальности как синтез свойств организма, индивида и особенностей психических процессов, свойств личности и метаиндивидуальности. Главным перспективным вопросом ученый считал поиск путей гармонии свойств индивидуальности различных уровней. В.С. Мерлин пришел к выводу, что системообразующую функцию в согласовании равноуровневых свойств интегральной индивидуальности выполняет индивидуальный стиль деятельности, а интеграция — в согласовании одноуровневых свойств. Тупиковая позиция школы В.С. Мерлина заключалась в постулировании исключительно много-многозначных связей интегральной индивидуальности. Свойства физиологического и психологического ее уровня представлялись вариативными: любой признак психологического множества может коррелировать с любым параметром психического (и наоборот), поскольку это взаимодействие опосредствовано деятельностью. Данная стратегия воссоздания интегративной индивидуальности, таким образом, подтерждала точку зрения, складывающуюся под влиянием идеологического прессинга на психологию, социологизируя детерминанты многоаспектной индивидуальности в целом.

Многообразии подходов к индивидуальности, ее сверхсложная феноменология предполагали разработку — для снятия противоречий аналитических исследований в дифференциальной психологии — особого понятийного аппарата типологического познания. Необходимо было содержательно определить понятие целостной индивидуальности, наметив в качестве основы психотехнологии ее системного изучения. К сожалению, среди психологов в то время (да и сегодня) отсутствовало единое понимание и — соответственно — определение того, что такое индивидуальность как общее понятие, не говоря уже о целостной индивидуальности.

Позитивные знания в теоретико-экспериментальном понимании категории индивидуальности добываются в ходе форсирования на-

учных работ, прорабатывающих вопросы дифференциально-типологического аспекта ее изучения. В самом общем ключе доказательно подчеркнута, что рационально рассматривать целостную индивидуальность как системное образование с набором свойств, относящихся к биологическому, психологическому и социальному уровням. При этом комплексное рассмотрение человеческого своеобразия включает интегративные факторы индивида, личности и субъекта деятельности. Целостная индивидуальность все более широко анализируется как интегратор комплексов человеческих свойств, опосредствующих взаимосвязи с окружающим миром.

Системные исследования индивидуально-психологических различий в структуре целостной индивидуальности начаты на субъектоцентрированных этапах развития дифференциальной психологии [27]. Такому ракурсу многогранных проблем дифференциальной психологии предшествовало осознание учеными и практиками потребности в типологическом познании индивидуально психологических различий в их интегративной целостности.

Такие фундаментальные исследования требовали создания новой субъектоцентрированной теории и методологии, нового квазиэксперимента и новых путей реализации фиксируемых закономерностей в практике [27, 28]. Данные обстоятельства типологического познания знаменовали начало разработок в русле *эксплицитного, рефлексивного и институционального этапов* развития дифференциальной психологии и психофизиологии (см. п. 1.2).

Целостность в соответствии с системной методологией — обобщенная характеристика объектов, обладающих сложной внутренней структурой. Целостность — основная категория системного (эволюционно-системного, системно-исторического) подхода к анализу многоаспектных психических феноменов. Органическим системам присуще взаимодействие дистантных активностей при системообразующей роли целей действий, мотивов деятельности. Это достигается с помощью индивидуализации механизмов целеполагания и целеобразования, например в антиципации будущего. Целостность концентрирует в себе качественно новые свойства компонентов.

Методология системного подхода делает центральными наряду с категорией «Целостность» такие понятия, как эволюция, развитие, взаимодействие и взаимосодействие, динамика, иерархия, системообразующий фактор, типичность поведения. Типичность субъектно-объектного взаимодействия связана с наличием «жестких» звеньев в функциональных системах, структура которых раскрывает закон связи между элементами целого.

В конкретных работах продолжены исследования индивидуально-стабильных, природных, конституциональных, генотипических особенностей человека, но существенно расширился анализ условий, механизмов и факторов включения синдромов свойств в функцио-

нальные системы, поведение и деятельность. Отметим еще раз, что впервые здесь подвергнут объективному познанию «вертикальный срез» разноуровневых свойств субъекта, осуществленный в ходе валидации в дифференциальной психологии теории целостной индивидуальности.

Показано, что фиксируемые в деятельности синдромы закономерно включены в системообразующие регуляторы функциональных органов психики и поэтому отражаются в сколь угодно важных особенностях психики человека, наиболее ярко сказываясь на психологии индивидуальных различий [27, 28]. Психофизиологический же уровень индивидуальности, как обладающий выраженными кумулятивными качествами, референтен для дифференциально-типологического исследования. По Б.Ф. Ломову, этот уровень является опосредствующим звеном воздействия генотипа на психику. Он структурируется «жесткими» звеньями внутренних условий взаимодействия субъекта с внешним миром по структуре целостной индивидуальности и может выполнять регуляторную функцию в генезе дифференциально-психологических сфер [45].

Именно введение в теоретические и экспериментальные исследования дифференциальной психологии при интеграции с дифференциальной психофизиологией нового объекта — психологии целостной индивидуальности — стало фокусом инновационного ее формирования.

Оформлению дифференциальной психологии в отдельную фундаментальную науку способствовало использование современных методов многомерного статистического анализа: факторного, кластерного, регрессионного, а также методов таксономии. Как уже отмечалось, это открыло широкие возможности перехода от изучения «среднего человека» с нормальным распределением признаков к супернормальному объекту — целостной индивидуальности.

Системные исследования индивидуальности (в противовес аналитическому изучению «мозаик» отдельных индивидуальных различий и их многочисленных психологических и физиологических коррелят) в субъектоцентрированной дифференциальной психологии позволили зафиксировать, интерпретировать и применить в практике закономерности включения комплексов разноуровневых индивидуальных особенностей в функциональные органы деятельности. Такой ракурс исследований в качестве координат регуляции строения функциональных систем включает информационный эквивалент образа потребного будущего, стадию формирования стратегии решения задачи, субъективную вероятность прогнозируемого успеха реализации цели будущего действия, сказывающуюся в частоте выдвижения прогнозов реагирования [27].

Предпосылкой оформления начал субъектной дифференциальной психологии в полноценное научное знание, как уже было сказано,

стало внедрение в исследовательскую практику квазиэксперимента, основанного на фундаментальной теории, а не на статистических выкладках. Тенденции развития дифференциальной психологии вместе с пониманием целостности психологии индивидуальности привели к пониманию интегративности психического развития, а главное — конкретизировали типологические предикторы деятельности.

Новый объект дифференциально-психологического исследования — структура целостной индивидуальности — позволил в эмпирических исследованиях изучать ее жизненно складывающиеся экологические «ниши» [17]. Широкий охват системными типологическими исследованиями индивидуализированных признаков психического добыл ценную, ранее неизвестную в науке информацию о задатках деятельности [27, 28]. В частности, собираемые факты показывают на модели соотношений структуры целостной индивидуальности: с оптимальностью профессиональных успехов, психического развития личности, рисков психосоматики, включения психологических защит в безопасность индивидуальности и др. гармоничность соответствующих синдромов является предвестником акмеологического статуса зрелой личности в психологии ее вершинных достижений.

Все собираемые факты могли интерпретироваться в значительной степени в результате цикла экспериментально-психологических работ по конструированию и валидации квазиэксперимента в дифференциальной психологии. Открываемые здесь закономерности психологии индивидуальности в ее целостности при эволюционно-системном ракурсе исследований дали возможность выйти за рамки чисто лабораторного — часто манипулятивного — эксперимента и перейти к конструированию и многоаспектной валидации квазиэксперимента, базирующегося на фундаментальной типологической теории.

Таким образом, дифференциальная психофизиология вошла в институциональный этап своего развития. Открыты новые ветви типологии индивидуальных различий при референтности рассмотрения «вертикального среза» многоуровневых свойств целостной индивидуальности. Назовем лишь некоторые из них: психогенетика, психология целостной индивидуальности, экологическая психология индивидуальности, дифференциальная акмеология, психологическая безопасность индивидуальности.

Контрольные вопросы

1. Когда и в каких условиях началось использование субъектоцентрированного системного подхода к проблемам дифференциальной психологии?

2. Почему тестирование рассматривается как инструмент закрепления неравенства в обществе?
3. Как соотносится биологический и умственный возраст человека?
4. Какие факторы могут объяснить различия умственных достижений белых и чернокожих детей?
5. Определите содержание понятий «индивид» и «личность» в аналитическом и системном ключе.
6. В чем заключается различие между типологическим и измерительным способами описания индивидуальных различий?
7. Дайте сравнительную характеристику лонгитюдного метода и метода срезов в дифференциальной психологии.
8. В чем заключается неоднозначное отношение науки к проблемам тестов в дифференциальной психологии?
9. Что дает применение эволюционно-системного подхода в дифференциальной психологии?
10. Какие области дифференциальных наук вносят инновационные идеи в развитие теории, методологии и практики психологии индивидуальных различий?

Глава 4. ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБЪЕКТОЦЕНТРИРОВАННОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

4.1. Типологические факторы речевого развития дошкольника сферы «Родитель—ребенок»

Лейтмотивом ключевых идей сегодняшней дифференциальной психологии становится понимание того, что будущее начинается не только сегодня, но и вчера. Целый ряд инновационных исследований в субъектоцентрированной дифференциальной психологии содержат факты, свидетельствующие о возможности существования уже на ранних стадиях онтогенеза четких предикторов будущего своеобразия развития, вплоть до его зрелых форм. Данный раздел учебника вводит читателя в эту возможную перспективу фиксации задатков будущего развития, подчеркивая некоторые нелинейные его детерминанты.

Системные исследования в дифференциальной психофизиологии, где объектом изучения стала индивидуальность в ее целостности, открыли в эмпирических исследованиях перспективу решать проблемы континуальности разных ее сфер, расшифровывая с эволюционно-системных позиций так знакомые каждому психологу, но непонятные житейскому разуму «гроздь» и «слития» разноуровневых свойств человека. Очевидно, здесь непригодны были используемые ранее традиционные парадигмы типологического познания в рамках известных дихотомий «биологическое — социальное», «генетическое — средовое», «природное — общественное». На смену корреляции пришла интерпретация факта с позиций системообразующего фактора, взаимодействия разнообразных свойств и качеств индивидуальности достижению будущего результата (мотиву, потребности, «образу-цели»), который вписывается в планируемую динамику ситуаций решения субъектом текущей задачи.

Такой реинтерпретации были подвергнуты материалы исследований соотнесения оценок целостной индивидуальности и речевого развития старшего дошкольника (сферы «Родитель—ребенок»). Данная модель дифференциально-психологического исследования отвечает закону о том, что общепсихологические законы преломляются (часто — нелинейно преобразуются) в деятельности и, в частности, в речевом развитии дошкольника через ресурсы индивидуальности и личности, через формирование интегративных задатков продуктивного взаимодействия с миром.

Данная тема имеет широкий общепсихологический контекст и более узкий конкретно-эмпирический контекст. Рассмотренная в широком контексте тема исследования включается в изучение всегда актуальных закономерностей психического развития. Этому, по мысли Д.И. Фельдштейна, посвящена любая психологическая работа. Специфика проведенного исследования состоит во введении координаты «Индивидуальность в ее целостности» в сложные процессы психического развития.

Работа выполнена на модели дошкольного периода — системообразующего для оптимального формирования ряда функциональных органов психики. Эмпирические материалы исследования конкретизированы в работах Т.Ф. Базылевич и Т.В. Колядиной [23] в плане валидизации концепции целостной индивидуальности, что ориентирует сферу приложимости в основном произвольными, субъектно-аккумуляированными формами взаимодействия человека с миром.

Примененный ракурс многогранных дифференциально-психологических проблем концентрирует работу на интегративных характеристиках речевого развития дошкольника, на формально-динамической — ключевой для типологии — стороне жизнедеятельности, на системообразующих факторах взаимодействия равноуровневых свойств психики личностно-важному результату решения задач.

В эмпирическом исследовании были оценены соответствующие характеристики для 126 пар дошкольников и родителей (для гомогенности выборки — мам, поскольку в детском саду 23 % семей были неполными).

Работа выделяет целостную индивидуальность при системообразующей роли личностных характеристик как новый объект дифференциальной психологии в аспекте изучения индивидуально-типологических детерминант психического (речевого) развития.

Актуальность темы обусловлена противоречием между стремительными социальными изменениями, предъявляющими сейчас высокие требования к уровню психического (речевого) развития человека в сензитивные периоды его жизни (дошкольное детство), и недостаточной изученностью закономерностей индивидуализации оптимального развития личности в плане экологически-комфортных его детерминант. Это следствие противоречий между:

- вариативной динамикой содержательной стороны взаимодействия личности с миром и индивидуальной стабильностью «жестких» звеньев его внутренних условий;
- высоким инновационным потенциалом типологического подхода к анализу сколь угодно важных сфер формирования психики и отсутствием теоретических разработок, позволяющих на научной основе, с использованием соответствующей теории, методологии, эксперимента и практики понять закономерности опосредствования

ния индивидуальностью уровня речевого развития дошкольника при учете специфики социальной среды его жизнедеятельности.

Актуальность данной темы также определяется явной недостаточностью знаний о природе опосредствования индивидуальностью механизмов формирования психических свойств, несочетаемость которых способствует подчас губительным для растущей личности состояниям эмоциональной напряженности, стресса, ведет к деструкции личности, психосоматике. Научная разработанность проблемы связана с различной степенью внимания исследователей к изучению содержательного и формально-динамического компонентов деятельности. Изучение содержательной стороны поставленных проблем традиционными методами остается всегда актуальным и реализуется не только в разных областях психологии, но и в исследовании высших акмеологических достижений личности (В.Г. Асеев, А.А. Деркач, В.Н. Дружинин, М.Ф. Секач, Д.И. Фельдштейн и др.). В отечественной научной литературе последних лет начали в пилотажном плане прорабатываться и формально-динамическая — типологически важная сторона соответствующих проблем (Т.Ф. Базылевич, Ю.В. Дорошенко, В.Ф. Кордюков).

Речевое развитие дошкольника как особый системообразующий фактор с его кульминационным моментом — фиксацией постоянно отражающейся в переживаниях человека индивидуально-своеобразной гармонизации — представляет собой уникальную экспериментальную модель. Эта модель, будучи в некотором смысле «идеальной» (естественность развития жизнедеятельности, естественность мотивации в ситуационном «срезе»), демонстрирует интеграцию законов взаимодействия внутренних условий человека с миром, преломленных через призму внешних социальных причин.

Представленное эмпирическое исследование основано и на традициях отечественной дифференциальной психологии и психофизиологии: на первичности строго экспериментальных методов оценки свойств индивида и личности; математико-статистическом анализе данных (Б.М. Теплов, В.Д. Небылицын, Т.Ф. Базылевич). Учтена высокая прогностичность типологических характеристик (А.Н. Лебедев) для поведения и деятельности, теория субъекта психической деятельности и общения (А.В. Брушлинский).

Цель исследования — выделение факторов индивидуальности в системообразующем влиянии личности на речевое развитие дошкольника сферы «Родитель—ребенок». Объект исследования — гармоничность индивидуальности в ее системной связи с речевым развитием дошкольника. Предмет исследования — гармоничность сочетания индивидуальных различий как целостности в континуальной сфере «Родитель—ребенок».

Гипотеза эмпирического исследования первоначально формулировалась в рамках традиционных линейных схем анализа: хотелось

бы найти доказательства гетерогении биологического и социального наследования свойств индивидуальности (такие связи возможно было выделить в материалах эмпирического обследования).

Гипотетически можно предполагать фиксацию статистически достоверных отношений континуально распределенных компонентов сферы «Индивидуальность—личность» в директории «Родитель—ребенок». По-видимому, оптимальность темпов речевого развития в сензитивный период дошкольного детства должна быть как-то связана с гармоничностью индивидуальности как ребенка, так и родителя. Конкретные же данные могли быть получены с помощью корреляционного и факторного анализа.

В качестве методических инструментов использовались следующие специально разработанные в общей и дифференциальной психологии методики: 1) методика оценки структуры целостной индивидуальности Т.Ф. Базылевич (ОСЦИ); 2) методика субъективного шкалирования «эмоциональных меток» событий жизнедеятельности; 3) методика исследования уровня притязаний (модификация методики Ф. Хоппе); 4) методики определения самооценки личности; 5) психолингвистическое обследование речевого развития дошкольников.

Эмпирическую базу исследования составили, как уже было сказано, 126 дошкольников в возрасте 5–6 лет, воспитанники д/с № 774 ЮВАО г. Москвы, № 918 ЮАО Москвы, и их мамы в возрасте 28–35 лет.

В результате проведенного эмпирического исследования, основанного на субъектоцентрированной дифференциальной психологии с ее новым объектом — структурой целостной индивидуальности, выявлен целый комплекс статистически достоверных фактов (которые частично публиковались в периодической научной печати). Их обобщение выявило следующие линии интеграции полученных системных особенностей, механизмов и факторов типологической сферы «Индивидуальность дошкольника и родителя — Психическое (речевое) развитие ребенка».

Выявлены взаимосвязи речевого развития дошкольника, оценок структуры его индивидуальности с индивидуально-типологическими и акмеологическими характеристиками референтного родителя (которые ранее изучались изолированно). Первая группа родителей (в группе дошкольников с высоким уровнем сформированности речи) характеризуется особыми статистическими связями параметров структуры целостной индивидуальности с комплексами индивидуальных и общеличных параметров. Особое внимание вызвал факт массивных связей индексов импульсивности родителя с параметрами речи. Матрица интеркорреляций показателей (приведена в монографии [27]) содержит пять статистически значимых связей импульсивности родителя с характеристиками целостной индивидуальности ребенка.

Напротив, группа дошкольников с низким уровнем речевого развития характеризуется ограниченностью связей внутри симптомов

целостной индивидуальности родителя. При этом выделяются несопряженные (дисгармоничные) связи симптомов.

Итоги эмпирической части выявили (в группе высокого уровня речевого развития дошкольников) соотнесенность в общем факторе 18 акмеологических характеристик личности родителя, куда входит его имидж, прямо связанный с акмеологическим статусом матери, а также с рядом показателей эмоционального приятия мира, социальных событий в нем, с интересом к жизни общества и окружающих людей. (Данный комплекс входит в психогенетических исследованиях в конструкт бессознательных этитьюдов, которые способны регулировать включенность генетических программ в формирование интеллекта.)

Впервые выявлены факторы, общие для характеристик целостной индивидуальности родителя и оптимальности развития речевой коммуникативной активности ребенка, интерпретируемые через механизм опосредствования функциональных органов психики гармоничностью структуры индивидуальности. Такого рода факторы вскрывают в группе дошкольников с низким речевым развитием конкретные дисгармоничные связи (отражаются в низком уровне психического развития и интеллекта, агрессивности, враждебности, интолерантности), которые могут стать центром коррекционной работы практического психолога.

Полученные в работе дифференциально-психологические факты при их конструктивном анализе могут быть использованы в программах реабилитационной работы акмеологов и психологов развития. Очевидно, психотехнологии психического развития старших дошкольников в первую очередь должны обратиться к оптимальности формирования психоакмеологии референтного родителя.

Эмпирическая оценка реализации в речевом формировании дошкольника закономерностей психологии целостной индивидуальности показывает, что в ходе психического развития личность действует не какую-либо одну сторону своей индивидуальности, но интегративную систему разноуровневых свойств, выступая при этом как активный, саморазвивающийся субъект психической деятельности.

Сущностные детерминанты речевого развития дошкольника с учетом типологического своеобразия сферы «Родитель—ребенок» выделены с помощью корреляционного и факторного анализа.

Результаты факторного анализа оказались крайне четкими. Выявлено, что группа родителей, у которых дети характеризовались низким уровнем психического (речевого) развития, не имеет выраженных психоакмеологических синдромов (подробнее — в работах Т.Ф. Базылевич и Т.В. Колядиной).

Наоборот, в группе детей с высоким уровнем коммуникативной активности выявлены противоположные результаты (табл. 4.1).

Таблица 4.1

**Факторное отображение интеркорреляций характеристик родителей
и детей (группа с высоким уровнем речевого развития)**

	Фактор 1 (M1)	Фактор 2 (M2)
1	2	3
P1. ИИИ	0,561243	0,225041
P2. Лабильность	0,294385	0,361603
P3. Планирование деятельности	-0,405615	0,102511
P4. Импульсивность	0,419224	0,560294
P5. Функциональная выносливость (предметная)	-0,079603	0,250910
P6. Функциональная выносливость к общению	0,209606	0,161366
P7. Социальная желательность (шкала лжи)	-0,267601	0,247657
P СШ1. Какие из ценностей являются ведущими в вашей семье?	0,625338	-0,542699
P СШ2. Какovým является финансовое положение в вашей семье?	0,739973	-0,173652
P СШ3. Какую неформальную позицию вы занимали в классе, школе?	0,750861	0,286981
P СШ4. Легко ли вам давалась учеба в школе?	0,675127	-0,241087
P СШ5. Были ли вы во время учебы в школе дисциплинированным и послушным ребенком?	-0,269552	-0,013822
P СШ6. Занимались ли вы общественной работой в школе?	-0,421572	0,101629
P СШ7. Вспомните, пожалуйста, ваш средний балл в аттестате о среднем образовании	-0,711114	-0,238067
P СШ8. Профиль базового высшего образования	0,795453	0,263912
P СШ9. Кто оказал влияние на выбор вами вуза и специальности?	0,678559	0,111357
P СШ10. Сколько лет вы проработали по своей основной специальности (по которой вы получили базовое образование)?	0,262447	0,061349
P СШ11. В какой сфере вы трудитесь?	0,029467	0,281128
P СШ12. Охарактеризуйте вашу нынешнюю должность	0,648977	0,140559
P СШ13. Как бы вы оценили свою карьеру?	0,702375	-0,161328
P СШ14. Насколько комфортной (эмоционально-приятной) вы считаете свою жизнедеятельность?	0,377555	-0,100837
P СШ15. Какой чай, горячий или холодный, вы предпочитаете?	0,357226	0,332128

1	2	3
Р СШ16. Считаете ли вы, что бурные преобразования экономики, общества, мышления в наши дни имеют основу в объективных законах развития общества и психики?	0,641845	-0,185727
Р СШ17. Общественные события вызывают у меня бурю эмоций	0,112895	-0,618700
Р СШ18. Я сильно эмоционально переживаю рабочую ситуацию	0,659605	0,089413
Р УП 1. Выбор	0,238536	-0,020127
Р УП. Сдвиг выбора после удачи	0,347093	-0,231071
Р УП. Сдвиг выбора после неудачи	0,169846	-0,526441
Р УП. Сумма	-0,058798	-0,015303
Д1. ИИИ	-0,121264	-0,938942
Д2. Лабильность	-0,070393	-0,936602
Д3. Планирование деятельности	0,230848	0,695099
Д4. Импульсивность	-0,080365	-0,899365
Д5. Функциональная выносливость (предметная)	0,435899	-0,712584
Д6. Функциональная выносливость к общению	0,152085	-0,899323
Д. Самооценка	0,148040	0,471963

Примечание. Р — данные родителей; Д — данные детей; СШ — характеристики субъективного шкалирования; УП — уровень притязаний; ИИИИ — интерактивный индекс целостной индивидуальности. Значимые веса при вхождении в фактор выделены жирным шрифтом.

Сравнительный анализ материалов факторного отображения результатов, представленных в табл. 4.1 и в работах в области прикладной дифференциальной психологии, показывает, что отдельный фактор составили характеристики структуры целостной индивидуальности родителей. Типологическое содержание зафиксированных паттернов четко различается в группах разной выраженности речевого развития детей, что демонстрируют результаты факторного анализа, выделенные в данных группах интеркорреляций.

Факторный анализ (см. табл. 4.1) фиксирует, что материалы, просчитанные для «крайних» групп дошкольников с высоким речевым развитием (по 18 симптомам), отличаются от данных, выделенных для сферы «Родитель—ребенок» с низким речевым развитием ребенка. Зафиксированные с помощью факторного анализа синдромы

включают: своеобразие и гармоничность целостной индивидуальности референтного родителя, его высокий акмеологический статус, высокий имидж и широкие эмоциональные связи с социальным миром.

Эти различия можно объяснить, только допустив существование некой социопсихологической «директории», объединяющей в особую гармоническую целостность, с одной стороны, индивидуальность родителя и ребенка в семье и с другой стороны, психическое (речевое) развитие дошкольника. Дальнейшее накопление фактов может выделить психологический климат в семье, принятые здесь бессознательные этикетулы как возможные субъектные предикторы психического развития дошкольника.

Резюмируя результаты проделанного субъектоцентрированного дифференциально-психологического исследования, отметим его вклад в теоретические и эмпирические аспекты системной психологии индивидуальных различий.

1. Подчеркнуто значение для дифференциальной психологии ранних стадий онтогенеза закона об опосредствовании целостной индивидуальностью формально-динамических свойств психики (в частности, присущих речевому развитию) в составе внутренних условий субъекта психической деятельности.

2. Индивидуальность в ее системной целостности в составе сферы «Родитель—ребенок» является предиктором координированного единства формально-динамических характеристик речи дошкольника и эффективности индивидуальной жизнедеятельности, включающей ее своеобычность.

3. Эмпирически обоснованы дифференциально-типологические технологии изучения психического (речевого) развития в сфере «Целостность индивидуальности и личности» в директории «Родитель—ребенок».

4. Доказательно, что модифицированная методика ОСЦИ Т.Ф. Базылевич для изучения дошкольников позволяет фиксировать типологически существенные симптомы и синдромы признаков гармоничного и дисгармоничного строения целостной индивидуальности сферы «Родитель—ребенок».

5. Индивидуальные характеристики сферы «Родитель—ребенок» статистически взаимосвязаны, анализ соответствующих синдромов позволяет более эффективно осуществлять социальную реабилитацию недоразвития речевой готовности ребенка к школьному обучению.

6. Общепсихологический контекст эмпирических фактов позволяет четко выделять важность типологической стороны индивидуальности в речевом развитии дошкольника. Аналитический план развития разрабатывается в рамках отдельных психических функций и характеризует общие закономерности, присущие всем объектам,

обладающим психикой, подчеркивая преимущественно содержательную сторону деятельности. Другая сторона реального существования психики акцентирует ее формально-динамический компонент и определяется типологически существенными конституциональными, индивидуально-стабильными параметрами функциональных органов. Здесь важная роль принадлежит влиянию ближайшей социальной среды: матери, отца и т.д. Каждая из анализируемых черт индивида и личности не может однозначно определять оптимальность речевого развития (наиболее полно раскрывающегося в системных исследованиях сензитивных его периодов, таких как старший дошкольный возраст). В основе оптимальности психического развития лежат своеобразные процессы интеграции, кумуляции условий, механизмов и факторов во внутренних условиях субъектов — в его целостной индивидуальности, через которые преломляются все внешние причины.

7. Для оценки интегративности сферы «Родитель — ребенок» на модели сопоставительного изучения характеристик целостной индивидуальности и личности целесообразно применять квазитесты (основанные на фундаментальной типологической теории), опросники на эмоционально предпочитаемые конкретные типологические условия жизнедеятельности, в которых стабилизированы процессы формирования деятельности, а также параметры субъективного шкалирования эмоциональных «меток» событий в типологически значимых обстоятельствах. Из примененных психотехнологий наиболее информативны методика ОСЦИ, оценка акмеологического статуса зрелой личности родителя, параметры субъективного шкалирования, оценка уровня притязаний и модифицированная автором методика речевого развития дошкольника.

8. Континуальность изученной сферы доказательно четко сказывается в статистических связях параметров речевого развития дошкольника, оценок гармоничности черт индивидуальности и типологических и социально-акмеологических характеристиках референтного родителя.

4.2. Типологические особенности антиципации как задатки индивидуальных различий в переделке навыка

Становление навыков у человека, влияющее, в частности, на эффективность школьного и производственного обучения и профессиональное мастерство в трудовой деятельности [29, 36], на креативность и гениальность личности, до сих пор детально не исследовалось в дифференциальной психологии. Возможно, этому способствовала фик-

сация в научном обиходе дизъюнктивного противопоставления навыков (в комплексе со знаниями и умениями) способностям, относящимся к стержневым понятиям типологической науки.

В настоящее время углубленная разработка проблемы формирования навыков актуальна для задач различных сфер практики, в которой возникают все новые и новые виды деятельности. Особое значение данному кругу проблем придается в связи с реформой общеобразовательной школы, которая непрерывно ставит задачи, требующие дальнейшей разработки вопросов индивидуализации навыков как условия эффективности воздействия воспитания, образования и обучения на психическое развитие учащихся на пути к высшим достижениям личности.

Данное исследование затрагивает лишь одну сторону, открывающуюся в контексте дифференциально-психофизиологического анализа опережающего отражения человеком внешнего мира.

В наших работах при моделировании естественного течения деятельности изучаются целостные психофизиологические функциональные системы, реализующие антиципирующие феномены предвидения. Было показано, что целеспецифичные надситуативные синдромы антиципации формируются и функционируют по закономерностям непрерывной «встроенности» типологических факторов в психофизиологическую «канву» развивающейся деятельности [16, 20]. Можно предположить, что отмеченные закономерности распространяются и на целенаправленную активность, характерную для формирующихся навыков, и являются важнейшим звеном системогенеза деятельности. Такое предположение подкрепляется не только приведенным здесь обобщением опытных данных, но и теоретико-методологическими соображениями о целостности индивидуальности с присущей ей непрерывностью и преемственностью развития [16, 27, 45, 57, 75].

Общетеоретический контекст данного параграфа, касающийся соотнесения синдромов антиципации в системной детерминации навыка, требует обращения к современным концепциям индивидуальности, сформированным и разрабатываемым в советской дифференциальной психофизиологии, в частности в работах В.Д. Небылицына, В.С. Мерлина, В.М. Русалова и других. Такого рода теории значительно расширяют принципиальную основу наших представлений о человеческой унитарности, рассматривая ее органично включенной в эволюционный процесс, итогом и этапом которого она является [75].

Основные тенденции разработки в современных науках многогранных проблем индивидуальности, как показано в гл. 1, выявляют необходимость динамического понимания существенных детерминант индивидуализации функциональных органов развивающейся деятельности.

Подобный ракурс объекта исследования предполагает рассмотрение всех событий жизнедеятельности в виде непрерывного сложноорганизованного потока, включающего в каждый отдельный момент интеграцию фило- и онтогенеза с социогенезом [5, 27, 75]. Таким образом, в актуальной структуре нейро- и психофизиологического уровня индивидуальных особенностей, опосредующего влияние генотипа на психику [45, 55], имеются следы прошлого (например, в виде генотипических факторов), аналоги настоящего (сравнения прогнозируемых и реально наступивших событий) и предвестники будущего (в частности, сказывающиеся в информационном эквиваленте образцели) [4, 45, 74].

Представленная логика осмысления целостности в архитектонике индивидуальности может быть эффективным инструментом познания изоморфизма законов, действующих на разных уровнях индивидуально-обобщенных надситуационных блоков развивающейся деятельности [16, 64]. Кроме того, эволюционно-системный способ реконструкции интегральной индивидуальности в известных пределах может соединить синтетические теории, воссоздающие целостность объекта исследования, и аналитический уровень получения деталей. В частности, имеющиеся факты позволяют думать, что анализ системного строения антиципации в структуре биологических основ индивидуальности [27] важен для характеристики целой области индивидуальных различий, сказывающихся в широком спектре поведения человека и, в частности, в индивидуальных особенностях навыков.

В таком контексте к формулировке гипотезы конкретно-экспериментальной части исследования могут быть привлечены факты, выявленные в ходе изучения ЭЭГ и нейрональной активности в поведении [4, 16]. В этой связи прогностичными могли бы быть данные Н.Е. Максимовой, показавшей, что кардинальные реорганизации функциональных систем действий (что, по-видимому, характеризует изучаемую нами переделку навыка) соотносятся с вариациями позитивной составляющей суммированной биоэлектрической активности головного мозга. Отсюда можно гипотетически предположить, что общее системно-обобщенное звено, связывающее, с одной стороны, механизмы антиципации, которые за счет системообразующей роли индивидуально-типологических факторов инвариантны целенаправленной активности разных типов, и, с другой — индивидуализированные формы формирующего навыка, отражается в позитивной фазе биоэлектрической активности мозга периода прогнозирования событий будущего. В качестве анализируемых показателей потенциалов антиципации (ПА) впервые использованы суммарные индексы 11 стандартных характеристик локальных потенциалов, одновременно выделяемых в антецентральной и ретроцентральной областях головного мозга. Следует отметить, что изучение такого

рода интегративных параметров в дифференциальной психологии и психофизиологии начато лишь недавно. В плане подобных исследований детально изучаются закономерности интеграции биологических параметров, в которой существенная роль отводится резонансным и, в первую очередь, синхронизационным явлениям [27].

Такой путь в известной мере оказался продуктивным, например, в решении проблемы парциальности основных свойств нервной системы человека. Так, параметры кросскорреляционной функции фоновой ЭЭГ, общемозговые факторы индивидуальных различий, индексы синхронизации и когерентности биоэлектрических колебаний дистантно расположенных отделов мозга зарекомендовали себя в качестве характеристик общих свойств [12, 27]. В этой связи показателен тот факт, что среди индивидуальных особенностей ЭЭГ покоя показатели, полученные путем суммирования дискретных значений нестационарности десяти отведений, выявили большую наследственную обусловленность, нежели локальные параметры мозга [60].

Исходя из логики постановки проблемы исследования неизбежно ограниченные конкретно-экспериментальные его задачи включали изучение с помощью корреляционного и факторного анализа общих детерминант как взаимосвязанных характеристик ПА (в составе механизмов реализации произвольных действий разного смысла), так и генетически обусловленных показателей свойств лабильности и силы нервной системы.

Цель этого этапа исследований — выявление надситуационных синдромов индивидуальных особенностей, включающих инвариантные целенаправленной активности разных типов антиципационные процессы и параметры свойств нервной системы, которые обычно характеризуются как природные, конституциональные, индивидуально-стабильные, генотипичные. (Указанные синдромы индивидуальных характеристик представляют особый интерес для теоретического осмысления результатов, как бы позволяя выйти за пределы сиюминутной ситуации для воссоздания фрагмента из общей картины индивидуализации целенаправленной активности организмов в поведении как следствия непрерывного развития природы и эволюции живого.) Характеристики ПА и показатели свойств нервной системы далее сопоставлялись с индивидуальными особенностями начальных этапов формирования навыка зеркального письма.

Исходя из поставленных задач, методики экспериментов повторяли ранее описанный метод регистрации МВП, методику выделения суммированной биоэлектрической активности в преддвигательный период действий в составе вероятностно-прогностической деятельности, стандартизированные короткие методики, разработанные для диагностики силы и лабильности [2, 69], а также для изучения динамики формирующегося навыка. Поэтому стоит лишь коротко

остановиться на основных моментах этих методик, с помощью которых обследованы 29 человек.

В серии I испытуемые произвольно нажимали на ключ указательным пальцем правой руки в моменты времени, выбираемые по собственному усмотрению. Задачей испытуемых в серии II был счет совершаемых действий при повышенном уровне мотивации экспериментальной деятельности. В остальном условия опытов двух серий были идентичными.

Эксперименты серии III моделировали формирование стратегии вероятностно-прогностической деятельности в ходе так называемого бинарного вероятностного обучения, которое протекает по типу «игры в угадывание» [16, 27]. Испытуемые прогнозировали наступление двух равновероятных событий — вспышку света или ее отсутствие. Вероятности этих событий не зависели от действий испытуемых и были соответственно равными 0,7 и 0,3. Согласно инструкции, появление вспышки предлагалось предсказать нажатием на правую кнопку, а непоявление — на левую. Вспышка наблюдалась через 0,1 с после начала движения. Таким образом, произвольные действия уравнивались по сенсомоторным компонентам, однако задачи и цели движений были различными в двух выделяемых для удобства анализа ситуациях: в ситуации 1 прогнозировалось часто наступающее событие (прогноз испытуемых здесь часто оправдывался, в этих условиях регистрировали «частый успех»), а в ситуации 2 антиципировалось редкое событие, связанное с «редким успехом».

В нашем исследовании особенности антиципации изучали при стандартной процедуре обследования с помощью метода моторных вызванных потенциалов в так называемых потенциалах готовности [16]. В качестве первично анализируемого электрографического показателя использована суммированная преддвигательная биоэлектрическая активность двух областей ($F4$ и $O2$) коры больших полушарий. ПА выделяли в преддвигательный период произвольных действий отдельно в двух указанных ситуациях и, кроме того, в разные периоды становления стратегии поведения.

В данном разделе анализируются следующие суммарные (для характеристик лобной и затылочной областей) параметры ПА, полученные путем суммирования соответствующих показателей, выделенных для каждого отведения. Суммарные характеристики вычисляли для следующих дискретных параметров (индексов ПА): 1) временного интервала от максимума негативности до начала действия, мс; 2) амплитуд (мкВ) от максимума негативности ПА до средней линии; 3) временного интервала от максимума позитивности до средней линии; 4) амплитуд от максимума позитивности до средней линии; 5) площадей (в относительных единицах) между негативной волной ПА и средней линией; 6) площадей, вычисленных для позитивной фазы ПА; 7) амплитуд ПА (от пика до пика); 8) дисперсий

мгновенных значений амплитуд ПА. Данные индексы ПА, вычисленные для результатов трех серий, составили 48 показателей (таблицы приведены в ранее вышедшей монографии [27]).

В экспериментах по выработке навыка «зеркального» письма испытуемому предлагали написать слово «психология» скорописью, не отрывая кончика карандаша от бумаги. Затем его просили записать то же слово справа налево зеркальным шрифтом (как при отражении в зеркале). При этом требовались максимальная скорость и точность. Показатели динамики выработки навыка хронометрировались. Среди этих параметров наибольшей выраженностью индивидуальных различий обладало время написания первого слова (при $\bar{m} = 32$ с минимальное время составило 7 с, максимальное — 60 с). Этот показатель путем вычисления коэффициентов ранговой корреляции был сопоставлен с параметрами ПА разных действий.

Индивидуальные различия по свойствам нервной системы определяли с помощью стандартных методик. В данное сопоставление вошли показатели критической частоты слияния мельканий (КЧМ) и характера наклона кривой времени реакции при увеличении интенсивности звукового и светового стимула (ХНК-3, ХНК-С) [17, 19].

Результаты факторного анализа, которому был подвергнут весь массив оценок индивидуальных различий, выявили четкие закономерности объединения в целостные синдромы параметров матрицы интеркорреляций. Факторизация позволила выделить восемь значимых факторов, объединяющих более 70% дисперсии признаков. Собственные числа при этом близки к единице, последующий фактор не приводил к увеличению суммарной дисперсии более чем на 5%. Значимыми в соответствии со стандартом [158] — признаны веса, превышающие 0,55. Выделенные факторы обозначены индексами заглавной буквы *М*. В аспекте поставленных в работе задач необходимо детально проанализировать факторы *М2* и *М5*, в которых объединены характеристики ПА разнообразных действий и типологически интерпретируемые показатели свойств нервной системы.

В фактор *М2* вошли площади положительной фазы ПА, зарегистрированные в разных условиях реализации моторных действий: при их счете, а также при формирующейся и стабилизированной стратегии вероятностно-прогностической деятельности в ситуациях «частый успех». Этот комплекс показателей ПА (№ 14, 22, 30) составил общий фактор с параметрами силы (№ 50). Здесь больший уровень силы (меньшая чувствительность) соотносится с большими площадями позитивной фазы ПА разных действий. Обособление позитивных фаз медленных потенциалов мозга в отдельном факторе, по современным системным представлениям, может свидетельствовать об индивидуализированной специфичности состава функциональных систем, используемых индивидом при достижении результата поведенческих актов [27, 55]. При этом увеличивается конкуренция

между системами, что ведет к смене наборов актуализированных функциональных систем.

Характеристики силы нервной системы (№ 51) вошли и в фактор *M5* вместе с дисперсиями мгновенных амплитуд ПА, вычисленными в таких несхожих условиях, как ситуация «редкого успеха» в начале формирования стратегии поведения и ситуация «частого успеха» в период стабилизации образа действий. В этот фактор также вошел параметр временного интервала от максимума негативности ПА до начала действия, зарегистрированный в тех же условиях деятельности. В соответствии со знаками параметров, входящих в данную группировку, меньший разброс мгновенных амплитуд ПА вокруг среднего значения в обозначенных ситуациях связан с меньшим уровнем силы. Эти данные согласуются со сложившимися представлениями о соотношениях этих индивидуальных характеристик, показанных для фоновой ЭЭГ [16].

Таким образом, на материале интегративных индексов ПА подтвержден ранее показанный факт системообразующей роли индивидуально-типологических особенностей нервной системы в строении определенного типа синдромов функциональных систем антиципации, реализующей развивающуюся вероятностно-прогностическую деятельность [16].

Согласно полученным экспериментальным данным, еще шесть факторов выделены для массива характеристик ПА разнородных действий. Три из них составили индексы ПА, включенных в вероятностно-прогностическую деятельность. Рассмотрим особенности этих групп. В фактор *M1* вошли параметры (амплитуды и площади) негативной фазы ПА, выделенные как в период формирования, так и в стадии стабилизации стратегии в ситуациях и «частого», и «редкого» успеха (№ 21, 26, 29, 34, 37). Системное значение негативации фаз медленных потенциалов может интерпретироваться исходя из исследований, выполненных в школе В.Б. Швыркова и Н.Е. Максимовой [74], в контексте увеличения специфичности состава функциональных систем мозга по отношению к достижению результата поведенческого акта, происходящего наряду со снижением степени актуализации оппонентных наборов систем.

Для стабилизированной стратегии поведения выделен еще и отдельный фактор *M6*, свидетельствующий об общей причине генеза амплитуд позитивной составляющей ПА (№ 28) и латентного периода ПА этой стадии (№ 43). Фактор *M8* объединяет индексы формирующейся стратегии при «частом успехе» (№ 19 — временной интервал от максимума позитивности до средней линии) и стабилизированной стратегии в ситуациях «редкого успеха» (№ 42, 46 — амплитуды негативности и площади позитивной фазы).

Особый интерес представляют три фактора, объединяющие различные по психологической структуре действия I, II, III серий экс-

периментов. Два из них составили характеристики счета действий и ПА вероятностно-прогностической деятельности (*M3* и *M7*). Фактор *M4* может интерпретироваться как амплитудно-дисперсионный. Входящие сюда индексы (№ 2, 7, 8, 23, 24) характеризуют амплитуды и дисперсии мгновенных значений как ПА произвольных действий, так и движений, включенных в деятельность по снятию неопределенности. Эти параметры зарегистрированы в начале формирования стратегии в ситуациях «частого успеха».

Характерно, что параметры ПА идентичных, но отличающихся задачей моторных действий по-разному структурируют разные факторы, что подкрепляет ранее полученные результаты, согласно которым определенные синдромы мозговых функциональных систем антиципации существенно определяются не внешней поведенческой характеристикой движения, а планируемым результатом действия [4, 45].

По итогам изложенного отметим, что выделенные группы взаимосвязанных характеристик антиципации по своей природе целесообразны, надситуационны (не приурочены жестко к условиям решения задач). Среди психофизиологических синдромов антиципации имеются и такие группы показателей, в которых важное значение имеют типологические особенности индивида.

Каковы результаты соотнесения интегративных параметров ПА с индивидуальными особенностями формирования навыка? Данные конкретных экспериментов отвечают на этот вопрос достаточно однозначно: между указанными показателями существуют многочисленные статистические связи. В соответствии с этими материалами большее время, затраченное испытуемым на написание слова зеркальным шрифтом, соотносится с более выраженными ПА, включенными в механизмы реализации всех исследуемых в работе разнородных действий. Это относится к параметрам временного интервала до максимума положительных и отрицательных фаз ПА, площадям этих волн, амплитудам и дисперсиям амплитуд. При этом 14 коэффициентов корреляции из 16 статистически значимых характеризуют позитивную фазу ПА.

Анализ представленных материалов также выявил, что среди шести характеристик ПА, ранее вошедших в «квазигенетические» синдромы антиципации, три значимо коррелируют с параметрами навыка. Это может свидетельствовать о важной роли генотипических особенностей индивида не только в целостных функциональных системах, объективизирующихся в процессах антиципации, но и в индивидуализированности навыков.

Представленный эмпирический материал наиболее полно может быть понят в контексте закономерностей единства разных уровней индивидуальности в функциональных системах целенаправленного поведения. В активном поведении антиципация, по-видимому, может выполнять интегрирующую функцию, включающую фиксацию в

своехарактерной организации функциональных систем развивающихся деятельностей взаимосвязей типа кумулятивных, с помощью которых закрепляется иерархия разноуровневых компонентов индивидуальности, проявляющаяся в ее диспозициях, функциональных тенденциях, латентных установках. С этих позиций гетерогенность функциональных систем антиципации представляется следующим образом. Содержащаяся в каждом человеческом действии перспектива будущего, сочетающаяся с координированным единством индивидуально-обобщенного прошлого опыта и соотносящаяся с иерархией мотивов и направленностью личности, вместе с тем, способствует активации определенного комплекса целостных психофизиологических функциональных систем с их характерной для каждого человека топологией.

Есть основания полагать, что в непрерывном процессе развития человека выделяются определенные вехи (например, стадия развития стратегии поведения, вероятность будущего успеха), относительно которых становится возможным индивидуально-системное обобщение психофизиологических синдромов антиципации. Такие синдромокомплексы, видимо, из-за их типологической специфики имеют сходную топологию в составе механизмов любой целенаправленной активности: при вероятностно-прогностической деятельности, при формировании навыков, фиксации опыта в памяти, восприятии и т.д.

Обозначенные здесь системные механизмы опережающих форм отражения могут объяснить комплекс эмпирических материалов, представленных в данном разделе. Достигнута, на наш взгляд, и косвенная его цель — уточнена прогностическая ценность системных знаний о психофизиологических основах развивающейся деятельности в отношении одного из видов субъектно-объектного взаимодействия, проявляющегося в целенаправленной активности формирующегося навыка. Выявленная при этом соотносимость индивидуальных характеристик функциональных систем и особенностей начальных этапов образования навыка может свидетельствовать об изоморфизме закономерностей, действующих на разных уровнях индивидуальности.

4.3. Типологические факторы антиципации как задатки прогностических способностей личности

Проблема задатков способностей личности на пути к реализации смыслоемких целей действий и мотивов деятельности является важной для развития теории и практики современной дифференциаль-

ной психологии и в целом — человекознания. Однако до сих пор эта проблема остается одной из наименее разработанных.

Б.Ф. Ломов пытался привлечь внимание специалистов к данной проблеме, ставя следующие вопросы: «Что такое задатки как предпосылка развития способностей? Какова их структура? Каковы механизмы реализации задатков в способностях? При каких условиях осуществляется эта реализация? Развиваются ли сами задатки в процессе жизни индивида?» [45, с. 378]. Он предположил, что их разработка требует контакта психологии с генетикой поведения, при котором должен быть реализован дифференциально-психофизиологический подход.

Понятен длительный интерес мыслителей прошлого и современных исследователей к вопросам изучения способностей, которые понимаются как индивидуально-психологические особенности человека, являющиеся субъективными условиями успешного осуществления определенного рода деятельности. При этом они не сводятся к имеющимся знаниям, умениям, навыкам. Задатки определяются как некоторые генетически детерминированные анатомо-физиологические особенности мозга и нервной системы, являющиеся индивидуально-природной предпосылкой сложного процесса формирования и развития способностей¹. Традиционно задатками считают, в частности, типологические особенности отдельных областей мозга, а также соотношение первой и второй сигнальных систем.

Существующие в настоящее время подходы к анализу задатков способностей, как мы видим, дизъюнктивно разделяют индивидуально-психологические и анатомо-физиологические характеристики человека .

Показанные дифференциальной психофизиологией парциальность основных свойств нервной системы, трансситуативная вариативность их показателей, множественность психологических проявлений, а также опосредованность фиксируемых много-многозначных связей спецификой деятельности на этом аналитическом пути делают проблему задатков способностей практически неразрешимой.

Другой путь — синтетический — основан на первичном выявлении групп индивидов, сходных по одному или нескольким признакам, которые часто выделяются по весьма субъективным критериям. При этом тестирование, претендуя на диагностику задатков способностей, произвольно приписывает выделенным типам успешность реализации какой-либо деятельности не только в момент исследования, но и в будущем. На самом же деле тест как краткое испытание имеющихся у человека знаний, умений, навыков, а также его социального статуса и условий жизни не вскрывает даже «зоны ближайшего развития». Новый взгляд на проблемы задатков способностей

---

¹ Психологический словарь. М., 1983. С. 253.

исходит из очевидной целостности свойств индивидуальности в ее развитии, континуальности функциональных систем, реализующих активные действия человека и обладающих кумулятивными качествами. Представления о целостности взаимосвязей личности с ее специфической средой в экологии индивидуальности подчеркиваются эволюционно-системным подходом к единству индивидных и личностных компонентов в субъекте психической деятельности.

Такой подход к проблеме позволяет сделать вывод о том, что психические и физиологические свойства человека являются разными аспектами рассмотрения непрерывного взаимодействия субъекта психической деятельности с окружающей действительностью. «Жесткие» паттерны в организации одной стороны взаимодействия всегда соответствуют (но не всегда прямолинейно!) определенным свойствам или качествам другой стороны. Индивидуально-обобщенные характеристики подобной организации могут рассматриваться как задатки важных особенностей психики, если они являются инвариантной составляющей целенаправленной активности.

Подводя итоги исследований профессиональных способностей, В.Д. Шадриков всегда подчеркивает, что без соотнесения с функциональной системой понятие «сочетание способностей», рассматриваемое в плане взаимодействия и компенсации, теряет смысл. По его мнению, способности можно определить как характеристики продуктивности функциональных систем, реализующих тот или иной психический процесс. При этом онтология функциональной системы описывается на собственно физиологическом языке, а феноменология — на психологическом.

Поскольку системный принцип предполагает воссоздание целостности признаков индивидуальности в процессе достижения прогнозируемой (или, когда успех неопределен, антиципируемой) цели при решении определенной задачи, то реконструирование единства индивидуальных особенностей разных уровней в поведении связано с познанием произвольной сферы психики.

Целостный взгляд на действительную природу индивидуальности с позиции эволюционно-системного подхода невозможно осуществить без анализа явлений организации, интеграции, координации разнообразных свойств человека. Соответствующие синдромы таких свойств субъекта закономерно складываются в поведении и сохраняют его своеобразность в ходе развития. Подобного рода взаимоотношения нельзя воспринять непосредственно, их можно изучать при моделировании естественного процесса субъектно-объектного взаимодействия в особых концептуальных конструктах, т.е. тогда, когда врожденный или приобретенный в онтогенезе опыт кумулятивно объединен в таких таксономических единицах психики, как прогнозирование и — при неопределенности прогноза — антиципация. В характеристиках опережающих явлений отражены механизмы ор-

ганизации [9, 44], обуславливающие возникновение в целостной индивидуальности новых интегративных свойств.

Таким образом, психофизиологические факторы развивающейся деятельности, выделяемые в процессах антиципации, отражают специфику функциональных систем в структуре индивидуальности. (В общей психофизиологии общепринято изучать законы развития функциональных систем благодаря исследованию ЭЭГ и нейрональной активности в поведении [4, 74].)

Моделирование развивающейся деятельности с выделением периодов, где антиципируется четко оцениваемая образ-цель будущего результата, осуществлено с помощью методики вероятностного обучения, подробно описанной в ряде работ [16, 27]. Модифицированный нами вариант данной методики позволил выделять мозговые ПА в определенных ситуациях поведения, где фиксируются степень сформированности стратегии решения задачи и субъективная вероятность успеха предстоящего действия.

Можно предположить, что в структуру факторов, связанных с вероятностным прогнозированием, входят, наряду с психофизиологическими признаками процесса антиципации, характеристики результативности, продуктивности когнитивных процессов. Подтверждение этого предположения позволит обсудить их общий генез. Принимая во внимание тот факт, что функциональные системы, проявляющиеся в признаках антиципации, инвариантны целенаправленной активности разного типа [44], мы утверждаем, что интерпретация выделяемых групп симптомов индивидуальности не может осуществляться без привлечения фактологии способностей и задатков. В этом случае ПА должны анализироваться в контексте задатков общих способностей личности.

Данные, полученные при сопоставлении характеристик ПА с формально-динамическими особенностями психомоторики и показателями результативности вероятностного обучения, позволяют экспериментально фиксировать индивидуально-обобщенный компонент произвольных действий. Закономерности его формирования, очевидно, важны для конкретно-экспериментального изучения задатков способностей в структуре целостной индивидуальности, возможно, в концепции целостной индивидуальности.

* * *

По результатам факторного анализа материалов серий I и II совместно с данными психодинамики выделены четыре группы взаимосвязанных характеристик, составленные только индексами ПА. При этом две из них составили показатели ПА в фоновом состоянии и индексы ПА счета. Так, фактор *M1* объединил 12 параметров ПА, характеризующих в основном негативную фазу. Сюда вошли ее амплитуды

($F4$, $O2$), площадь отрицательной волны ($F4$), среднеарифметическая ординат ($F4$), дисперсия мгновенных значений амплитуд ($O2$).

Все эти показатели выделены в серии I. Этот же фактор составили показатели серии II: амплитуда негативной фазы обоих отведений, ее площадь, среднеарифметическая ординат $F4$. Все перечисленные параметры вошли в фактор $M1$ со знаком «минус». Он интерпретируется как «общемозговой» и отражает энергетический уровень нервной системы, связанный с ее работоспособностью. По-видимому, отнесение сюда дисперсии мгновенных значений амплитуд, отражающей силу — чувствительность индивида, обосновано смыслом данного синдрома признаков [27].

Другой «общемозговой» фактор — $M4$. Он составлен в основном характеристиками положительной фазы ПА фона (ее площадь в отведении $F4$, полярно-амплитудной асимметрией потенциала в двух отведениях и коэффициентом синхронизации ПА для $F4$ и $O2$), включает также и временные интервалы от максимума негативности ПА до начала действия, регистрируемые при счете.

Таким образом, индивидуальные особенности психофизиологических механизмов опережающей активности индивида достаточно четко дифференцируются на два класса, отдельно отражающиеся в негативной и позитивной фазах мозговых ПА. Эти результаты согласуются с концепциями общей психофизиологии, рассматривающими принципиальные различия отрицательных и положительных компонентов суммированной биоэлектрической активности [6].

Два фактора явились специфическими для серий I ($M2$) и II ($M6$). Только фоновые показатели вошли в фактор $M2$, обозначенный как «затылочный». Эту группу составили индексы ПА ретроцентральной коры мозга: амплитуды положительной фазы, площади двух фаз, среднеарифметические значения ординат потенциала $O2$. В факторе $M6$ особым образом объединились временные характеристики ПА: меньшие значения латентных периодов его отрицательной волны в затылочном отведении сочетаются с большими значениями латентных периодов положительной фазы как в лобной, так и в затылочной области. Данный фактор, интерпретируемый как временной, включил только показатели ПА при счете движений. Он, по-видимому, связан с часто наблюдаемой отрицательной корреляцией типологических особенностей анте- и ретроцентральной коры мозга. Такие связи, например, характерны для показателей навязывания медленных ритмов. Фазовый поворот полярности моторного потенциала готовности затылочного отведения по сравнению с лобным и прецентральным [27] также входит в круг указанных феноменов.

Особый интерес представляют факторы, составленные индивидуальными особенностями ПА вместе с характеристиками психодинамики и результативности «вероятностного прогнозирования». Таких группировок согласно результатам, полученным в сериях I и

II, оказалось три. В первую ($M3$) с разными знаками вошли индексы негативной и позитивной фаз ПА ретро- и антецентральной коры (амплитуды отрицательной волны лба в условиях счета со знаком «плюс» и площади и «фоновые» латентные периоды положительной волны со знаком «минус»). Этот фактор включил показатели прогнозирования как частого, так и редкого события (темп любых предсказаний), а также количество правильных угадываний частого события в единицу времени. Отмеченные соотношения согласуются с известными фактами о соответствии выраженности негативной «волны ожидания» и «потенциала готовности» трудностям решаемой задачи [27, 28].

Вторую из общих для ПА и психодинамики групп показателей ($M7$) образовали «затылочные» индексы потенциала (амплитуды положительной фазы вместе с дисперсией их мгновенных значений), а также количество правильных прогнозов редкого события в единицу времени. Характерно, что все указанные индексы зарегистрированы в ситуациях счета. Типологический смысл фактора можно обозначить как «синдром функциональной устойчивости», связанный обратной зависимостью с чувствительностью нервной системы [12, 28 и др.].

В факторе $M7$ объединились полярно-амплитудная асимметрия ПА отведений $F4$ и $O2$ и три параметра психодинамики: суммарное число предсказаний «частого» и «редкого» события в единицу времени, удобный темп моторных действий и временная характеристика переделки навыка. При этом все перечисленные параметры при вхождении в фактор $M7$ имеют знак «минус». Таким образом, менее выраженное доминирование отрицательной фазы ПА над положительной соотносится с: 1) меньшим числом прогнозов в ходе «вероятностного обучения»; 2) предпочтением более медленного темпа движений; 3) лучшими временными показателями при переделке навыка в начальной стадии его формирования. Наши исследования показали, что характеристики позитивной фазы ПА прогностичны в отношении индивидуальных особенностей в переделке навыка (это согласуется с вышеприведенными данными). В этой связи положительный компонент потенциала выступает как отражение индивидуально-системного обобщения при кардинальной смене функциональных систем [6, 132].

* * *

Функциональные системы, представленные характеристиками ПА в поведении (при спокойном бодрствовании и при счете последовательных движений), содержат ряд особенностей, которые, если исходить из гипотез факторного анализа, могут отражать некоторые существенные внутренние свойства изучаемых объектов [158, с. 7]. При этом предполагается, что наблюдаемые параметры, являясь лишь косвенными характеристиками изучаемого явления, вместе с тем, частично отражают

важные внутренние (ненаблюдаемые непосредственно) свойства, в нашем случае — свойства индивидуальности. Интерпретация факторов — специальная задача, попытка решения которой может дать лишь первые результаты о степени экстрацеребральности и трансиндивидности природных задатков человеческих способностей.

Согласно полученным данным, психофизиологические механизмы антиципации, не соотносящиеся с показателями психодинамики, подразделяются на две группы. В одну группу входят факторы, специфичные относительно психологической оценки ситуации эксперимента (*М2* и *М6*), а в другую — факторы, объединяющие механизмы реализации произвольных движений на фоне спокойного бодрствования и счета (*М1* и *М4*). Характерно, что «фоновый» фактор *М2* включил только «затылочные» индексы ПА, относящиеся к его амплитудам. Фактор «счета» объединил общемозговые показатели латентных периодов, находящихся в компенсаторных отношениях: меньшие временные интервалы от максимума негативности ПА (затылка) соотносятся с большими соответствующими параметрами позитивности (лобного и затылочного отведения).

Связанные характеристики ПА серий I и II объединили два других фактора — *М1* и *М4*. Данные синдромы в основном относятся к общемозговому комплексу амплитуд, а также к синхронизации биоэлектрической активности дистантно расположенных областей мозга.

Обращает на себя внимание тот факт, что соотношения характеристик в указанных факторах являются прямыми по их типологическому смыслу. Они отражают функциональную устойчивость общемозговых механизмов реализации деятельности, включенных как в произвольные движения на фоне спокойного бодрствования, так и в ситуации повышенного уровня внимания. Не исключено, что накопление подобных фактов может привести к новому решению проблемы парциальности основных свойств нервной системы. Как мы видим, «региональное» распределение индивидуальных особенностей мозга присуще лишь относительно пассивным способам субъектно-объектного взаимодействия. По мере усиления психологической значимости деятельности индивидуальные качества дистантно расположенных областей мозга, включаясь в решение человеком задачи, вместе с тем, приобретают целостность.

Особый интерес представляют три фактора, составленные из индексов ПА и показателей психодинамики. Эту группу (*М3*, *М5*, *М7*) со стороны объединенных в ней механизмов реализации действий характеризуют локальные параметры лишь одной области мозга (в *М5* вошли индексы ПА только затылочного отведения при счете стимулов и общемозговые индексы). Показательным является факт взаимокомпенсаторного распределения в данных факторах выраженности положительной и отрицательной фаз ПА, регистрируемых в лобных и затылочных областях мозга. Следует отметить ортогональ-

ность психофизиологических механизмов преднастройки к событиям при прогнозировании «частого» и «редкого» успеха. Показателями задатков способности к угадыванию редко наступающего события при счете действий можно считать малую выраженность амплитуд потенциалов готовности (отведение O_2) с относительным повышением выраженности его положительного компонента, сочетающуюся с малым разбросом мгновенных значений амплитуд вокруг среднего (малая функциональная выносливость нервной системы).

Задатком же эффективности прогнозирования часто наступающего события является наличие в ПА (счета) выраженной по площади положительной фазы (в затылочном отведении), связанной с большими значениями временных интервалов от начала движения до максимума ПА («фоновых» произвольных действий), сочетающейся с меньшими амплитудами отрицательной волны ПА в ходе счета. Данный комплекс включает в себя и общую двигательную активность при «частом» и «редком» событиях. Индивидуально обобщенный компонент, объединяющий интериндивидуальные вариации по удобному темпу движений, время переделки навыка и суммарное число произвольных движений по предсказанию «частого» и «редкого» событий в единицу времени, получены в общемозговых характеристиках полярно-амплитудной асимметрии ПА. Превалирование отрицательной фазы над положительной в условиях счета произвольных действий может рассматриваться как задаток более быстрого предпочитаемого индивидом темпа движений, выделяемого и в теплинг-тесте, и при «вероятностном обучении». Тот же комплекс психофизиологических симптомов связан с большим временем, затраченным индивидом в начальной стадии переделки навыка.

Интерпретация полученных факторов, включающих разделенные во времени индивидуально-характерные особенности психофизиологических процессов антиципации (в ситуациях эксперимента «фон» и «счет») и параметры результативности вероятностно-прогностической деятельности, а также динамические показатели сенсомоторики и переделки навыка, как мы видим, велась в контексте понятия «зadatки способностей».

Вместе с тем представленные экспериментальные материалы о соотношении интериндивидуальных вариаций мозговых ПА, зарегистрированных в период подготовки к произвольному движению разного смысла и результативности предугадывания «редких» и «частых» событий в ходе естественного развития «вероятностного обучения», затрагивают комплекс фундаментальных проблем психологии индивидуальности, до сих пор не получивших адекватных методов непротиворечивого решения. Если проанализировать соответствующие типологические вопросы, то нетрудно заметить, что все они как бы пересекаются в понятиях «способности», «продуктивность деятельности», «функциональные системы», «результат поведенчес-

кого акта», «зататки», «содержательная и формально-динамическая сторона субъектно-объектного взаимодействия».

Совмещение перечисленных понятий в едином тезаурусе психологии индивидуальности недавно могло бы показаться синкретическим объединением несовместимых сфер исследования, если традиционно делить индивидуальные особенности на врожденные, естественные, биологические и на специфически человеческие с их социально-историческим происхождением. Однако экспериментальные факты скорее свидетельствуют о единстве индивидных и личностных свойств в субъекте психической деятельности. Под давлением многообразия индивидуальных различий исследователь вынужден перейти от проблем аналитической психологии индивидуальных различий к изучению реальности целостной индивидуальности, наиболее полно раскрывающейся в развивающейся деятельности.

Поведение же, как показало теоретико-экспериментальное изучение индивидуализированности функциональных систем, привносит дополнительные системообразующие основания в организацию генотипических признаков [13, 19, 74]. В частности, мера сформированности стратегии достижения цели действий и прогнозируемая субъектом вероятность «успеха» ее реализации в конкретном планируемом акте жизнедеятельности способны кардинально изменять включенность свойств нервной системы в психофизиологию деятельности. Моделирование естественного развития деятельности и последующее изучение способов объединения разноуровневых свойств индивидуальности в целостность при эволюционно-системном подходе к ее теоретической реконструкции позволили предположить следующее.

Основываясь на непрерывности развития человека, можно полагать, что в бесконечном фило- и онтогенетическом процессе выделяются определенные надситуационные координаты (в частности, относящиеся к цели и стратегии поведения), относительно которых происходит индивидуально-системное обобщение психофизиологических симптомов произвольной сферы психики. В результате целые комплексы (синдромы) индивидуальных особенностей фиксируются и далее уже функционируют как инвариантная составляющая целенаправленной активности. Отмеченная топология функциональных систем действий позволяет сохранять своеобразие каждого акта человека при сложной содержательной вариативности субъектно-объектного взаимодействия.

Развиваемые представления альтернативны стереотипам научно-го мышления, которые постулируют дизъюнктивное разделение содержательной и формально-динамической сторон деятельности, индивидных и личностных свойств человека. В основе этих упрощенных взглядов лежали « мозаичные » узлолокализационистские концепции о задатках способностей как врожденных анатомо-фи-

зиологических особенностях индивида, как бы субстанционально существующих в нервной системе. Тщетность попыток репрезентировать локальные свойства мозговой ткани в качестве природной основы такого системного образования, как способности (скорее определяемой как задаток в развитии), очевидна.

Для определения категориальных оснований понятий «задаток», «способности» необходимо использовать данные, помогающие понять закономерности построения функциональных систем или функциональных органов при формировании и развитии субъектно-объектных взаимодействий. Конкретно-научные сведения относительно их динамики при психологическом моделировании прогностической деятельности [16, 27] позволяют выделить особые синдромы признаков индивидуальности, которые сохраняются в ходе развития. Вместе с тем результаты экспериментальных исследований показывают влияние содержательного компонента активности человека на регуляцию деятельности и на создание в «контуре» ее регуляции индивидуально-обобщенных функциональных систем, которые целесообразно изучать в качестве задатков значимых проявлений психики. Зафиксированы и обратные воздействия ситуативных особенностей организации функциональных систем на предпочтение индивидом определенных ситуаций развивающейся деятельности, что сказывается на ее результативности. Отмеченная гетерогения прошлого в настоящем с перспективой на будущее отражается в предворяющих действие процессах антиципации, которые могут использоваться в качестве ее системного индикатора при проработке проблем задатков прогностических способностей.

4.4. Типологические особенности функциональных систем в предпочтении индивидуальных стратегий вероятностного прогнозирования

В современной психологии аксиоматична мысль А.Г. Асмолова о том, что современному человеку предстоит жить в условиях неопределенности прогнозов будущего — при выраженной его энтропии в условиях вариативной среды. Не случайно поэтому остроактуальные и новые теоретико-эмпирические исследования в области субъектоцентрированной психологии (которые, по сути, имеют прямое отношение к психоакмеологии высших достижений личности) посвящены, например, задаткам принятия инновационных решений руководителем высшей школы в составе его компетентности (В.П. Пономарев, Т.Ф. Базылевич), континуальности сфер «Общие свойства нервной системы — Особенности установок — Выраженность лидерства в социальной группе» (Т.Ф. Базылевич, А.С. Дубинин), «Структура целос-

тной индивидуальности — Толерантность» как предиктор интолерантности в современной России.

Типологическое познание соответствующих индивидуально-системных сфер, несомненно, имеет прямое отношение к законам формирования и развития высших общечеловеческих достижений. Ниже приводятся материалы проведенного фундаментального исследования сочетанности разноуровневых свойств целостной индивидуальности, включенных в функциональные органы вероятностно-прогностической деятельности. Здесь процессы мозговых потенциалов антиципации по методологии, разработанной в ИП РАН, анализируются как непосредственно отражающие свойства функциональных систем (органов) психики.

В п. 4.4 рассматриваются соотношения, выявленные между индивидуальными особенностями интегративных мозговых процессов, реализующих функциональные системы разнородных действий в периоды антиципации и сравнения, и характеристиками стратегии вероятностно-прогностической деятельности. Результаты исследования анализируются в контексте эволюционно-системного подхода к изучению человеческой индивидуальности, что дает возможность по-новому осмыслить проблему индивидуальных стилей деятельности.

В этой связи эвристичной оказывается разрабатываемая В.М. Русаловым специальная теория индивидуальности [132], позволяющая рассматривать возможность образования «надситуативных» комплексов психофизиологических признаков на основе системообразующей роли генотипа.

В п. 4.4 рассматриваются соотношения, выделяемые между соответствующими параметрами процессов антиципации и сравнения (на основе регистрации мозговых потенциалов антиципации (ПА) и потенциалов сравнения (ПС)) и показателями стратегий, избираемых человеком при решении задач вероятностного прогнозирования. Учитывая то, что существует связь стратегий (как систем обобщенных приемов решения задач разных типов) и индивидуальных стилей деятельности (ИСД) (включающих своеобразную систему психологических средств, к которым сознательно или стихийно прибегает человек в целях наилучшего уравнивания типологически обусловленной индивидуальности с предметными, внешними условиями [27]), можно предполагать, что материалы исследования, представленного здесь, помогут по-новому «высветить» и план осмысления проблем ИСД.

Теоретическим основанием первичного изучения нейро- и психофизиологического уровней реализации действий для понимания закономерностей целостной индивидуальности является сформулированная Б.Ф. Ломовым идея о том, что «генотипические особенности могут влиять на поведение человека и на его психику лишь

постольку, поскольку они влияют на нейрофизиологические процессы» [45, с.379]. В данной парадигме важное значение приобретает известное положение современной методологии о том, что любой поведенческий акт реализуется функциональной системой, онтология которой может быть описана на физиологическом языке, а феноменология — на психологическом [19]. При этом для исследования собственно психологических явлений информативной может стать организация элементов в системе и, в частности, те ее стороны, которые связаны с закономерностями интеграции элементов в единое целое [13, 19, 63].

В силу сказанного в данном исследовании в качестве основного показателя использованы параметры пространственной организации активности мозга, которые занимают особое место в системных представлениях [19]. Так, М.Н. Ливанов связывал явление пространственной синхронизации колебаний биопотенциалов мозга с новым качеством его функционирования, лежащим в основе психических явлений.

В типологических исследованиях характеристики дистантных отношений между разными отделами головного мозга уже зарекомендовали себя в качестве перспективного феномена изучения биологических основ индивидуальности [63]. Важность таких исследований постоянно подчеркивал В.Д. Небылицын, утверждая, что тесное взаимодействие мозговых образований в обеспечении их целостной работы создает и самую возможность рассматривать нервную систему в качестве регулятора целенаправленного поведения.

Методика исследования, позволяющая изучать в ПА механизмы реализации вероятностно-прогностической деятельности, описана выше. В ней ПА представлялись в виде ординат медленно развивающейся, предшествующей действию, преимущественно негативной волны. Здесь мы проанализируем коэффициенты синхронизации ПА двух отведений, вычисленные по методу пирсоновских корреляций. ПА получены в следующих условиях регистрации: I) при обычных произвольных движениях, которые испытуемые совершали в моменты времени, выбранные по своему усмотрению; II) при счете таких действий; III) в начале формирующейся вероятностно-прогностической деятельности в ситуациях «частый успех»; IV) при стабилизированной деятельности в ситуациях «частый успех»; V) в начале формирующейся деятельности в ситуациях «редкий успех»; VI) при стабилизированной деятельности в ситуациях «редкий успех».

Мозговые потенциалы, регистрируемые после произвольного движения, включенного в вероятностно-прогностическую деятельность, условно названы *потенциалами сличения* (именно в эти периоды происходит сравнение, компарация ожидаемого и реально наступившего события (ПС регистрировались А.В. Васильевой в ходе совместных опытов). Избирательное суммирование биопотенциалов

осуществлялось на вычислительной машине «АТАС 501-20» (Япония) по 12 накоплениям отдельно для следующих четырех вариантов ситуаций опыта: 1) подтверждение прогноза появления вспышки; 2) неподтверждение прогноза появления вспышки; 3) подтверждение прогноза отсутствия вспышки; 4) неподтверждение прогноза отсутствия вспышки. Синхроимпульсом, запускающим суммацию биопотенциалов, служила фотовспышка длительностью 20 мс, которая включалась автоматически через 200 мс после момента нажатия на кнопку. Коэффициенты синхронизации вычисляли для всего анализируемого временного отрезка (480 мс), а также для трех временных периодов его развития, соответствующих 0–96, 96–312, 312–480 мс. Данные фазы были избраны исходя из представлений о гетерогенной структуре МВП [28, 133, 175].

Таким образом были получены следующие показатели-коэффициенты пространственной синхронизации: 1) целого ПС в ситуации 3; 2) первой фазы ПС в ситуации 3; 3) второй фазы ПС в ситуации 3; 4) третьей фазы ПС в ситуации 3; 5) целого ПС в ситуации 4; 6) первой фазы ПС в той же ситуации; 7) второй фазы ПС в той же ситуации; 8) третьей фазы ПС в той же ситуации; 9) целого ПС в ситуации 2; 10) первой фазы ПС в той же ситуации; 11) второй фазы ПС в той же ситуации; 12) третьей фазы ПС в той же ситуации; 13) целого ПС в ситуации 1; 14) первой фазы ПС в той же ситуации; 15) второй фазы ПС в той же ситуации; 16) третьей фазы ПС в той же ситуации; 17) ПА произвольных действий; 18) ПА счета движений; 19) ПА ситуации III; 20) ПА ситуации IV; 21) ПА ситуации V; 22) ПА ситуации VI (ситуации ПС обозначены арабскими, а ПА — римскими цифрами; пояснения даны в тексте).

С помощью корреляционного анализа вышеперечисленные параметры были сопоставлены со следующими показателями, характеризующими стратегию поведения испытуемых, формирующуюся по ходу снятия неопределенности в вероятностно-прогностической деятельности: 23) показатель разницы между реальной частотой появления вспышки и частотой выдвижения испытуемым прогноза о ее появлении, вычисленный как средняя разность между числом вспышек и количеством нажатий на правую кнопку для 40 проб-действий, реализуемых в период формирования стратегии поведения в ходе развития деятельности; 24) дисперсия показателя 23; 25) показатель, аналогичный показателю 23, но вычисленный для периода стабилизированной стратегии поведения; 26) дисперсия показателя 25. Сопоставление ПА и ПС проведено на материале обследования восьми испытуемых.

Графические изображения ПС, полученные для испытуемых Б.Б., Л.К. и А.С. (см. [12]), демонстрируют вариативность метрики потенциалов при интраиндивидуальной характерности их топологии. Так, сравнение рисунка потенциалов в двух несхожих вышеуказанных

ситуациях выявляет сходство ПС одного и того же человека и различие ПС разных испытуемых. В частности, присущее А.С. наложение фаз альфа-волн в периоды сличения, включенные в разные ситуации вероятностно-прогностической деятельности, отличает его потенциалы от суммированной биоэлектрической активности Б.Б., характеризующейся преобладанием сегментов медленной составляющей ПС.

Визуальный анализ ПС также свидетельствует об индивидуально-характерном изменении потенциалов в разных ситуациях деятельности. Так, у Б.Б. отмечается резкое увеличение ПС затылочной области в ситуациях неподтверждения прогноза редкого события. Соответствующий ПС по амплитуде в 1,8 раза превышает потенциал, выделенный в ситуациях подтверждения предсказания частого события. Наоборот, для Л.К. характерен более выраженный ПС затылка в первой из указанных ситуаций на фоне ярко выраженного ПС лба во второй ситуации.

Стоит более подробно остановиться на материалах обследования А.С. (забегая вперед, отметим, что эта испытуемая продемонстрировала стабильную тактику вероятностно-прогностической деятельности). Затылочный ПС этой испытуемой в ситуации неподтверждения редкого события был в 1,5 раза более выражен, чем ПС в ситуации 1. Вместе с тем в ситуации 1 у той же испытуемой выявлена яркая выраженность (в лобных отведениях) поздней фазы ПС, наблюдаемой с латентным периодом 368 мс. Этот комплекс особенностей ПС у этой испытуемой в актографическом анализе поведения соотносится с тактикой завышения частоты события, вероятность наступления которого в эксперименте заметно превышала вероятность альтернативного события.

Такая переоценка часто наступающего события уже неоднократно описана целым рядом авторов (см., например, [63, с. 204–208]) наряду со стратегиями следования и занижения реальной частоты событий. Подобные тактики наблюдались и в наших опытах.

Основательный анализ индивидуальных особенностей испытуемых в вероятностно-прогностической деятельности осуществлен в работе В.М. Русалова, где отмечены феномены индивидуальной устойчивости стратегий поведения в разных вероятностных средах [63, с. 223–225].

Проанализируем статистические связи (коэффициенты ранговой корреляции), выявленные между указанными количественными характеристиками стратегий вероятностно-прогностической деятельности и параметрами ПА и ПС. Данные о корреляциях четырех характеристик стратегий с 22 параметрами ПА и ПС описаны выше.

В стадии формирования стратегии поведения (в начале опыта) степень следования вероятности часто наступающего события (показатель № 23) оказалась тесно связанной ($\kappa = 0,911$; $\rho < 0,001$) с

коэффициентом синхронизации (№ 1) в период подтверждения прогноза о наступлении маловероятного события — отсутствия вспышки. В соответствии со смыслом полученных соотношений меньшая ориентация человека на выявление высоковероятного события оказывается связанной с большей выраженностью синхронизации разных областей в тот период, когда подтвердился прогноз о маловероятном событии. При этом в эксперименте имеет место прогнозируемый индивидом ход событий, подтверждающий предсказание редкого события.

Показатель № 25 оказался в обратной зависимости от синхронности ПС третьей фазы. Здесь менее выраженная ориентация на более частое событие среды в начале опыта (когда альтернативные события субъективно остаются еще равнозначными по вероятности, хотя уже начинает осознаваться относительная редкость отсутствия вспышки) связана с усилением синхронизации протекания процессов мозга в случае, если подтверждается предсказание маловероятного события. Соответствующий коэффициент корреляции (№ 23-8) равен $-0,673$ при $p < 0,05$.

Между рассматриваемой в данном контексте дисперсией характеристики № 23 и суммированными биоэлектрическими показателями разного рода произвольных движений выявлены четыре значимые корреляционные связи — указанная дисперсия соотносится с показателями № 4, 17, 18, 20. В соответствии с этими данными можно заключить, что более выраженная «максималистская» стратегия формирующейся вероятностно-прогностической деятельности соотносится: 1) с более синхронными нейрофизиологическими процессами второй фазы ПС в период подтверждения прогноза о появлении частого события, большей синхронизацией ПА в период прогнозирования этого же события, однако лишь в стадии стабилизированного образа действий; 2) меньшей синхронизацией в мозговых процессах третьей фазы ПС при подтверждении прогноза о наступлении маловероятного события, а также менее синхронными нейрофизиологическими процессами антиципации фона (по параметру ПА простых произвольных движений).

Так, частота «успеха» решения задачи, отражаясь в вариативности стратегии поведения, вместе с тем, сказывается на психофизиологических процессах антиципации и реализации моторных актов разных стадий сформированности стратегии.

Характеристика стратегии поведения в период ее стабилизации (№ 25) скоррелировала с показателями № 15 и 17. С последним из этих параметров выявлена статистическая связь на 1%-ном уровне значимости. Эти факты свидетельствуют о том, что большая последовательность «максималистской» стратегии при ее сформированности соотносится с более синхронными процессами антиципации

«фона» и с менее синхронными ПС второй фазы при подтверждении прогноза о появлении часто наступающего события.

Дисперсия данного показателя оказалась статистически связанной с индексами № 8 ($\kappa = 0,869$, $\rho < 0,01$) и № 12 ($\kappa = 0,738$, $\rho < 0,05$). Это означает, что, чем более вариативна «максималистская» стратегия испытуемого в конце эксперимента, где образ действий уже стабилизирован, тем более синхронны ПС третьей фазы при неподтверждении прогноза об отсутствии вспышки и третьей фазы ПС в ситуациях неподтверждения прогноза о появлении вспышки. Таким образом, характеристики дисперсии стабилизированной стратегии вероятностно-прогностической деятельности отражаются в поздних компонентах ПС, когда испытуемый уже информирован о неподтверждении своего первоначального прогноза (высоко- или низковероятного) о развитии событий будущего.

Кратко резюмируя эти результаты исследования, отметим, что индексы синхронного функционирования дистантно расположенных отделов мозга, зарегистрированные, с одной стороны, в периоды антиципации событий будущего и, с другой стороны, в периоды сравнения прогноза с реально наступившим событием, оказываются статистически связанными с характеристиками стратегии, избранной индивидом при «вероятностном обучении». При этом статистические зависимости показаны для процессов сравнения, а также антиципации, реализующей произвольные движения и действия в период стабилизированной стратегии поведения. Ситуации поиска стратегии не содержат таких связей.

Обсуждение полученных в п 4.4 данных о соотношении интегративных показателей совместного функционирования областей мозга на разных этапах деятельности с характеристиками стратегии поведения, очевидно, не может основываться на общности локальной или последовательной активности отдельных уровней нервной системы. Подобного рода комплексные объединения симптомов в структуре индивидуальности в современной науке наиболее полно реконструируются в логике эволюционно-системного понимания развивающихся взаимодействий человека с внешним миром [19, 74, 75]. При таком взгляде находит научное объяснение своеобразие реализующих произвольные действия психофизиологических механизмов, которые могут структурироваться при системообразующей роли генотипа. (В частности, известна высокая степень генотипической обусловленности потенциалов мозга, связанных с разнообразными произвольными движениями, в том числе включенными в вероятностное прогнозирование [47].)

Экспериментальные факты свидетельствуют, что включенность генотипических признаков в функциональные системы, объективирующиеся в процессах антиципации, определяется спецификой изучаемого момента развития деятельности, который может быть

определен, в частности, в системе координат, включающих стадию сформированности стратегии поведения и прогнозируемую субъектом вероятность «успеха» (совпадения прогноза и реальности) при решении поставленной задачи. Сочетание «крайних» полюсов упомянутой системы координат, если привлечь фактологию типологических исследований, знаменует собой выраженность конституциональных влияний на индивидуально-психологические особенности. Возможно, в эти периоды потенциальные одно-многозначные и много-многозначные связи между свойствами разных уровней индивидуальности уступают место актуально действующим детерминистическим зависимостям. Так, например, индивидуализированность контура регуляции монотонной деятельности (стабилизированная стратегия, высоковероятный «успех» решения задачи), а также экстремальных ее ситуаций (несформированный образ действий, маловероятный «успех» решения задачи), по данным ряда исследователей [15, 37, 60, 106, 143], структурируется (правда, существенно по-разному) под влиянием типологических особенностей индивида.

Отмеченные закономерности, по-видимому, обуславливают постоянное наличие в развивающейся индивидуальности непонятных здравому смыслу «сцеплений» и «слитий» разноуровневых ее свойств, осмыслить которые, как уже было сказано, принципиально невозможно с помощью привычного дедуктивного способа их анализа в контексте «мозаичных» функционально-структурных представлений о генетически обусловленных свойствах нервной системы с их многочисленными психологическими проявлениями, включающими ИСД. Познание законов «сцепления» разнообразных индивидуальных особенностей требует обращения к эволюционно-системным, структурно-динамическим взглядам на природу индивидуальности. В таком контексте мы можем выделить один из аспектов данного комплекса проблем, связанный с косвенной конкретизацией вопросов ИСД и имеющий давние традиции изучения и богатый противоречиями фактологический материал.

Известно, например, что специфика планирования деятельности и коррекции ошибок, очередность трудности и дробность выполняемых заданий, преимущественная опора при этом на словесно-логическую или образную информацию, предпочитаемый темп и стереотипность действий, распределяемость усилий при их реализации, характер отдыха так или иначе могут соотноситься с типологическими особенностями высшей нервной деятельности [3, 13–27, 29].

В данном контексте часто обсуждается вопрос: достигается ли такое сопряжение путем стихийного приспособления индивида к условиям деятельности или же оно требует обращения к научным знаниям консультанта-психолога, располагающего методическими приемами объективного исследования индивидуальности? В этой связи обычно высказываются прямо противоположные мнения.

С одной стороны, считается, что совершенствование психического развития личности с ее социальными по своей сущности детерминантами, сказываясь на уровне интеллекта, само по себе способствует нахождению адекватного природной основе стиля поведения. (При этом всегда остается неясным, каким образом только рефлексивным путем человеку удастся познавать и саморегулировать иерархизированные комплексы индивидуальных особенностей.)

Этому предположению противоречат факты, свидетельствующие, в частности, о распространенной на производстве неадекватности стилевых особенностей трудовых действий, сохраняющейся в течение десятилетий и препятствующей становлению профессионального мастерства [29]. Вместе с тем указанные воззрения находят подкрепление в наблюдениях естественного развития школьников, которые, несмотря на различия природных задатков, достигали равноценных социально значимых результатов благодаря различным приемам организации жизнедеятельности [68, 69].

С другой стороны, произвольное регулирование контура деятельности, по мнению некоторых исследователей, снижает или даже полностью исключает возможность протекания целенаправленной активности в соответствии с типологией человека. В таком контексте в научном обиходе стали возрождаться иллюзорные представления о фантомности конституциональных задатков индивидуальных различий в структуре функциональных органов, реализующих высокоинтегрированные высшие психические функции человека.

Если попытаться все многообразие проявлений индивидуальных стилей (будь то своеобразие действий по достижению целей или же характерные системы приемов организации жизнедеятельности и психических процессов, полезависимость — полenezависимость, преобладание в целенаправленной активности вспомогательных или главных действий, их дискретность или непрерывность, разнообразие или однородность и т.д.) представить в системе координат развивающейся деятельности, то нетрудно заметить, что стилевые переменные как бы «фокусируют» выраженность синдромов функциональных систем определенного качества.

Есть основания рассматривать устанавливаемый при этом активационный уровень как некую индивидуально варьирующую «зону комфорта», сопряженную с наличными типологическими особенностями человека. Так, например, описанный в литературе индивидуальный стиль, характеризующийся тщательной подготовкой и развернутостью во времени предшествующих исполнительным актам ориентировочных операций, при подробном мысленном плане будущих действий и их последствий и наличии постоянного контроля за текущими результатами — все в комплексе неминуемо повышает как вероятность успеха в прогнозируемой ситуации, так и уровень сформированности стратегии деятельности. Фиксируемый при этом

синдром признаков, по данным ряда работ [22, 29, 27, 28], отражает — со стороны природных задатков — высокий уровень активированности, сочетающийся с низкими абсолютными порогами (высокой чувствительностью) и малой функциональной выносливостью (слабостью) нервной системы.

По-видимому, «сопряженность» функциональных систем развивающегося поведения с индивидуально-типологическими факторами может сказываться таким образом, что индивидом предпочитается определенный тип активаций, которые исходя из прошлого опыта наиболее благоприятны для «режима работы» в данного рода взаимодействиях со средой. В наших экспериментах это взаимодействие характеризовалось относительной «выпуклостью» событий, познавательной мотивацией и т.д.

Вопрос о мере произвольности в выборе индивидом подобного, оптимально сопряженного с его индивидуальностью функционального «блока» деятельности на сегодняшний день еще не совсем ясен.

Однако если мы сможем познавать законы порождения системоспецифичных свойств инвариантных, надситуационных, характерных в своей топологии функциональных органов деятельности, классифицируя их в унифицированной системе координат целеполагания (одна из таких попыток рассмотрена в данном параграфе), то можно предвидеть реальные возможности опосредованного регулирования психофизиологических механизмов развития индивидуальности. Некоторые приемы такой регуляции, резко изменяющей с помощью психологических воздействий либо субъективную вероятность успешной реализации личностно значимой цели, либо уровень автоматизированности образа действий на пути к этой цели, уже описаны в целом ряде работ. В частности, в данном контексте действительны способы искусственного повышения интереса к высоко- или маловероятным событиям, введения какой-то сверхзадачи, внесения разнообразия в монотонную деятельность или, наоборот, облегчения заведомо трудных задач, поиска обходных путей их решения и т.д. (подобные приемы описаны, например, в школе К. Левина).

Если обратиться с данных позиций к материалам наших экспериментов, то можно заметить, что испытуемые, демонстрирующие, например, тактику следования за событиями среды, тем самым искусственно усложняют деятельность, трансформируя уровни ее реализации (поскольку при этом изменяется и частота «успеха», и возможность стабилизации стратегии). Иные смещения индивидуализированных интегративных «блоков» вероятностно-прогностической деятельности происходят в результате реализации стратегии превышения и занижения вероятности частого события среды. Здесь происходит заметное облегчение условий, в которых решаются поставленные задачи вероятностного прогнозирования.

Было бы преждевременным начинать развернутое обсуждение факта системной детерминации стратегий и — более широко — ИСД как постоянно действующих на практике закономерностей. Скорее, наоборот, индивидуализированности стилевых особенностей достигают (при спонтанном формировании личности) лишь люди высокого уровня умственного развития, хотя каждое отдельное действие человека, являющееся составной частью эволюционирующей системы индивидуальности, непрерывно подчиняется логике ее природы, которую, видимо, трудно понять рефлексивным путем.

Думается, что психофизиология развивающейся деятельности, которую можно моделировать и изучать в «непроизвольной» составляющей «произвольной» активности, как бы «вплавляя» в себя историю индивида и вида, вместе с тем, содержит комплексы характеристик, прогностичных относительно оптимальных путей формирования индивидуальности, в частности, с помощью направленной регуляции контура поведения со стороны ИСД.

В этой связи многообразии индивидуальных особенностей человека и их сочетаний не представляется синкретическим конгломератом случайных черт. Наоборот, отмечаемая инвариантность функциональных органов деятельности, как бы реконструируя в каждый отдельный момент объективно необходимую «логику природы», уже на стадии планирования событий будущего в функциональных тенденциях (сказывающихся, например, в эмоциональных «метках», эффектах и иллюзиях установки, в степени напряженности, в функциональных состояниях и т.д.) задает определенную направленность последующего развития, проявляющуюся, в частности, в стратегиях и в ИСД.

Конечно же систематизация многоаспектных проявлений стилей с помощью их соотнесения с индивидуализированными функциональными системами развивающегося поведения ведет к редукции первичного многообразия описаний данного феномена. Однако даже первичное обобщение эмпирических данных, как мы старались показать, может способствовать углублению понимания общих принципов возникновения, существования и трансформации индивидуальных стратегий и стилей деятельности.

Обсуждение полученных достаточно четких *результатов* вносит ценную информацию, раскрывающую системные закономерности организации синдромов индивидуальности.

Биоэлектрические корреляты психофизиологических процессов исследовались нами в ходе антиципации результата действий при вероятностном обучении. Частота предсказаний, варьируя индивидуально, по ходу эксперимента в целом приближалась к заданной частоте появления событий. Это свидетельствовало о том, что в данном эксперименте по мере развития деятельности у испытуемых, решающих сложную и специфическую задачу раскрытия статисти-

ческих свойств среды, формировалась особая функциональная система опережающего отражения действительности.

Среднегрупповые характеристики потенциалов антиципации оказались различными на разных стадиях сформированности стратегии поведения. Исходя из этого можно предполагать, что разным стадиям развития деятельности при различных условиях реализации действий по достижению заранее прогнозируемого человеком личностно значимого результата соответствовали особые паттерны психофизиологических свойств антиципации.

Анализ экспериментальных данных позволяет выделить существование синдромов антиципации, соотносимых с конкретными условиями решения поставленной задачи. Можно думать, что мозговые функциональные системы, репрезентированные в ПА, всегда содержат характеристики, эквивалентные разным параметрам будущего результата.

Обсуждение полученных результатов мы до сих пор вели в контексте задач, требований, которые предъявлялись испытуемому в инструкции. С этих позиций «вероятностное обучение» как конкретная деятельность обычно представляется как решение задачи по снятию неопределенности прогноза в ходе сенсомоторного реагирования с помощью отражения человеком статистических свойств сигналов.

Данная экспериментальная ситуация может быть рассмотрена в более широком научном контексте, например в структуре моделирования специфических аспектов взаимодействия субъекта с объективно существующими пространственно-временными отношениями между объектами внешнего мира. Заметим, однако, что человек как объект исследования, выполняя даже простейшее задание, имеет дело не только со стимульно-реактивной реальностью, опосредованной сколь угодно сложными переменными, а устанавливает в внешней средой в активном поведении взаимосвязи типа кумулятивных (по Б.Ф. Ломову [45]), где единицей отсчета являются такие сверхинтегративные феномены, как образ мира, регулирующий и направляющий мир образов, как акты, понимаемые в контексте поступка индивида, относящегося не только к психике и деятельности, но и к биографии человека [44].

Другими словами, процессы антиципации, реализуя ориентировку человека в плане образа, вместе с тем, выполняют в активном поведении своеобразную интегрирующую функцию, заключающуюся в индивидуально-своеобразном синтезе прошлого, настоящего и будущего. Важность этой функции во многом определяется взаимодействием разных уровней индивидуальности получению значимого для человека результата в ходе решения поставленных субъектом задач. Данный процесс находит отражение в гетерогении синдромов антиципации, которые реализуют целеполагание человека по мере

достижения промежуточных результатов действий, смысл которых наиболее полно раскрывается в структуре целостного поведения и, в частности, проявляется в важнейшем векторе деятельности «Мотив—Цель» [19, 45].

Однако анализ конкретных и неизбежно ограниченных материалов сталкивается с рядом трудностей. Так, при очевидной связи категорий «задача» и «цель» (А.Н. Леонтьев обычно представлял задачу как цель, данную в определенных условиях) в современной науке еще до конца не выяснен их интегративный механизм. В этой связи Б.Ф. Ломов и Е.Н. Сурков отмечают, что надо различать «цель» как глубоко личностное образование и «задачу», «требование». Перед человеком, по мнению этих авторов, вряд ли можно поставить цель в строгом смысле слова, поскольку она формируется субъектом самостоятельно на основе всей его предшествующей жизни, деятельности, общения, в процессе развития личностной мотивации под влиянием общественных требований, норм морали, ценностных ориентаций [44].

Наряду с выделенными выше положениями, авторы подчеркивают также и тот факт, что в деятельности человека невозможно найти такие ситуации, в которых бы личность не играла существенной роли. В данном контексте любые действия активного здорового индивида, в том числе и в лабораторном эксперименте, можно рассматривать как целенаправленные, обладающие личностным смыслом.

В конкретных ситуациях индикатором личностного смысла являются уже упоминавшиеся так называемые эмоциональные метки событий [41]. Они сказываются, в частности, в степени заинтересованного отношения к опыту, в феноменах возврата к ситуациям эксперимента, изученным в школе Курта Левина.

Относительно проведенного нами исследования наши наблюдения показывают, что деятельность испытуемого в ситуациях «вероятностного обучения» особым образом мотивирована, вызывает повышенный интерес и часто выступает как средство самопознания. О субъективной значимости проведенного нами эксперимента свидетельствуют также и «возвраты к опыту», которые фиксировались в последующих наблюдениях. Реплики, догадки, гипотезы испытуемых, высказанные после опытов, указывают на целенаправленный характер отражения субъектом условий данного эксперимента и на осознанный выбор стратегий деятельности. При этом антиципация выступает как стабилизирующее и организующее звено, которое, как можно предположить, предвосхищает выбор цели человеком. Сказанное подтверждает тот факт, что деятельность испытуемых в наших опытах осуществлялась на различных уровнях общения: можно выделить общение с экспериментатором при объяснении задач исследования, опосредованное общение в ходе эксперимента, общение

после опыта. Общение же, по современным теориям, придает даже рутинным действиям характер целенаправленной деятельности [45].

Вероятностно-прогностическую деятельность можно рассматривать и как мышление вероятностями, т.е. в плане анализа высших психических функций личности с их творческим характером, с их детерминацией со стороны познавательной потребности человека. Однако исследование конкретной специфики целеобразования не было объектом нашего исследования, в поставленном психофизиологическом эксперименте пока еще трудно отделить требования решаемой задачи от «искомого», которое А.В. Брушлинский включает в состав цели [30, 31]. В нашей же работе важно зафиксировать сам факт формирования цели в ходе развития вероятностно-прогностической деятельности, а также соотнести материалы исследования с процессуальным аспектом целеобразования личности.

При таком ракурсе объекта исследования изучаемые здесь индивидуально-типологические механизмы опережающего отражения должны быть проанализированы и в контексте целеобразования. Ведь цель как причина поведенческого акта в современной психологии часто исследуется через образ или модель будущего результата [9, 74]. А поскольку цель существует до действия, то в нейрофизиологическом выражении она соотносится с определенной нейрональной активностью и, в частности, с ее макроуровнем, отражающемся в процессах антиципации. Следовательно, раскрытие закономерностей организации процессов антиципации, фиксируемых в ходе становления и развития вероятностно-прогностической деятельности, важно для познания закона о единстве индивида и личности с помощью типологического анализа психофизиологической «канвы» деятельности.

Анализируя с этих позиций представленный материал, следовало бы отметить следующее. Изучение психофизиологических характеристик процессов активного отражения человеком будущих событий в ходе решения конкретной задачи, связанной с раскрытием статистических свойств среды, позволяет выделить особую функциональную систему антиципации. Ее гетерогенность отражает историю развития человека, фиксируя его прошлое, настоящее и будущее. Включение в факторы антиципации параметров свойств нервной системы (силы и лабильности) порождено, как можно предполагать, присущим человеку качеством обобщать своеобычным для себя способом репрезентации, относящиеся к операциональной стороне деятельности. Подобного рода обобщенные синдромы индивидуальности, по-видимому, зависят от ситуации субъектно-объектного взаимодействия (в наших экспериментах — от стадии формирования стратегии поведения в сочетании с субъективной вероятностью «успеха» в прогнозируемых обстоятельствах).

Наряду с этим, в антиципации выделяются и такие механизмы, которые реализуют то или иное предсказание будущих событий за счет «гибких» звеньев функциональных систем, формирующихся для достижения конкретного и ситуативно меняющегося результата действий. Следует отметить, что особенности задач и способов их выполнения, инструкции и самоинструкции испытуемых, мотивы и установки личности могут изменять закономерности протекания психофизиологических механизмов деятельности.

Как показало представленное психофизиологическое исследование, индивидуальные особенности антиципации содержат как природные, конституциональные, генотипические характеристики, так и параметры, изменяющиеся под влиянием развивающейся и формирующейся деятельности. Развивая логику намеченного обсуждения, можно было бы включить в подобные регуляторные детерминанты иерархию мотивов и потребностей человека, а в более широком контексте — образование, воспитание, обучение, а также обобщенные установки и направленность личности.

Высказанное предположение созвучно с мыслью Б.Г. Ананьева, полагавшего, что единичный человек как индивидуальность может быть понят лишь как единство и взаимосвязь его свойств как личности и субъекта деятельности, в структуре которых функционируют природные свойства человека как индивида [5, с. 178]. Именно в таком контексте наиболее полно осмысляются полученные в данном исследовании материалы, свидетельствующие о постоянном наличии в факторах антиципации природных генотипических признаков, которые, однако, по-разному включаются в синдромы антиципации в зависимости от ситуации субъектно-объектного взаимодействия. Можно предполагать, что антиципация составляет тот важный механизм, который обеспечивает взаимодействие свойств индивида и личности достижению результата и реализации целей действий.

4.5. Типологические предикторы формирования толерантности в современной России

Предлагаемый параграф учебника содержит теоретико-эмпирические факты о континуальном пространстве типологической сферы «Толерантность — Структура целостной индивидуальности». Выделенные в лонгитуде методом «срезов» статистические связи анализируются с позиций системных исследований целостной индивидуальности в составе динамики внутренних условий взаимодействия субъекта с миром. Результаты эксперимента интерпретируются как следствие системного влияния гармоничности структуры целостной индивидуальности на эмоциональные «метки» событий жизнедеятельности и на выраженность толерантности личности.

Результаты лонгитюда опосредствования структурой целостной индивидуальности своеобразия толерантности личности в ее социальной динамике остроактуальны в плане познания законов непрерывности типологических свойств, факторов, синдромов, сфер, пространств. Получаемые факты позволяют впервые анализировать своеобразное отражение психогенетики психологического портрета целостной индивидуальности в толерантности как задатки (предикторы) своеобразия акцентуаций социальной личности.

Исследование инициировано тенденциями развития отечественной типологической школы Б.М. Теплова — В.Д. Небылицына [18, 20, 27]. Пилотажные исследования играют здесь инновационную роль при выборе пути, позволяющего рассматривать исторически инвариантные и кардинально модифицированные идеи направления не только как серию утрат, но и как серию приобретений (именно это качество подчеркнуто М.Г. Ярошевским как индикатор прогресса познания [78, с. 6]).

Данное исследование имеет в качестве теоретической сверхзадачи развитие субъектно-деятельностной парадигмы современной дифференциальной психологии, психоакмеологии и психогенетики.

Несколько слов к постановке проблемы исследования

Если обратиться к истории эволюции категориального аппарата типологических исследований, то несомненно, что имплицитный их этап был связан с поиском ортогональных свойств нервной системы и их несистематизируемых психологических проявлений, интерпретируемых в дихотомиях «биологическое—социальное», «генетическое—средовое», «природное—общественное» [27].

Эксплицитный этап формирования собственно дифференциальной психофизиологии открыл системные исследования индивидуальности как новый объект типологического познания. Индивидуально стабильные, конституциональные, природные генотипические свойства индивида стали фиксировать в типологических факторах развивающейся деятельности с акцентом на формально-динамической ее составляющей. Был валидизирован квазиэксперимент ОСЦИ, основанный не на статистических выкладках, а на фундаментальной теории.

Оказалось, что ситуации жизнедеятельности, в которых стабилизировано ее развитие (в частности, стрессогенные, монотоноподобные, поиска и стабилизации стратегии поведения), характеризуются такими типологическими факторами (синдромами), в которых системообразующую роль играют фундаментальные свойства индивида, воздействуя через эмоциональные «метки» событий на сколь угодно важные индивидуальные особенности психики [3, 9].

Таким образом, типологический анализ уже мог осуществляться по эмоциональным индикаторам данных периодов, которые из-за

их повторяемости в реальной жизни сам человек четко фиксирует в самонаблюдении. Например, ситуации монотонии (работа на конвейере, вязание, повторение автоматизированных навыков, восприятие скучной лекции и т.д.) вызывают у разных людей разные эмоции в континууме «Эмоциональная комфортность — Эмоциональная неприемлемость». Известные работы группы В.И. Рождественской ранее показали, что соответствующие монотоноподобные ситуации характеризуются мощным влиянием на результативность и эмоциональное приятие возникших функциональных состояний со стороны высокогенетичного свойства силы — чувствительности — активированности нервной системы. Таких «звучащих» ситуаций мы отобрали 120, валидизировав методику ОСЦИ по стандартам типологической школы дифференциальной психофизиологии [3, 9]. (Неоднократно доказано, что «сопряженность», гармоничность сочетания разноуровневых свойств индивидуальности в типологических факторах деятельности — в экологических «нишах» целостной индивидуальности рационально оценивать по «жизненным показателям» эмоций, а отдельные свойства нервной системы по поведенческим признакам фиксировать запрещается.)

Многочисленные исследования использовали указанную психотехнологию в комплексе с ее психофизиологической валидизацией для эмпирических исследований в практике — в решении проблем действия радиации на человека после аварии на ЧАЭС, при выделении предикторов психосоматики при ИБС, формировании переделки навыка, выраженности профессионального «выгорания» (подробно см.: [7, 9]).

В контексте данного направления типологического познания проблемы типологических опосредствований формирования толерантности в современной России не могли быть поставлены «вчера» — в эпоху идеологического прессинга на человекознание. По замечанию М.Г. Ярошевского, политики и физиолога диктовали советскому психологу, что изучать, какими методами изучать и к какому выводу приходить [78, с. 3].

Под давлением фактов рушатся иллюзорные представления о широких возможностях манипулирования психикой с ее индивидуальными различиями. Не оправдывают себя стереотипы околонучных мнений об исключительно социальной детерминации психических функций, состояний и свойств, об отсутствии каких-либо задатков деятельности. Закономерности современной психологии, наоборот, фиксируют в онтогенезе прогрессивное влияние психогенетики даже на казалось бы явно социальные функции — такие, например, как общение. Так, работами Д.С. Корниенко методом близнецов показано, что общение в подростковом возрасте испытывает мощное воздействие средовых факторов на дисперсию соответствующих признаков, а юношеский возраст, наоборот, характеризуется генетичес-

кой детерминацией данной сферы индивидуальных различий [обзор — 27].

Проработка проблем исследования в современной науке немалыми без обращения к феномену индивидуальности, толерантности, имиджа акмеологического статуса зрелой личности, психологии высших достижений личности. Данный круг феноменов прочно вошел наиболее актуальные проблемы науки и практики современного человекознания.

Толерантность человека в последние годы традиционно изучается, в основном, со стороны ее содержательного компонента (известные работы А.Г. Асмолова, Т.П. Скрипкиной и др.). Типологические же детерминанты, акцентирующие в первую очередь формально-динамическую сторону этикетов поведения личности, рассматриваются в прямой постановке теоретико-экспериментального исследования впервые.

Термин «толерантность» происходит от латинского *tolerantis*, что означает «терпение», «выносливость». Спектр значений данного понятия, встречающийся в Психологическом словаре: толерантность — это приобретенная устойчивость, этническая устойчивость, устойчивость к стрессу, к конфликту, к поведенческим отклонениям, к неопределенности. Индивидуализированность выраженности этого свойства в структуре целостной индивидуальности, по-видимому, может фиксировать как гармоничные связи симптомов, так и дисгармоничные соотношения индивидуальных свойств, что ведет к нежелательным последствиям для жизнедеятельности, отражаясь в «поломках» психосоматики и в деформациях и деструкциях психического развития.

Проводимое исследование, представленное в п. 4.5, ведется в дифференциальной психологии в плане валидации концепции целостной индивидуальности [16, 27]. Конкретно-операционально оно посвящено выявлению соотношения ее характеристик (возможно — в составе предикторов очевидного своеобразия континуальности сферы «Индивидуальность—Толерантность личности) с выраженностью терпимости человека к миру, не сходному с его «квантами» личностного пространства. Гипотетически можно предположить, что характеристики данной сферы соотносятся и что дисгармоничные соотношения в данной сфере являются стрессогенным фактором в составе социопсихологических механизмов формирования внутренних условий субъекта психической деятельности.

Методики эмпирического исследования

Эмпирическое исследование включало в себя сбор материалов по следующим методикам: с одной стороны, методике оценок структуры целостной индивидуальности (ОСЦИ), дающей своеобразное

отображение психогенетики в психоакмеологии психологического портрета и, с другой стороны, методике субъективного шкалирования степени эмоционального предпочтения референтных ситуаций современной общественной жизни, четко отражающих степень толерантности человека.

Методика ОСЦИ выявила в дифференциальной психофизиологии и дифференциальной акмеологии высокую степень валидности и надежности [21, 22, 24]. ОСЦИ фиксирует 120 симптомов и 7 шкал. Собраны материалы для двух «срезов» сопоставляемых вариантов — 1994 и 2011 гг.

Для субъективного шкалирования нами отобраны типичные для социальной ситуации тех времен утверждения, которые значимы в общественном мнении в аспекте проявления толерантности. Конкретное содержание вопросов приведено при изложении результатов корреляционного анализа, проведенного методом ранговых корреляций Спирмена для двустороннего и одностороннего коэффициентов.

В эмпирическом обследовании 1994 г. приняли участие 126 испытуемых — 54 женщины и 72 мужчины в возрасте 21–35 лет. Сложность их жизненной ситуации усиливалась трудностями социальной обстановки в стране, а также депривацией профессиональной активности.

Обследование 2011 г. включило 47 испытуемых — 27 женщин и 20 мужчин в возрасте 19–22 лет — студентов психологического факультета одного из вузов.

Статистическая обработка результатов содержала корреляционный и факторный анализ выделенных индивидуальных характеристик. Представленная работа анализирует ранговые корреляции по Спирмену, не требующие нормального распределения первичных вариантов.

Результаты исследования

По результатам обследования лиц в 1994 г. зафиксированы многочисленные статистически достоверные связи ($0,05 < p < 0,001$). Приведем некоторые корреляции, стандартные для континуальности изученных «срезов» свойств сферы «Индивидуальность—Толерантность». (Вопросы соответствуют определенной жизненной ситуации, специфической для данного социума, где ярко отражена манифестация выраженности толерантности, полученная при субъективном ранжировании.) Типичные примеры корреляций:

Вопрос № 10. Надо запретить работать пенсионерам — рабочих мест и так не хватает!

Получена отрицательная корреляция тестового мнения со шкалой 4 (по ОСЦИ) с импульсивностью. Менее импульсивные люди склонны настаивать на том, чтобы запретить работать пенсионерам. В сво-

ей трудной ситуации они обвиняют работающих пенсионеров, считая, что из-за них не могут найти себе достойную работу. По-видимому, это связано с определенной ригидностью мышления.

Вопрос № 12. Мне трудно найти общий язык с партнерами иного интеллектуального уровня, чем мой.

Знак корреляций со шкалами ОСЦИ — отрицательный. Отмечена статистическая связь количественных параметров данного вопроса и следующих шкал ОСЦИ:

- шкала 1 (интегральный индекс индивидуальности);
- шкала 4 (импульсивность);
- шкала 6 (функциональная выносливость к общению).

Интерпретация связей: люди, которые с трудом находят общий язык с партнерами иного интеллектуального уровня, менее выносливы к общению, менее импульсивны и имеют меньшие значения интегрального индекса целостной индивидуальности.

Вопрос № 14. Меня раздражают любители поговорить.

Выделена корреляция этого симптома толерантности и нижеприведенных шкал ОСЦИ:

- шкала 1 (интегральный индекс индивидуальности);
- шкала 6 (функциональная выносливость к общению).

Интерпретация данных зависимостей аналогична той, которая дана в предыдущем вопросе. Очевидно, лица, которых раздражают «любители поговорить», менее выносливы к общению. У них также меньший интегральный индекс целостной индивидуальности (т.е., целостная индивидуальность здесь дисгармонична). Выявленный комплекс статистических связей четко диагностирует высокоактивированный высокочувствительный тип целостной индивидуальности, присущий интолерантной личности 1994 г. при депривации профессиональной активности.

Таким образом, уже в первом «срезе» лонгитюда налицо было существование ранее не изученного аспекта толерантности, зависящего от симптомов целостной индивидуальности. При этом в ситуации безработицы 1990-х гг. в интегративном индексе целостной индивидуальности четко фиксировалась ее дисгармоничность как — надо думать — предиктор высокой выраженности интолерантности личности.

Кардинальным образом изменились результаты обследования в 2011 г. Здесь в континуальности сферы «Структура целостной индивидуальности — Толерантность личности» также зафиксирован комплекс соотношений, имеющих одинаковую интерпретацию.

Например, рассмотрим синдром *вопроса №1: «Гастарбайтеры занимают рабочие места, поэтому в России растет безработица».*

Параметры субъективного ранжирования эмоциональной оценки этого мнения скоррелировали с симптомами 27 и 32 ОСЦИ. Отмечена статистическая связь количественных параметров вопроса № 1 и следующих симптомов ОСЦИ.

- Прием спиртного возбуждает меня, после я долго не могу успокоиться ($\kappa = -0,332$, $\rho < 0,05$).
- Все изменения и добавления я обычно делаю во время проверки работы ($\kappa = -366$, $\rho < 0,05$).

Интерпретация этих признаков указывает на свойство высокой функциональной выносливости (низкой чувствительности, активированности) индивида как возможного предиктора высокой интолерантности современного молодого россиянина.

Вопрос № 2. Протестные митинги нужно запретить, потому что они расшатывают устой государства.

Выделена корреляция этого симптома толерантности и нижеприведенных признаков ОСЦИ.

- Задание написать на доске длинную фразу, внимательно следя за каллиграфией, было бы мне неприятно ($\kappa = 0,301^*$, $\rho < 0,005$).
- Я всегда беру билет в общественном транспорте ($\kappa = -0,502^{***}$, $\rho < 0,0005$).
- Я чувствовал бы себя несчастным человеком, если бы на длительное время был лишен общения с людьми ($\kappa = -0,31^*$, $\rho < 0,05$).

Интерпретация данных зависимостей показывает, что высокоактивированный, высокочувствительный, функционально неустойчивый тип целостной индивидуальности с желанием подстраиваться под социальные стереотипы, имеющий низкую функциональную выносливость к общению, сегодня имеет большую вероятность фиксации интолерантности.

Таким образом, были выявлены массивные корреляции признаков толерантности с симптомами целостной индивидуальности. Неожиданным оказался тот факт, что наиболее массивные соотношения толерантности выявлены в показателях интегративного индекса целостной индивидуальности, т.е. проявляются в сфере ее гармоничности.

Обсуждение полученных результатов традиционно начинается с анализа полученных матриц интеркорреляций, который четко показал, что разноуровневые свойства индивидуальности (симптомы и шкалы) соотносятся с признаками толерантности, выделяя ее гетерогенность, подчеркивая социальную специфику содержательной стороны, но фиксируя тождественность ее формально-динамического компонента (в пределах текущей ситуации развития общества!).

Получаемые факты важны в контексте проводимой в России на государственном уровне социопсихологической поддержки развития человека. В комплексе типологических исследований к сегодняшнему дню доказательно выявлено, что дифференциально-психологические причины могут лежать в основе деструктивных явлений в жизни человека и общества, угрожать их безопасности. К ним относят: интолерантность; враждебность; агрессивность личности; эколого-психическое «выгорание» профессионала; потерю смысла

жизни; зависимость от наркотиков, игр, алкоголя, компьютера; все возрастающую смертность от болезней цивилизации при психосоматике (ИБС, рака, язвы желудка и т.д.); низкую продолжительность жизни; возрастание деструкций и деформаций личности.

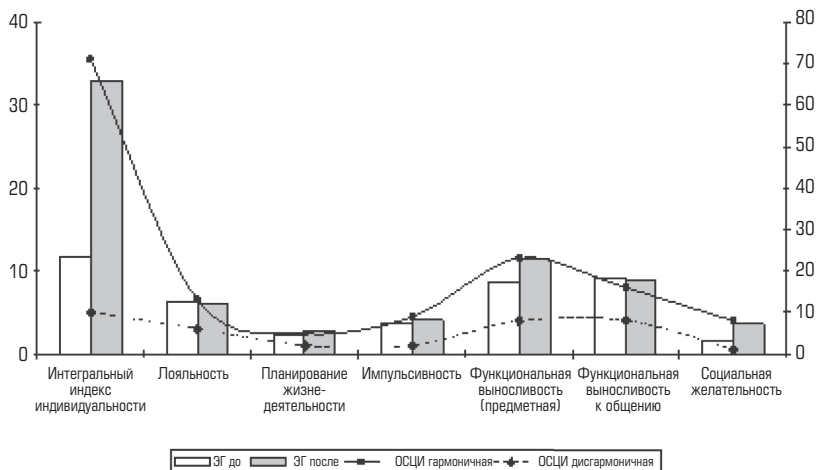
Есть веские причины считать, что в основе перечисленных проблем лежит дисгармония индивидуальности, которая всегда целостна. Эти же причины, как показывают результаты проведенного лонгитюда, могут рассматриваться в качестве предикторов интолерантности личности. Относительно каузальности выделяемых связей: конечно же стремление подразумевать детерминистические влияния социабельной толерантности на макропсихогенетику личности — это не что иное, как современная лысенковщина. Скорее уж дальнейшие конкретные исследования континуальности рассматриваемой типологической сферы дадут подкрепление мысли об интегративности структуры целостной индивидуальности как предикторе толерантности социальной психологии личности.

Социальный ущерб от синдрома деструкции индивидуальности огромен: распадаются семьи; растет преступность; сокращается продолжительность жизни, снижается интеллектуальный уровень общества. Можно ли жить (вернее, существовать), сохраняя дисгармоничную структуру целостной индивидуальности? Безусловно — да. Но каково качество такой жизни? Наступают личностные изменения — деградация и распад способностей, одаренности, таланта.

Данные обстоятельства ставят острые проблемы психологии безопасности, когда именно индивидуальность должна стать объектом и субъектом социальной защиты. Психология безопасности — одно из инновационных направлений науки, которое поддерживается Президентом РФ. Первые результаты исследований в сфере психологической безопасности индивидуальности [6, 9] могут дополнять концепцию национальной безопасности, доказательно подчеркивая роль гармоничности внутренних условий субъекта психической деятельности в создании безопасности индивидуальности.

Инновационная технология, основанная на экологической психологии целостной индивидуальности и реализуемая в практике, должна в плане проведения психодиагностики прежде всего рассмотреть особенности «зоны ближайшего развития» (такая ориентация соответствующих методов позволяет в центре внимания психолога иметь оценку тех новообразований личности, которые на момент обследования еще не фиксируются, но могут быть сформированы во взаимодействии человека с социумом (в частности, с психологом, членами семьи, общественными институтами). В направлении уже имеется позитивный опыт оптимизации жизнедеятельности работы с развивающейся личностью как целостной индивидуальностью [70], позволяющий в социально-психологическом консультировании формировать здоровьесберегающий стиль индивидуальной деятель-

ности при развитии способностей студентов вуза (рис. 4.1). Фоновая психодиагностика показала наличие у студентов ОСЦИ шкал по дисгармоничному типу.

Рис. 4.1. График-гистограмма шкал ОСЦИ в экспериментальной группе до и после проведения эксперимента по гармонично-дисгармоничному типу

Эффективность индивидуализированного акмеологического воздействия отражена на графике-гистограмме. Наглядно показано, что шкалы структуры целостной индивидуальности у участников экспериментальной группы после акмеологических тренингов повторяют очертания ОСЦИ шкал по гармоничному типу. Особо выраженное влияние выделено в интегральном индексе целостной индивидуальности, являющемся индикатором гармоничности ее структуры.

Социально-психологическое консультирование стало для студентов средством выработки способов разрешения ситуаций затруднения с помощью психотехнологий, направленных на рефлекссию затруднений в учебно-профессиональной деятельности. При этом наиболее динамичные изменения происходят в группах самоактуализирующихся студентов, переживших кризисное состояние. Полученные результаты дают основания говорить об эффективности использования в практике дифференциально-акмеологических технологий социально-психологического консультирования развивающейся личности как целостной индивидуальности.

Материалы эмпирической части данного исследования выявили неожиданные факты, позволяющие рассматривать гармоничность структуры целостной индивидуальности как предиктор фиксации толерантности в «срезе» 1994 г. Толерантность же современной личности

2011 г. — по данным проведенного обследования — имеет в качестве типологического фактора тип целостной индивидуальности.

Изложенные факты пилотажного исследования *n*-мерного пространства динамики типологической сферы как предиктора своеобразия и выраженности толерантности, возможно, в недалеком будущем позволят иметь дело с научным открытием. Судьба будущих ключевых идей определится добыванием результатов, которые, «открывая человеческому уму дотоле ему неведомое, подчеркивают в картине мира новые штрихи» [78, с. 369]. Продолжая приведенную выше логику рассуждений М.Г. Ярошевского, подчеркнем, что пополнение теоретических и эмпирических фактов вокруг континуальности типологического пространства внутренних условий субъекта поведения (с его мощными эколого-эмоциональными включениями) неминуемо приведет к прорыву науки от «горизонтали» деятельности к «вертикали» пространства индивидуализированной личности.

Накапливаемые данные не могут объясняться житейскими истинами, давно известными обывателю: через этапы, закономерности и среду протекания соответствующих психических процессов, состояний и свойств. Традиционные нравоучения не приближают нас даже к пониманию природы толерантности, подтверждая давно известные стереотипные представления об отражении в данной сфере творческой работы, инициативы мыслителей, оригинальности идей, веры в силы социума, что способствует практическому их воплощению.

Укрепляются тенденции к дихотомическому разделению соответствующих явлений психики. Здесь стимуло-реактивная парадигма в который уже раз создает «дурное множество» несистематизируемых отдельных характеристик.

Выход из тупиковых позиций комплексного научного познания природных факторов толерантности предполагает системный подход не только к накоплению новых эмпирических фактов, но и к новым принципам и методам исследовательской работы. Среди понятий, наиболее концентрированно выражающих этот процесс, исключительное место принадлежит таким, как «система», «структура», «интегративность», «целостность» (Садовский, Кузьмин, Ломов). Такая направленность прежде всего связана со способами понимания или, можно сказать, «видения» интегративных характеристик объектов.

4.6. Психологические защиты личности и тип целостной индивидуальности

Представленные в п. 4.6 теоретические и эмпирические факты включены в лонгитюдное изучение законов опосредствования структуры целостной индивидуальности определенным паттерном психологических защит, состав которых динамично изменяется по мере становления психолога как профессионала [26, 28].

Материалы эмпирической части исследования выявили неожиданные факты, позволяющие рассматривать гармоничность структуры целостной индивидуальности как предиктор акмеологического статуса зрелой личности при фиксации определенных психологических защит. В данном параграфе анализируются материалы о соотношении типа целостной индивидуальности и характера включенных в жизнедеятельность психологических защит.

Данное исследование имеет в качестве теоретической сверхзадачи анализ реализации конструктивного принципа рассмотрения компенсаторных отношений в синдромах типологических свойств в закономерностях фиксации акмеологически важных психологических защит зрелой личности. Такая новая для психоакмеологии директория проблем не может не включать план экологической безопасности личности и индивидуальности.

Психологическая поддержка личности занимает одно из ведущих мест среди актуальных проблем современной жизни. Психология безопасности — одно из инновационных направлений науки, которое поддерживается Президентом РФ.

Психологическая поддержка и защита человека в трудных ситуациях деятельности предполагает наличие инструмента для предотвращения ситуаций, вызванных различными экстремальными факторами.

Термин «защита», как считают современные аналитические психоаналитики, во многих отношениях неудачен. То, что у зрелой личности называется «защитами», представляет собой глобальные, закономерные, здоровые, адаптивные способы переживания мира, которые носят компенсаторный характер и продолжают действовать на протяжении всей жизни. В тех случаях, когда их действие направлено на защиту индивидуальности (или, как говорят, на защиту собственного «Я» от какой-либо угрозы), их можно рассматривать именно как «защиты» и эта функция вполне оправдана, поскольку, как можно предполагать, предохраняет индивидуальность от дисгармонии.

Личность, чье поведение манифестирует защитный характер, бессознательно стремится выполнить одну или обе из следующих задач: 1) избежать или овладеть неким мощным угрожающим чувством — тревогой, иногда сильнейшим горем или другими дезорганизующими эмоциональными переживаниями; 2) сохранять самоуважение. В этой связи выделяют функцию защит как средство преодоления тревоги. Теоретики объектных отношений, обращая внимание на привязанность и сепарацию, ввели представление о том, что защиты действуют и против горя. «Сэлф»-психологи выделили роль защит в психических усилиях, служащих поддержанию сильного, непротиворечивого, позитивного чувства собственного «Я».

Психоаналитики полагают, что каждый человек предпочитает определенные защиты, которые становятся неотъемлемой частью его

индивидуального стиля в ходе борьбы с трудностями. Это предпочтительное автоматическое использование определенной защиты или набора защит является результатом сложного взаимодействия по меньшей мере четырех факторов: 1) врожденного темперамента; 2) природы стрессов, пережитых в раннем детстве; 3) защит, образцами для которых (а иногда и сознательными учителями) были родители или другие значимые фигуры; 4) усвоенных опытным путем последствий использования отдельных защит (на языке теории обучения — эффект подкрепления). На языке психодинамики бессознательный выбор индивидом излюбленных способов преодоления затруднений «сверхдетерминирован», что отражает кардинальный аналитический принцип «множественной функции» (Waelder R., 1960 — [26]).

Рассмотрим основные защиты так, как сегодня они понимаются большинством практикующих психоаналитиков. Хотя и не существует доказательств того, что защиты появляются одна за другой в определенной строгой последовательности по мере развития ребенка, среди большинства психодинамически ориентированных клиницистов сформировано мнение о том, что некоторые из них представляют собой более «примитивный» процесс, чем другие. Как правило, к защитам, рассматриваемым как первичные, незрелые, примитивные, или защиты «низшего порядка» (Laughlin, 1970), относятся те, что имеют дело с границей между собственным «Я» и внешним миром. Защиты, причисляемые ко вторичным, более зрелым, более развитым, или к защитам «высшего порядка», «работают» с внутренними границами — между Эго, Супер-Эго и Ид или между наблюдающей и переживающей частями Эго.

Примитивные защиты действуют общим, недифференцированным образом во всем сенсорном пространстве индивида, вовлекая одновременно когнитивные, аффективные и поведенческие параметры, в то время как более развитые защиты осуществляют определенные трансформации чего-то одного — мыслей, чувств, ощущений, поведения или некоторой их комбинации. Концептуальное разделение более архаичных и более высокоорганизованных защит несколько произвольно, поскольку некоторые теоретически более зрелые защиты: соматизация, отреагирование, эротизация — могут действовать автоматически и недоступны модификации вторичными мыслительными процессами.

Кернберг привлек внимание к действию архаических форм проекции и интроекции у пограничных пациентов, и в психоаналитической литературе стало общепринятым определять следующие защиты как «примитивные»: изоляцию, отрицание, всемогущественный контроль, примитивную идеализацию и обесценивание, проективную и интроективную идентификацию, расщепление Эго.

Чтобы быть классифицированной как примитивная, защита должна обнаружить наличие в себе двух качеств, связанных с довербальной стадией развития: она должна иметь недостаточную связь с принципом реальности и недостаточный учет отделенности и константности объектов, находящихся вне собственного «Я». Например, отрицание считается манифестацией более примитивного процесса, чем вытеснение. Чтобы что-то вытеснилось, оно сначала должно быть познано каким-либо путем, а затем уже переведено в бессознательное. Отрицание — это мгновенный, внерациональный процесс. «Это не случилось» — более магический способ обращения с чем-либо неприятным, чем «это случилось, но я забуду об этом, потому что это слишком болезненно».

Преломляя вышеизложенное в ключе теории целостной индивидуальности, констатируем, что развиваемые представления основываются на том факте, что любой отдельный феномен индивидуальности, включаясь в динамику произвольных актов, подчиняется системе детерминант многоплановости функциональных систем.

Каналами сопряжения инвариантной составляющей функциональных систем (задатков) с надситуативными координатами развития деятельности служат индивидуальные стили, соотносящиеся со стратегией поведения [16], используемыми защитами, а также с формально-динамической стороной активности, опосредованно влияющей на результативность человека в ее связи с содержательным компонентом жизнедеятельности [15].

В представленном прикладном исследовании в русле субъектоцентрированной дифференциальной психологии с помощью корреляционного, факторного, кластерного анализа (по методике Р. Плучека) изучено своеобразие психологических защит, характерных для первого и второго типологических синдромов целостной индивидуальности.

Методика диагностики индекса жизненного стиля Р. Плучека разработана на основе представлений об основных формах эмоционального и поведенческого реагирования людей с различными особенностями личности. Методика анкетного типа включает в себя 97 утверждений, которые описывают варианты обычного поведения людей в различных жизненных ситуациях. Методика предьявляется в виде брошюры, ответы фиксируются в бланке ответов. Время выполнения задания не ограничено, обычно оно выполняется за 20–25 мин. Первичная обработка представляет собой подсчет баллов по каждому из восьми механизмов защит. Затем эти «сырые» баллы переводятся в нормативные единицы. Р. Плучек дает следующее описание основных видов защит:

- *отрицание* — недостаточное осознание определенных событий, переживаний и ощущений, которые причинили бы человеку боль при их признании;

- *компенсация* — интенсивные попытки исправить или как-то восполнить собственную, реальную или воображаемую, физическую или психическую неполноценность;
- *регрессия* — возвращение в условиях стресса к онтогенетически более ранним или менее зримым типам поведения;
- *проекция* — неосознаваемое отвержение собственных эмоционально неприемлемых мыслей, установок или желаний и приписывание их другим людям;
- *формирование реакции* — предотвращение проявления неприемлемых желаний, особенно сексуальных и агрессивных, благодаря развитию противоположных этим желаниям установок и форм поведения;
- *интеллектуализация* — неосознаваемый контроль над эмоциями и импульсами за счет выраженной зависимости их от рациональной интерпретации ситуации;
- *вытеснение* — исключение из сознания какой-либо идеи или личного опыта и связанных с ними эмоций;
- *смещение* — разрядка эмоций (обычно эмоции гнева) на объекты, животных или людей, воспринимаемых индивидом как менее опасные, чем те, которые действительно вызывают гнев.

В сопоставлении использована характеристика самооценки как ключевая характеристика личности. Таким образом, изучена специфика включенности выделенных психологических защит при их качественной определенности в «жестких» звеньях внутренних условий взаимодействия человека с миром (на модели фиксируемой методикой ОСЦИ оценки структуры целостной индивидуальности.) При этом выявились достаточно определенные соотношения типологии целостной индивидуальности с качественными и количественными параметрами психологических защит личности.

В первом типологическом синдроме при низкой самооценке используются регрессия, компромиссное образование, проекция, замещение, вытеснение и реактивное образование.

Во втором типологическом синдроме при высокой самооценке используются отрицание, вытеснение, интеллектуализация, реактивное образование. Не используются регрессия, компромиссное образование и замещение.

Интерпретация материалов обследования по методу ОСЦИ основывается на соотношении индивидуальных результатов с нормативной гармоничной структурой целостной индивидуальности (определяется системно-эволюционными законами формирования типологических синдромов — Базылевич, 2007–2013). При этом выделяются два «полюса», в которых значимость имеют не отдельные свойства, а их сочетания по гармоничному или дисгармоничному типу.

Целесообразно коротко обозначить типологические синдромы (обоснование дано в п. 2.5).

Первый типологический синдром

Природно обусловленный высокий уровень активированности закономерно сочетается с высокой чувствительностью и — как следствие — малой функциональной выносливостью функциональных органов индивида.

Фиксируемый синдром имеет целый спектр психологических проявлений: например, в хорошей памяти на логически оформленную информацию, привычке делать исправления в ходе написания диктанта, реферата и т.д., необходимости снижения мотивации деятельности (высокая мотивация не способствует ее эффективности и результативности), в неустойчивости к стрессогенным условиям деятельности, оптимально либеральном стиле руководства, интроверсии, импульсивности, экстраверсии и крайнем возбуждении на фоне действия алкоголя, в склонности к психосоматике, непереносимости беспорядка и хаоса. При этом улучшают показатели жизнедеятельности сформированная стратегия поведения и субъективный прогноз «частого успеха» (например, при монотонии) и т.д.

Второй типологический синдром

Генотипически обусловленный низкий уровень активированности закономерно сочетается с низкой чувствительностью и — как следствие — высокой функциональной выносливостью функциональных органов индивида.

Указанный синдром имеет противоположные психологические проявления: например, в хорошей памяти на абстрактную информацию, в привычке делать исправления в конце написания диктанта, реферата и т.д., умении делать работу «за один присест», необходимости повышения мотивации деятельности (низкая мотивация не способствует ее эффективности и результативности), в относительной устойчивости к стрессогенным условиям деятельности, выраженной резистентности к беспорядку и неопределенности, предпочтении авторитарного стиля руководства, в экстраверсии, низкой рефлексивности, заторможенности на фоне действия алкоголя, склонности к особой психосоматике. При этом улучшают показатели жизнедеятельности сформированная стратегия поведения и субъективный прогноз «частого успеха» (например, при монотонии) и т.д. (Данный синдром изучен в дифференциальной психологии и психофизиологии, эти материалы стали основой формулировки симптомов ОСЦИ.)

Психоаналитические традиции позволяют представить интеграцию формально-динамической стороны деятельности (имеющей непосредственное отношение к типологическим особенностям человека, достаточно глубоко изученным в отечественной школе Б.М. Теплова—В.Д. Небылицына) и содержательной стороны жизнедеятельности (которая конечно же соотнесена с формально-дина-

мическими ее компонентами, но которая все еще не изучена в отечественной школе типологов). Целесообразно коротко резюмировать специфику психологических защит личности, изученных в современном психоанализе.

Напомним: ЗАМЕЩЕНИЕ — развивается для сдерживания эмоции гнева на более сильного, старшего или значимого субъекта, выступающего как фрустратор, во избежание ответной агрессии или отвержения. Индивид снимает напряжение, обращая гнев и агрессию на более слабый одушевленный или неодушевленный объект или на самого себя. Замещение поэтому имеет как активные, так и пассивные формы и может использоваться индивидами независимо от их типа конфликтного реагирования и социальной адаптации.

Особенности защитного поведения в норме: импульсивность, раздражительность, требовательность к окружающим, грубость, вспыльчивость, реакции протеста в ответ на критику, нехарактерность чувства вины, увлечение «боевыми» видами спорта (бокс, борьба, хоккей и т.п.), предпочтение кинофильмов со сценами насилия (боевики, фильмы ужасов и т.п.); приверженность к любой деятельности, связанной с риском; выраженная тенденция к доминированию иногда сочетается с сентиментальностью; склонность к занятиям физическим трудом.

ПРОЕКЦИЯ — сравнительно рано развивается в онтогенезе для сдерживания чувства неприятия себя и окружающих как результата эмоционального отвержения с их стороны. Проекция предполагает приписывание окружающим различных негативных качеств как рациональную основу для их неприятия и самоприятия на этом фоне.

Особенности защитного поведения в норме: гордость, самолюбие, эгоизм, злопамятность, мстительность, обидчивость, уязвимость, обостренное чувство несправедливости, заносчивость, честность, подозрительность, ревнивость, враждебность, упрямство, несговорчивость, нетерпимость к возражениям, тенденция к уличению окружающих, поиск недостатков, замкнутость, пессимизм, повышенная чувствительность к критике и замечаниям, требовательность к себе и к другим, стремление достичь высоких показателей в любом виде деятельности.

ОТРИЦАНИЕ — наиболее ранний онтогенетически и наиболее примитивный механизм защиты. Отрицание развивается с целью сдерживания эмоции принятия окружающих, если они демонстрируют эмоциональную индифферентность или отвержение. Это, в свою очередь, может привести к самонеприятию.

Особенности защитного поведения в норме: эгоцентризм, внушаемость и самовнушаемость, общительность, стремление быть в центре внимания, оптимизм, непринужденность, дружелюбие, умение внушить доверие, уверенная манера держаться, жажда признания, самонадеянность, хвастовство, жалость к себе, обходительность,

готовность услужить, аффективная манера поведения, пафос, легкая переносимость критики и отсутствие самокритичности.

РЕГРЕССИЯ — развивается в раннем детстве для сдерживания чувств неуверенности в себе и страха неудачи, связанных с проявлением инициативы. Регрессия предполагает возвращение в экзквизитной ситуации к более незрелым онтогенетически паттернам поведения и удовлетворения. Регрессивное поведение, как правило, поощряется взрослыми, имеющими установку на эмоциональный симбиоз и инфантилизацию ребенка. В кластер регрессии входит также механизм **ДВИГАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ**, предполагающий произвольные иррелевантные действия для снятия напряжения.

Особенности защитного поведения в норме: слабохарактерность, отсутствие глубоких интересов, податливость влиянию окружающих, внушаемость, неумение доводить до конца начатое дело, легкая смена настроения, плаксивость, в экзквизитной ситуации повышенная сонливость и неумеренный аппетит, манипулирование мелкими предметами, произвольные действия (потирание рук, кручение пуговиц и т.п.), специфическая «детская» мимика и речь, склонность к мистике и суевериям, обостренная ностальгия, непереносимость одиночества, потребность в стимуляции, контроле, подбадривании, утешении, поиск новых впечатлений, умение легко устанавливать поверхностные контакты, импульсивность.

ПОДАВЛЕНИЕ — развивается для сдерживания эмоции страха, проявления которого неприемлемы для позитивного самовосприятия и грозят попаданием в прямую зависимость от агрессора.

Особенности защитного поведения в норме: тщательное избегание ситуаций, которые могут стать проблемными и вызвать страх (например, полеты на самолете, публичные выступления и т.д.); неспособность отстоять свою позицию в споре, соглашательство, покорность, робость, забывчивость, боязнь новых знакомств; выраженные тенденции к избеганию и подчинению подвергаются рационализации, а тревожность — сверхкомпенсации в виде неестественно спокойного, медлительного поведения, нарочитой невозмутимости и т.п.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ — развивается в раннем подростковом возрасте для сдерживания эмоции ожидания или предвидения из боязни пережить разочарование. Образование механизма принято соотносить с фрустрациями, связанными с неудачами в конкуренции со сверстниками. Предполагает произвольную схематизацию и истолкование событий для развития чувства субъективного контроля над любой ситуацией.

Особенности защитного поведения в норме: старательность, ответственность, добросовестность, самоконтроль, склонность к анализу и самоанализу, основательность, осознанность обязательств, любовь к порядку, нехарактерность вредных привычек, предусмотрительность, дисциплинированность, индивидуализм.

РЕАКТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ — защитный механизм, развитие которого связывают с окончательным усвоением индивидом «высших социальных ценностей». Реактивное образование развивается для сдерживания радости обладания определенным объектом (например, собственным телом) и возможности и использования его определенным образом (например, для секса или агрессии). Механизм предполагает выработку и подчеркивание в ведении профилактики прямо противоположной установки.

Особенности защитного поведения в норме: неприятие всего, связанного с функционированием организма и отношениями полов, выражающееся в различных формах и с разной интенсивностью: избегание общественных бань, уборных, раздевалок и т.п., резко отрицательное отношение к «неприличным» разговорам, шуткам, кинофильмам эротического характера (а также со сценами насилия), эротической литературе; сильные переживания по поводу нарушений «личностного пространства», случайных соприкосновений с другими людьми (например, в общественном транспорте); подчеркнутое стремление соответствовать общепринятым стандартам поведения, актуальность, озабоченность «приличным» внешним видом, вежливость, любезность, респектабельность, бескорыстие, общительность, как правило, приподнятое настроение, осуждение флирта и эксгибиционизма, воздержанность, иногда вегетарианство, морализаторство, желание быть примером для окружающих.

КОМПЕНСАЦИЯ — онтогенетически самый поздний и когнитивно сложный защитный механизм, который развивается и используется, как правило, сознательно. Предназначен для сдерживания чувств печали, горя по поводу реальной или мнимой потери, утраты, нехватки, недостатка, неполноценности. Компенсация предполагает попытку исправления или нахождения замены этой неполноценности.

Особенности защитного поведения в норме: поведение, обусловленное установкой на серьезную и методическую работу над собой, нахождение и исправление своих недостатков, преодоление трудностей. Достижение высоких результатов в деятельности: серьезные занятия спортом, коллекционирование, стремление к оригинальности, склонность к воспоминаниям, литературное творчество.

При рассмотрении содержания психологических защит становится возможной выделение их базисных механизмов (табл. 4.2).

Результаты сопоставительного анализа психологических защит, используемых личностью, четко показали следующие факты. Выявлено, что в первом типологическом синдроме при низкой самооценке выявляются следующие психологические защиты:

- регрессия;
- проекция;
- замещение;

Таблица 4.2

Базисные механизмы	Характеризация
Замещение	Напади на что-то, заменяющее это
Проекция	Обвини это
Компенсация (компромиссное образование)	Постарайся приобрести это
Идентификация	Будь как это (чтобы не потерять его)
Фантазия	Мечтай об этом
Регрессия	Плачь об этом
Двигательная активность	Сделай что-нибудь
Подавление (вытеснение)	Не помни об этом
Интроекция	Не знай, откуда это у тебя
Изоляция	Не чувствуй этого
Отрицание	Не замечай этого
Образование реакции	Обрати это в противоположное
Интеллектуализация	Переопредели, переосмысли это
Рационализация	Найди оправдание этому
Аннулирование	Отмени, перечеркни это
Сублимация	Трансформируй это

- вытеснение;
- реактивное образование;
- компромиссное образование.

Во втором типологическом синдроме при высокой самооценке:

- *используется*:
  - отрицание;
  - вытеснение;
  - интеллектуализация;
  - реактивное образование;
- *не используется*:
  - регрессия;
  - компромиссное образование;
  - замещение.

Таким образом, в первом типологическом синдроме в основном используются механизмы избегания чего-либо. При низком уровне активированности и низкой чувствительности предполагается антиципирующее стремление фиксироваться на онтогенетически более ранних механизмах психоэмоциональной реакции. Вероятна провокация физиологической предрасположенности к фиксации на менее зрелых способах реагирования на внутриспсихические и социальные конфликты.

Второй типологический синдром включает высокую самооценку и при использовании защит, вероятно, содержит в себе предрасположенность к формированию защит, претворяющих эмоции в действие. Таким образом, это позволяет формировать «взрослые» способы реагирования на различные жизненные ситуации, гибко используя собственные психологические защиты.

Защиты работают на потребности. Об этих потребностях в разное время писали А. Адлер, К. Хорни, Э. Эриксон, Э. Фромм, Э. Берн и их последователи. Это потребности:

- в безопасности (временность);
- свободе и автономии;
- успехе и эффективности (территориальность);
- признании и самоопределении (идентичность).

В настоящее время среди исследователей психологической защиты практически не существует разногласий в том, что норма и патология защитного функционирования индивида зависят от того, сумел ли он на определенных этапах онтогенеза реализовать эти базисные психологические потребности или благодаря гетерономному воздействию среды они были заблокированы. В последнем случае одна или более из четырех составляющих «позитивного образа Я» оказываются особенно уязвимыми, соответствующие проблемы адаптации — перманентно актуальными, специфические механизмы защиты будут использоваться сверхинтенсивно, что может привести к неэффективной адаптации в новом социальном окружении.

Рассмотренная схема основных жизненных потребностей предполагает возможность того, что эмоции и механизмы защиты — это реакции функциональной адаптации, предназначенные для установления некоего эмоционального и социального равновесия. Это подразумевает, что эмоции — защиты входят в любую социальную трансакцию и помогают установить баланс противоположных сил. Эти балансы всегда временны и часто меняются вместе с нашим движением по жизни от одной ситуации к другой.

Проблема хронологии защитных механизмов в онтогенезе остается на сегодняшний день сравнительно невыясненной. Хотя существует несколько точек зрения по этому вопросу, главная трудность, которую отмечают исследователи, состоит в том, что теоретические положения о сензитивных периодах для реализации или фрустрации базовых потребностей и образования (преобладания) специфических механизмов защиты не совпадают с клиническим опытом. Несомненным остается существование некоторых закономерностей в процессе образования защит, типологический аспект которых мы стремились выявить в нашем исследовании.

Представленное исследование содержит эмпирические факты о соотношении психологических защит личности и типа целостной индивидуальности. Данные сферы типологических исследований

долгое время изучали в традициях разных психологических школ. Связи анализируются с помощью конструктивного принципа анализа компенсаторных механизмов типологических синдромов в составе внутренних условий взаимодействия.

Противоречия

Активное неприятие психоанализа, имевшее место на протяжении многих лет в отечественной психологии, не позволило исследователям внести сколько-нибудь заметный вклад в разработку проблемы психологической защиты.

В работах 50–70-х гг. XX в. сам термин «защита» тщательно избегался или подменялся терминами «психологический барьер», «защитная реакция», «смысловой барьер», «компенсаторные механизмы» и т.п. Позднее многие исследователи стали считать, что феномен защитных механизмов может и должен быть предметом действительно научного изучения [26, 66]. При этом некоторые авторы подчеркнуто дистанцируются от психоаналитической парадигмы, рассматривая защиту либо в границах теории установки (как реорганизацию системы установок), либо в пределах теории деятельности (как временный отказ от деятельности).

Среди отечественных исследователей наибольший вклад в разработку проблемы психологической защиты с позиций теории установки внес Ф.В. Бассин. Критикуя психоанализ за отсутствие научной основы, он рассматривает выдвинутые в практике психоанализа феномены на основе «иной методологии», под которой понимается диалектический материализм.

В частности, Ф.В. Бассин обычно рассматривает психологические защиты в аспекте столкновения осознаваемого с противостоящим и враждебным по отношению к нему бессознательным.

Идея подобного принципиального антагонизма сознания и бессознательного оценивается Ф.В. Бассиным как спорная. Он подчеркивает, что главное в защите сознания от дезорганизующих его влияний психической травмы — понижение субъективной значимости травмирующего фактора. Согласно Ф.В. Бассину и по мнению некоторых других исследователей (Б.В. Зейгарник, А. А. Налчаджяна, Е.Т. Соколовой, В.К. Мягер и др.), психологическая защита является нормальным, повседневно работающим механизмом человеческого сознания [66].

Авторы считают, что основным в психологической защите является перестройка системы установок, направленная на устранение чрезмерного эмоционального напряжения и предотвращающая дезорганизацию поведения.

В противовес высказанным выше мнениям другие исследователи (В.А. Ташлыков, В.С. Ротенберг, Ф.Е. Василюк, Э.И. Киршбаум, И.Д. Стойков) считают психологическую защиту однозначно непро-

дуктивным, вредоносным средством решения внутренне-внешнего конфликта. Среди ученых этого направления популярна идея о том, что защитные механизмы ограничивают оптимальное развитие личности, ее так называемую собственную активность, «активный поиск», тенденцию к «персонализации», «выход на новый уровень регуляции и взаимодействия с миром».

Существует конструктивное понимание психологических защит. Так или иначе, определение значения психологической защиты в индивидуальном развитии и процессе социально-психической адаптации — вопрос, от которого зависит и отношение к этому феномену в его реальных проявлениях.

Рассматривая проблему опосредствования при анализе компенсации чувства неполноценности, Б.В. Зейгарник выделяет деструктивные и конструктивные меры защиты. Первые связываются с неосознанностью их субъектом, а вторые — с осознанным принятием и регуляцией. Материал патологии показывает: многие симптомы при неврозах, тяжелых соматических заболеваниях представляют собой неосознаваемые больными меры защиты. Неосознаваемая и неконструктивная защита отмечается и у здорового человека в ситуации фрустрации. Такие симптомы, как негативизм, аутизм, часто являются средствами прикрытия нарушенного общения.

Б.В. Зейгарник подчеркивает, что, проявляясь на неосознаваемом уровне, меры защиты нередко приводят к деформации поступков человека, нарушению гармоничных связей между целями поведения и определяемой поведением ситуацией. Сознательно поставленная цель и контроль за своими действиями на пути к ее достижению становятся основными звеньями опосредованного поведения [66].

В ситуациях, затрудняющих достижение поставленных целей или угрожающих личностным установкам человека, он нередко сознательно прибегает к мерам психологической защиты. К сознательным компенсаторным действиям прибегают, например, больные тяжелыми соматическими заболеваниями. Они нередко произвольно отодвигают осознание своей болезни и усиленно предаются привычной деятельности.

Е.Т. Соколова отмечает, что психологическая зрелость личности определяется, в частности, степенью отвязанности аффектов от объектов удовлетворения потребности [66].

Наиболее убедительными представляются достижения отечественной науки в исследовании нейрофизиологической основы защиты. В ходе исследований была полностью подтверждена гипотеза о психофизиологических механизмах изменения осознания внешних явлений под влиянием отрицательных эмоций. Регистрация биоэлектрических и вегетативных реакций на эмоционально значимые стимулы, еще не осознаваемые субъектом, позволила предположить существование сверхчувствительного механизма, который на осно-

вании информации, не достигающей уровней сознания, способен оценить эмоциональное значение раздражителя, повысить порог восприятия и вызвать соответствующую когнитивную переоценку.

Физиологическая основа защиты (по Э.А. Костандову) сводится к следующему. В случае длительного и сильного воздействия на индивида раздражителей, вызывающих отрицательные эмоции, образуются временные связи между сенсорными элементами неокортекса, воспринимающими условные эмоциональные раздражители, и структурами лимбической системы, участвующими в организации данной отрицательной эмоции. При повторных воздействиях аналогичных или субъективно связанных с ними раздражителей порог активации соответствующих структур лимбической системы должен значительно снижаться вследствие пластических изменений в синапсах и постсинаптической мембране. В этих случаях даже при очень слабой афферентной импульсации, например, от кратковременного воздействия физически слабого, но эмоционально значимого, в частности словесного, раздражителя кортикофугальным путем через временные связи возбуждаются структуры лимбической системы, участвующие в нервной организации данной эмоции. Это возбуждение, в свою очередь, по механизму обратной связи приводит к изменению возбудимости неокортекса — облегчению или подавлению функциональной активности корковых нейронов. Эти восходящие неспецифические активационные влияния на неокортекс со стороны лимбической системы, видимо, лежат в основе явления психологической защиты. Это явление разъясняет известный в типологическом познании компенсаторный принцип функционирования сфер (синдромов) свойств нервной системы.

Включение в сферу дифференциальной психологии дифференциально-акмеологических ракурсов в плане проработки аспектов высших достижений личности — вектора «Индивидуальность» не является данью времени, а отражает тенденции развития гуманистического человекознания. Здесь неоднократно показан тот факт, что повышение субъективных и объективных критериев результативности, эффективности индивидуальной жизнедеятельности, в частности, в процессе достижения высочайшего уровня профессионализма прямо связано с усилением детерминистических влияний на компоненты АКМЕ со стороны индивидуального и личного. Подобные факты требуют рассмотрения интегративной целостности свойств индивида, личности, индивидуальности в субъекте психической деятельности (которые в гносеологическом плане обычно рассматриваются как достаточно ортогональные стадии формирования АКМЕ.) Здесь проявляется детально проработанный А.В. Брушлинским закон о континуальности (недизъюнктивности) компотентов психики, отражающий тот факт, что в ходе непрерывного взаимодействия субъекта с миром внешние причины через эмоциональные «метки» собы-

тий жизнедеятельности влияют на поведение и психику через призму внутренних условий субъекта психической деятельности с их «жесткими» (типологического генеза) звеньями.

Очевидно, что с помощью типологических аспектов психологических защит можно оказывать психореабилитационную помощь в создании у человека такого контура регуляции жизнедеятельности, который синергически активизирует сильные стороны индивидуальности и нивелирует ее слабые стороны.

4.7. Структура целостной индивидуальности как предиктор творческого становления актера в профессии

Успехи субъектной дифференциальной психологии, когда объектом изучения стала целостная индивидуальность, привели к доказательному заключению о том, что гармоничность целостной индивидуальности является предиктором результативности, эффективности жизнедеятельности, способствует оптимальному развитию способностей при сохранении психического и соматического здоровья, снижению рисков психосоматики и эколого-психического «выгорания» профессионала. Интерпретация получаемых в прикладной дифференциальной психологии материалов осуществляется с позиций закона о внутренних условиях взаимодействия субъекта с окружающим миром, когда системообразующим фактором индивидуальных различий может стать структура индивидуальности.

Значение и практическое использование данных психологической науки в значительной степени определяются степенью проработки ее субъектоцентрированных проблем. Внешние причины воздействуют на поведение и психику через призму внутренних условий субъекта психической деятельности, где системообразующую роль играют типологические синдромы индивидуальности, которая всегда целостна (Базылевич, 1998–2012). Разрабатываемые психотехнологии необходимы для оценки «латентных» экологических «переменных» как предикторов эффективности, результативности, оптимальности деятельности [27]. Несомненно, конкретные материалы исследований кардинальны для проработки проблем субъектоцентрированной дифференциальной психологии.

Теоретические предпосылки прикладного исследования о зататках сверхадаптации в актерской профессии

Субъектная дифференциальная психология, имея объектом исследования целостную индивидуальность, позволила ставить задачи, которые были не по плечу аналитическим подходам к индивидуаль-

ным различиям. Это прежде всего проблемы задатков деятельности. Это проблемы экологически сопряженных — несопряженных свойств в составе синдромов внутренних условий взаимодействия субъекта с миром. Следствие получаемой информации с помощью психотехнологий данного аспекта дифференциальной психологии — прогноз о возможных последствиях в будущем фиксированных у человека паттернов многоуровневых свойств индивидуальности с учетом надситуативных координат развития взаимодействия.

Логика развития идей субъектоцентрированной дифференциальной психологии, раскрытая в предшествующих главах учебника, позволяла попытаться ставить задачи прогноза будущего развития человека в определенных обстоятельствах жизни, если они достаточно определены в своих формально-динамических параметрах. В данном контексте выполнено лонгитюдное исследование, где были сопоставлены, с одной стороны, признаки структуры целостной индивидуальности (по ОСЦИ) и с другой — динамика профессиональных успехов развивающихся актеров в течение пяти лет — от последнего курса училища до работы в творческой профессиональной театральной среде. Сложность поставленной в прикладном плане проблемы заставляет коротко остановиться на основных теоретических постулатах исследования. (В проведении исследования участвовала дипломированная психолог МНЭПУ Н.А. Макеенко.)

Методом субъективного шкалирования респонденты оценивали: степень индивидуальной подверженности психосоматике; комфортность жизнедеятельности; удовлетворенность учебно-профессиональной деятельностью; социальную толерантность. Фиксировали также оценку протопатической чувствительности по признаку предпочтения горячего или холодного чая. Условные количественные характеристики субъективного шкалирования включались в корреляционный и факторный анализ.

Эмпирическая часть нашей работы анализирует «сырые» данные, полученные в ходе исследования, а также последующие результаты корреляционного и факторного анализа, обсуждение этих результатов и выводы. Важно то, что проводилось сравнение параметров эмоциональных «меток» типологически важных ситуаций, а также данных субъективного шкалирования своих типичных свойств и типичного своеобразия индивидуальных особенностей.

Цель исследования — помимо сопоставления описанных выше характеристик, выявить паттерны разноуровневых свойств индивидуальности, которые способствуют гармоничности ее экологических «ниш». Иначе говоря, необходимо было определить те индивидуальные особенности студентов актерских факультетов, которые будут способствовать тому, что молодому актеру будет комфортно в театральной профессиональной среде, где превалирует творческое начало.

В исследовании приняли участие: а) 28 студентов, из них 12 мужчин в возрасте от 17 до 26 лет и 16 женщин в возрасте от 18 до 27 лет, обучающихся на втором и третьем курсах; б) 28 актеров, из них 10 мужчин в возрасте от 23 до 63 лет и 18 женщин в возрасте от 22 до 53 лет, работающих в московских и санкт-петербургских театрах.

В ходе исследования были получены данные по двум методикам: ОСЦИ и методике субъективного шкалирования, описанным выше. Затем был проведен корреляционный анализ матриц интеркорреляций первичных вариантов, результаты которого изложены ниже.

Данные обследования студентов актерского факультета

Первые пять параметров взяты по методике субъективного шкалирования.

1. КЖ — комфортность жизнедеятельности.
2. УПД — удовлетворенность профессиональной деятельностью.
3. ПП — подверженность психосоматике.
4. СТ — социальная толерантность.
5. Чай — насколько горячий чай пьет испытуемый (показатель протопатической чувствительности).

Следующие семь параметров соответствуют семи шкалам ОСЦИ.

1. ИИИ — интегральный индекс индивидуальности.
2. Л — лабильность.
3. ПД — планирование деятельности.
4. И — импульсивность.
5. ФВП — предметная функциональная выносливость.
6. ФВО — функциональная выносливость в общении.
7. СЖ — социальная желательность (шкала лжи).

Оценка параметров: баллы по каждому параметру поделены на три области — низкая, средняя и высокая выраженность признака. По методике субъективного шкалирования интервалы такие: 0–3,4 — низкая выраженность; 3,5–6,8 — средняя; 6,9–10 — высокая. Получены следующие результаты.

По методике ОСЦИ интервалы следующие.

1. По параметру ИИИ 0–37 баллов соответствуют первому типологическому синдрому, 44–80 — второму типологическому синдрому, 37–43 балла — промежуточному типу со средним уровнем активированности.

2. По параметру Л: нижний интервал — 0–4 балла; средний интервал — 5–10 баллов; верхний интервал — 11–13 баллов.

3. ПД: низкая степень — 0–2 балла; средняя степень — 3 балла; высокая степень — 4–5 баллов.

4. По параметру И: низкая степень — 0–3 балла; средняя степень — 4–6 баллов; высокая степень — 7–9 баллов.

5. По параметру ФВП: нижний интервал — 0–8 баллов; средний интервал — 9–16 баллов; верхний интервал — 17–23 балла.

6. По параметру ФВО: низкая степень — 0–5 баллов, средняя степень — 6–12 баллов; высокая степень — 13–16 баллов.

7. По параметру СЖ: низкая степень — 1–3 балла; средняя степень — 4–5 баллов; высокая степень — 6–8 баллов.

Результаты общестатистического обследования студентов актерского факультета РАТИ представляют следующее. Они ощущают себя: 50% — очень комфортно; 45% — в средней степени комфортно и 5% — дискомфортно. Удовлетворенность профессиональной деятельностью распределилась равномерно: по 35% — низкая и средняя и 30% — высокая. 50% студентов в высокой степени подвержены психосоматике, 30% — в средней и 20% — в низкой. Обладают высокой (45%), средней (35%) или низкой (20%) социальной толерантностью, предпочитают очень горячий (45%), горячий (40%) или теплый (15%) чай. 50% из них обладают средним уровнем активированности, 28% — низким и 22% — высоким. Абсолютное большинство — средним уровнем функциональной выносливости, как предметной (96%), так и в общении (92%), средней лабильностью (94%). Планирование деятельности низкое у 58%, высокое у 30% и среднее — у 12%. Импульсивность распределена равномерно (32% — 36% — 32%).

У работающих актеров комфортность жизнедеятельности высокая у 66%, средняя — у 28%, низкая — у 6% испытуемых. Удовлетворенность профессиональной деятельностью высокая (46%), средняя (42%) и низкая (12%). Подверженность психосоматике в основном высокая (64%), но может быть средняя (20%) и низкая (16%). Социальная толерантность в основном высокая (71%), у некоторых — средняя (19%) и низкая (10%). Они предпочитают пить очень горячий (66%), теплый (22%) и горячий (18%) чай. Низкоактивированными являются 50% испытуемых и по 25% относятся к промежуточному и второму типологическому синдрому. Наблюдаются средняя лабильность (96%), функциональная выносливость предметная (93%) и к общению (89%). Планирование деятельности — низкое и высокое, по 35%, среднее — 30%. Импульсивность выражена средне у 50% испытуемых, сильно — у 33% и слабо — у 17%.

Социальная желательность не превосходит средней отметки, т.е. результаты психодиагностики достоверны.

Анализируя результаты, можно говорить о том, что среди работающих актеров преобладают люди с первым типологическим синдромом (по ОСЦИ). Этот симптомокомплекс выражается в следующих «слитиях» разноуровневых свойств индивидуальности. Природно обусловленный высокий уровень активированности закономерно сочетается с высокой чувствительностью и малой функциональной выносливостью индивида. В ходе диагностики это выявляется в низких абсолютных порогах (высокой чувствительности) и компенсируется высокой планируемостью своей жизнедеятельности. Важно отметить, что нарушение отмеченных отношений влияет на резуль-

тативность и эмоциональную напряженность деятельности. Также эти люди характеризуются неустойчивостью к стрессогенным условиям деятельности, интроверсией, импульсивностью и склонностью к психосоматике, но экстравертированностью и крайним возбуждением на фоне действия алкоголя.

Данные лонгитюда свидетельствуют, что удовлетворенность профессиональной деятельностью зависит не от личностных особенностей актеров (в отличие от комфортности), а от их творческих успехов.

На основании констатирующей части исследования можно говорить о предикторах успешной адаптации выпускников актерских факультетов в профессиональной среде: средняя лабильность, средняя функциональная выносливость — предметная и в общении.

Сущностные же детерминанты интеркорреляций в зависимости от тесноты и направленности взаимосвязей сопоставляемых вариантов определяются с помощью корреляционного и факторного анализа.

Результаты факторного анализа

По матрице интеркорреляций (по Спирмену) данных симптомов ОСЦИ и шкал субъективного шкалирования был проведен факторный анализ. Факторизация осуществлена с помощью программы *SPSS* по стандартным критериям факторизации. В работе обсуждаются структура факторов после процедуры вращения Варимакс. Значимыми — в зависимости от количества сопоставляемых вариантов — считаются факторные нагрузки более 0,57.

Выявленные паттерны сопоставляются с описанной выше нормативной моделью, что позволяет в экологическом аспекте судить о сопряженности разноуровневых индивидуальных особенностей в экологических «нишах» целостной индивидуальности.

В табл. 4.3 представлены переменные, факторные нагрузки которых оказались значимыми в структуре выделенных факторов на основании тесноты и направленности интеркорреляций первичных вариантов (описание дано в тексте).

Таблица 4.3

Фактор 1	25, 30, 33, 36, 58, 91
Фактор 2	61, 69, 75, 97, 102, 108
Фактор 3	26, 46, 59, 78, 81, 89
Фактор 4	3, 9, 77, 79, 90, 120
Фактор 5	37, 103, комфортность жизнедеятельности, предпочтительная температура чая
Фактор 6	8, 17, 24, 44, 55, 72
Фактор 7	56, 60, 115, удовлетворенность профессиональной деятельностью
Фактор 8	6, 50, 101, 118

Фактор 1

- 25 (0,58). У меня иногда бывают такие мысли, которыми мне не хотелось бы делиться с другими людьми.
- 30 (-0,67). Я всегда беру билет в общественном транспорте.
- 33 (0,77). Я чувствую даже мгновенное прикосновение.
- 36 (-0,75). Когда я смотрю телевизор, то настраиваю его на такую большую яркость, что другим людям она часто не подходит.
- 58 (0,63). Энергичная продуктивная работа меня бодрит, наполняет радостью.
- 91 (0,70). Мне нравится выполнять разноплановые задания.

В данный фактор вошли параметры чувствительности, социальной желательности, высокой лабильности и высокой предметной функциональной выносливости. Этот фактор показывает, что в актерской профессии важна гибкость психических процессов, функциональная выносливость, сочетаемая с острой чувствительностью. Следствием дисгармоничности этих проявлений (первые два симптома относятся к первому типологическому синдрому, высокая чувствительность — ко второму), по-видимому, является наличие психологических защит. Одна из защит — высокая социальная желательность: эти люди четко отслеживают, с кем и как они общаются, как бы дозируя выдаваемую информацию.

Фактор 2

- 61 (0,73). Шум улицы снижает продуктивность моей работы.
- 69 (0,69). Обычно я предпочитаю общаться с узким кругом хорошо известных мне людей.
- 75 (0,66). От испуга у меня холодеют пальцы рук и ног.
- 97 (0,66). Обычно я долго размышляю, прежде чем что-нибудь предпринять.
- 102 (0,60). Задания я люблю готовить в определенной последовательности — от трудных к легким.
- 108 (0,60). Разговаривая с привлекательной малознакомой девушкой (молодым человеком), я чувствую, что у меня учащается сердцебиение.

В данном факторе сочетаются необходимость спокойной обстановки и тщательного размышления для продуктивной работы, сильные проявления эмоций в вегетативных симптомах. Такой результат соответствует первому типологическому синдрому, который выражается в следующем паттерне свойств. Природно-обусловленный высокий уровень активированности закономерно сочетается с высокой чувствительностью и малой функциональной выносливостью индивида. В ходе диагностики это сказывается в низких абсолютных порогах (высокой чувствительности) и компенсируется высокой планируемостью жизнедеятельности. В спектре проявлений данного синдрома: экологические «ниши» — интроверсия, импульсивность и др. Важно отметить, что нарушение отмеченных отношений влия-

ет на результативность и эмоциональную напряженность деятельности. Сочетание первого типологического синдрома с низкой импульсивностью (симптом 97) порождает дисгармоничность экологической «ниши» целостной индивидуальности, требующей корректировки.

Также выявилось профессионально важное качество: тесная связь эмоций и вегетативных проявлений. Это важно, так как актер, особенно классической школы, часто идет к выражению эмоций персонажа через свои физиологические основы (через своеобразные задатки деятельности).

Фактор 3

- 26 (0,62). Я склонен поддерживать длительные контакты с людьми, с которыми общаюсь.
- 46 (0,62). Я предпочитаю специально планировать и распределять во времени ход выполнения задания.
- 59 (0,77). Мне нравится выступать перед публикой.
- 78 (-0,63). Мне доставляет мало настоящего удовольствия участие в вечеринках.
- 81 (-0,69). Я устаю от длительного общения с людьми.
- 89 (0,57). Иногда я замечаю, что вспоминаю детали моей жизни, на которые раньше не обращал внимания.

В данном факторе сочетаются коммуникабельность, стремление бывать перед публикой и планируемость жизнедеятельности. Общительность и стремление бывать перед публикой являются проявлениями второго типологического синдрома. Генотипически обусловленный низкий уровень активированности закономерно сочетается с низкой чувствительностью и высокой функциональной выносливостью индивида. В ходе диагностики это сказывается в высоких абсолютных порогах (низкой чувствительности) и компенсируется низкой планируемостью своей жизнедеятельности. Важно отметить, что нарушение отмеченных отношений влияет на результативность и эмоциональную напряженность деятельности. Это дисгармоничная «ниша» индивидуальности, присущая актерам, так как при втором типологическом синдроме у актера в его профессиональной среде имеется острая необходимость в планировании своей жизнедеятельности, четкой встроенности в режим жизни театра и план репетиций и спектаклей. Данное соотношение должно быть скорректировано, так как в гармоничной «нише» индивидуальности, в которой человек чувствует себя комфортно, эти параметры связаны обратной зависимостью.

Фактор 4

- 3 (0,63). Монотонная работа меня быстро раздражает.
- 9 (0,60). Выполнение однообразной работы ухудшает мое настроение.
- 77 (-0,58). Я бы легко справлялся с работой жонглера.

- 79 (0,70). Выполняя работу, требующую повышенного напряжения, я замедляю дыхание.
- 90 (0,63). Мне нравилось бы учить стихи типа отрывков из Сергея Есенина.
- 120 (0,71). Я хотел бросить курить, но не смог этого сделать.

Этот фактор включает раздражение от выполнения монотонной работы, низкую предметную функциональную выносливость, низкую лабильность. Отмеченные симптомы характерны для типологического «полюса» «высокая активированность и чувствительность (низкие абсолютные пороги) — слабость нервной системы — интровертированность человека». Данный синдром является гармоничной экологической «нишей» индивидуальности при конструктивном рассмотрении положительных и отрицательных для эффективной деятельности сторон (при условии адекватных индивидуального стиля деятельности и психологических проявлений свойств нервной системы, которые компенсируют те типологические свойства, которые не способствуют или мешают эффективной результативной жизнедеятельности).

Фактор 5

- 37 (0,61). Во время предэкзаменационной «лихорадки» я плохо запоминаю.
- 103 (-0,59). В свободное время я предпочитаю чтение книг общению с людьми.
- СШ (0,57). Комфортность жизнедеятельности.
- СШ (0,62). Предпочтительная температура чая.

В данном факторе первый типологический синдром связан с предпочтением более горячего чая как проявлением порогов протопатической чувствительности. Это объясняется тем, что малая чувствительность неспецифических ретикулярных структур, связанная с их функциональной выносливостью и высокой активированностью функциональных систем (в типологической теории традиционного аналитического направления — это полюс слабости нервной системы), в комплексе отражается в предпочтении горячего чая.

Также в данном факторе выявилась важность возможности размышлять и работать в спокойной обстановке для комфортности жизнедеятельности лиц первого типа целостной индивидуальности.

Фактор 6

- 8 (0,58). Я хорошо запоминаю белые стихи.
- 17 (0,59). Я хорошо умею вести беседу в компаниях.
- 24 (0,74). В компаниях я часто играю роль лидера.
- 44 (0,66). Мне приятно находиться в большой компании, где подшучивают друг над другом.
- 55 (0,61). Я люблю подшучивать над другими.
- 72 (-0,78). Я больше молчу, когда нахожусь в обществе других людей.

Здесь мы видим спектр проявлений второго типологического синдрома. Сочетаются параметры общительности, стремление к активности, развитое чувство юмора с хорошей памятью на белые стихи. Все перечисленные качества являются профессионально важными качествами актеров.

Фактор 7

- 56 (0,61). В учебном процессе я легко усваиваю новый материал и скучаю при повторении пройденного.
- 60 (0,59). Я люблю длительное время размышлять.
- 115 (0,57). Я предпочитаю составить планы занятий, работы на день, неделю и т.д. Это помогает мне успешно выполнять любую работу.
- (0,61). Удовлетворенность профессиональной деятельностью.

Фактор 8 включил четыре признака целостной индивидуальности (приведены в табл. 4.3).

Мы видим, что удовлетворенность профессиональной деятельностью актера во многом зависит от целого ряда его индивидуальных особенностей, в частности от того, насколько быстро человек схватывает новое, много размышляет и насколько тщательно планирует свое рабочее и жизненно важное время.

На основании интерпретации результатов факторного анализа можно сделать выводы о профессионально важных качествах актеров, способствующих творческой их реализации.

1. Легкое усвоение нового материала, стремление к новому в противовес повторению старого.

2. Развитость операций мышления: тщательный анализ и синтез информации, склонность к длительным размышлениям.

3. Предпочтение составить планы занятий, работы на день, неделю и т.д. (Это гармоничная экологическая «ниша» целостной индивидуальности представителя ее первого типа.)

4. Коммуникабельность.

5. Развитое чувство юмора.

6. Хорошая память как на стихи, так и на прозу и белые стихи.

7. Любовь к чтению, перевешивающая стремление общаться.

8. Стремление выступать перед публикой.

9. Сильная связь эмоций и вегетативных проявлений.

10. Гибкость психических процессов и функциональная выносливость в сочетании с острой чувствительностью, т.е. дисгармоничность экологической «ниши» индивидуальности.

Неожиданным стал полученный факт о специфике дисгармоничности экологических «ниш» целостной индивидуальности у актеров. Напрашивается парадоксальная интерпретация этого факта: условиями самой профессии задается изначальная противоречивость и, следовательно, дисгармоничность экологической «ниши» индивидуальности.

Результаты регрессионного анализа материалов исследования задатков успешности творческой, профессиональной деятельности актера

Прогноз симптомов целостной индивидуальности, предположительно являющихся предикторами результативного творчества актеров в театральной среде, был осуществлен с помощью метода регрессионного анализа. В качестве зависимой переменной выбран параметр из методики «Субъективное шкалирование» — комфортность жизнедеятельности (этот показатель являлся интегративным в генезе реальной креативности актера «здесь и сейчас» и, по-видимому, обусловлен сопряжением разноуровневых индивидуальных особенностей в экологических «нишах» целостной индивидуальности). В качестве независимых переменных использованы 120 симптомов методики ОСЦИ.

Регрессионный анализ показал 100%-ю объяснимость параметра комфортности жизнедеятельности с помощью симптомов целостной индивидуальности. Изучены — по результатам статанализа — коэффициент детерминации и 28 предикторов.

Таким образом, показано, что на данном этапе исследования можно говорить о том, что возможным предиктором успешной адаптации актеров к профессиональной театральной среде является интегративность ответов на следующие пункты ОСЦИ (табл. 4.4).

Таблица 4.4

4	0,067	Я люблю быструю ходьбу
6	0,280	Задание написать на доске длинную фразу, внимательно следя за каллиграфией, было бы мне неприятно
12	-0,287	Мне нравится вязать
15	-0,345	Всегда ли Вы сдерживаете свои обещания, даже если Вам это невыгодно?
20	0,208	Бывает ли когда-нибудь, что, разозлившись, Вы выходите из себя?
21	-0,143	Мне приятно быстро писать конспект
28	0,691	Перед ответственным экзаменом меня то и дело «бросает в жар»
40	-0,081	Бывает ли, что Вы передаете слухи?
45	0,164	Во время ответственного разговора у меня часто «сосет под ложечкой»
55	0,265	Я люблю подшучивать над другими
58	-0,590	Энергичная продуктивная работа меня бодрит, наполняет радостью

64	-0,054	Я ощущаю легкость и свободу в общении с незнакомыми людьми
65	0,086	В ситуации напряжения (экзамен, переаттестация, зачет...) я обычно отвечаю лучше, чем на семинарах
72	-0,260	Я больше молчу, когда нахожусь в обществе других людей
74	0,313	Я могу, выполняя работу, быстро отвечать по телефону
78	0,065	Мне доставляет мало настоящего удовольствия участие в вечеринках
80	0,020	Я с легкостью отвык бы от курения
87	-0,168	Стрессовые ситуации способствуют улучшению моей умственной деятельности
93	-0,222	Я быстро устаю даже в приятной мне компании
95	0,057	Мне нравится быть деловым и кратким в письменной речи
100	-0,174	Я предпочитаю выполнять задания не в абсолютной тишине, а вместе с товарищами
103	-0,008	В свободное время я предпочитаю чтение книг общению с людьми
105	0,097	Обычно я сразу же втягиваюсь в работу
112	0,204	Я чувствовал бы себя несчастным человеком, если бы на длительное время был лишен общения с людьми
115	0,038	Я предпочитаю составить планы занятий, работы на день, неделю и т.д. Это помогает мне успешно выполнять любую работу
116	-0,138	Мне хотелось бы быть членом нескольких клубов по интересам
120	0,030	Я хотел бросить курить, но не смог этого сделать

Примечание. В первом столбце приведены номера пунктов опроса по ОСЦИ, во втором — выраженность прогностики, где наиболее значимые результаты выделены, в третьем — содержание пункта опросника, имеющего типологическую природу, т.е. соотносящегося с индивидуально-стабильными, генотипичными признаками индивидуальности.

Анализ результатов: о выявленных предикторах креативности актера по шкалам ОСЦИ

1. Интегральный индекс индивидуальности: 18 предикторов, из которых 7 относятся ко второму типологическому синдрому и 11 — к первому, но при этом предикторы второго синдрома имеют большие коэффициенты, т.е. имеют большую значимость как предикторы.

2. Лабильность: 1 предиктор, показывающий большую лабильность.

3. Планируемость деятельности: 1 предиктор, показывающий склонность к планируемости.

4. Импульсивность: 1 предиктор, показывающий неимпульсивность.

5. Предметная функциональная выносливость: 3 предиктора — 2 отрицательных и 1 положительный.

6. Функциональная выносливость в общении: 6 предикторов — 4 положительных и 2 отрицательных.

7. Социальная желательность: 3 предиктора — 2 отрицательных и 1 положительный.

Таким образом, по специфике шкал адаптивным получается промежуточный типологический синдром при склонности к планируемости деятельности, соотносящейся с большей лабильностью и наличием некоторой социальной желательности.

Проведем (по симптомам) анализ дифференциально-психологических особенностей лиц, успешно вошедших в творческую профессию актера (обладающие этими особенностями молодые актеры комфортно и творчески ощущают себя в театральной среде). Они имеют следующие характеристики.

1. Сильная позитивная стрессовая реакция мобилизации в работе.

2. Способность быстро втянуться в работу.

3. Планирование профессиональной деятельности.

4. Предпочитают работать в спокойной, сосредоточенной обстановке без отвлекающих факторов.

5. Не любят тратить время и усилия на написание чего-либо.

6. Строго понимают грань между тем, что надо и чего не надо говорить в профессиональной среде.

7. В общении со знакомыми людьми испытывают удовольствие, но не способны быстро почувствовать раскованность в общении с новыми людьми и не стремятся расширять круг общения.

8. Не могут долго обходиться без общения, но, несмотря на это, предпочитают книги общению.

9. Не склонны к увлечениям, связанным с мелкой моторикой.

10. Считают, что могут в любой момент отвыкнуть от курения, но на самом деле это оказывается иначе.

Эти результаты, возможно, в какой-то степени ситуативны и требуют получения дополнительных данных о людях, которые не смогли сверхадаптироваться к театральной среде, с помощью более полной модели — процедуры нелинейной регрессии.

ВЫВОД: результаты комплексного исследования типологических предикторов эффективности актерской профессии выявили тесные

связи параметров методики ОСЦИ и параметров гармоничности экологических «ниш» целостной индивидуальности. При этом достаточно четко показан паттерн характеристик ОСЦИ, который через пять лет лонгитюда стал предиктором результативности и субъективной комфортности креативной актерской профессии.

В результате анализа достоверности различий между выборками студентов-актеров и работающих актеров был сделан вывод о надситуативности синдромокомплексов целостной индивидуальности и, таким образом, об их высокой прогностичности как предикторов успешной сверхадаптации актера в театральной среде.

Подчеркнем, что полученные с помощью математической статистики желательные характеристики задатков креативности актера являются лишь типологическими симптомами, требующими особых методологий и техник расшифровки [27, 28].

Кроме того, можно говорить о возможной коррекционной работе с актерами. Критерием ее необходимости следует считать экологический показатель комфортности жизнедеятельности. За основу по результатам данного прикладного дифференциально-психологического исследования рационально фиксировать интегральный индекс индивидуальности, импульсивность, функциональную выносливость — предметную и общения, протопатическую чувствительность — в предпочтении чая определенной температуры. Важной целью реабилитационной работы следует считать снижение или повышение мотивации (в зависимости от психогенетики) и оптимизацию планирования жизнедеятельности.

Коротко резюмируя план и основные результаты проведенного прикладного лонгитюдного исследования в области дифференциальной психологии, выделим его основные моменты.

Представленное комплексное исследование может быть обобщено следующим образом. Цель исследования — выявить предикторы успешной наадаптации актеров к профессиональной среде и в целом выделить их профессионально важные качества.

Получены статистически достоверные данные о структуре целостной индивидуальности актеров, которые были сопоставлены с их профессионально важными качествами. Результаты комплексного исследования типологических предикторов эффективности вхождения в актерскую профессию выявили тесные связи параметров методики ОСЦИ с параметрами гармоничности экологических «ниш» целостной индивидуальности. При этом достаточно четко показан паттерн характеристик ОСЦИ, который может рассматриваться как предиктор результативности и субъективной комфортности актерской профессии.

4.8. О континуальности сферы «Общие свойства нервной системы — Индивидуализированность установки — Выраженность лидерства в социальной группе»

Данный параграф является в некотором роде итоговым в раскрытии практического значения рациональных психотехнологий типологического познания в субъектоцентрированной дифференциальной психологии. Содержание приведенных прикладных исследований показывает, что субъектоориентированные технологии действуют в широком спектре условий, моделируемых как в аналитическом эксперименте психофизического плана, так и в системных квазиэкспериментах.

Примером привлечения актуальной для системных исследований индивидуальности интеграции законов дифференциальной психологии и дифференциальной психофизиологии в ходе проработки прикладных проблем социальной психологии может быть лонгитюдное изучение континуальности (соотносимости параметров) сферы «Общие свойства нервной системы — Индивидуализированность установки — Выраженность лидерства в социальной группе». Отправным моментом этого 40-летнего исследования стал нейрофизиологический эксперимент, который решал задачи снятия известной проблемы общих и частных свойств нервной системы (подробно см.: гл. 1). Внемодальные характеристики мозга, в частности связанные со свойствами функциональной выносливости неспецифической ретикулярной системы, были выявлены в моторных вызванных потенциалах пассивных движений (МВПП), имеющих «двугорбие» в конфигурации основного негативного компонента.

Механизм образования двух фаз МВПП — по данным описанных в учебнике экспериментов — представляется следующим образом. С помощью фиксации изучения влияния аминазина (хлорпромазина), частично блокирующего активность ретикулярной формации, на конфигурацию МВПП доказательно было выявлено, что фаза H_1 (первая полуволна основного негативного компонента МВПП) есть отражение корковой негативности, вызванной потоком специфического возбуждения, а вторая фаза H_2 отражает неспецифическую активацию.

Далее конкретные исследования обосновали референтность градиентов изменения неспецифических компонентов МВПП в ходе возрастающих функциональных нагрузок как показателей общего свойства силы нервной системы [12]. Эти градиенты четко скоррелировали с величиной иллюзии Шарпантье, диагностирующей индивидуальные особенности установки человека в проприоцептивном анализаторе. Этот показатель в последующих работах включался в синдром силы как общего свойства нервной системы.

В 2011–2014 гг. данная характеристика установки была в специальном исследовании сопоставлена с доказанной практикой и упроченной потребностью в лидерстве. Подтверждением гипотезы о соотносимости этих явно разноаспектных сфер своеобразия психики на ее общеличностном уровне стали законы структурирования целостной индивидуальности, а также открытые А.В. Брушлинским законы континуальности (недизъюнктивности) функциональных органов психики.

Напомним, что эмпирическое дифференциально-психологическое лонгитюдное исследование включало сбор материалов по следующим методикам: субъективному шкалированию степени эмоционального предпочтения типологически значимых ситуаций; фиксации акмеологического статуса личности; оценке структуры целостной индивидуальности (ОСЦИ); выделению лидерства как свойства на основе наблюдений компетентных «судей» — коллег по работе, учебе и общению, а также по данным субъективного шкалирования самим человеком своей потребности в лидерских позициях в социальной группе. (Более подробно об этом исследовании см.: гл. 1, п. 1.3).

В цикле проведенных конкретных системных исследований (Т.Ф. Базылевич, 1983–1998) показаны тесные статистические связи градиентов изменений неспецифической активации при больших функциональных нагрузках и показателей иллюзии Шарпантье, диагностирующих общее свойство силы по выраженности установки в проприоцептивном анализаторе ($0,547 < \kappa < 0,763$ при $\rho < 0,001$).

Этот типологический синдром долгое время не показывал достоверных связей с индивидуально-психологическими различиями (кроме, пожалуй, четкого, но до сих пор не проанализированного эмпирического факта о чрезвычайно высоких значениях иллюзии Шарпантье у онкобольных, которые не встречаются в нормальной выборке). И только в 2013 г. был получен факт статистической связи параметров иллюзии Шарпантье (достоверно связанных с силой неспецифической мозговой системы) с упроченной, доказанной практикой потребностью человека в лидерстве — в ее формально-динамическом аспекте. Выявлена тесная корреляция между характеристиками субъективного шкалирования выраженности лидерствовать в социуме, с одной стороны, и величиной иллюзии Шарпантье — с другой ($\kappa = 0,738$ при $\rho < 0,001$). Вместе с тем выделенные в социальном коллективе студентов «крайние» группы (по выраженности упроченных в практике формально-динамических аспектов потребности лидировать) в своих среднеарифметических значениях достоверно различались при $\rho < 0,001$ (по критерию Манна–Уитни).

Дополнительные неожиданные факты были получены при изучении «крайних» групп будущих психологов, которых значимо отли-

чает уже достаточно сформированная выраженность потребности в лидерстве. Сравнение симптомов ОСЦИ в данных группах показало, что наиболее массивные отличия выявлены в показателях интегративного индекса целостной индивидуальности и акмеологического статуса личности, т.е. в сфере ее гармоничности.

Таким образом, типологическое познание в дифференциальной психологии открывает перспективу создания новых методологических разработок, нового квазиэксперимента и новых путей реализации законов формирования и развития целостной индивидуальности в практике. В данном аспекте гармоничность индивидуальности может анализироваться в качестве предиктора континуальности сферы «Функциональная выносливость неспецифической активации — Гармоничность целостной индивидуальности — Акмеологический статус личности — Выраженность лидерства в социальной группе».

Полученные факты дополняют и валидируют положения субъектоцентрированной дифференциальной психологии (которые со все большим единодушием принимаются учеными и практиками) о том, что системный ракурс многогранных проблем индивидуальности в психологии индивидуальных различий создает новое проблемное поле, позволяющее перейти от постулирования «мозаичной» феноменологии манифестаций психического в жизнедеятельности к изучению закономерностей, связывающих разные их уровни в субъекте психической деятельности.

Подчеркнем, что типологическое познание в школе последователей Теплова–Небылицына за последние 40 лет выявило законы, которые должны стать отправными для экспериментальных и эмпирических работ в области индивидуальных различий. Так, неоднократно показано, что деятельность характеризуется особым строением функциональных органов: экспериментально фиксируемые здесь факторы психофизиологической «канвы» целенаправленной активности включают в себя свойства и особенности прошлого (генотип, онтогенез), настоящего (сравнение прогноза и реальности) и будущего (информационный эквивалент образа-цели) [16, 27]. В такие типологические факторы также включены объединенные общим генезом параметры облически распределенных свойств нервной системы, стратегий поведения, темповых и результативных характеристик предпочитаемой человеком деятельности. В частности, неожиданным стал факт объединения общим генезом показателей силы и лабильности нервной системы (со знаком «минус») при решении человеком когнитивной задачи [16]. Ранее в аналитической дифференциальной психологии было аксиоматично анализировать показатели и проявления каждого основного свойства нервной системы как ортогональные в системе трехмерных координат.

Новая, субъектоцентрированная дифференциальная психология теоретически и экспериментально в качестве объекта изучения рас-

смаатривает индивидуальность (которая всегда целостна). Открывается возможность диагностировать своеобразие целых континуальных сфер индивидуальной деятельности, выявляя, по словам В.Д. Небылицына, задатки своеобразия «сколь угодно важных особенностей психики». Это и понятно: «жесткие» звенья функциональных систем в виде структуры целостной индивидуальности в виде «гроздьев», «слитий» ее разноуровневых свойств являются инвариантной составляющей разнообразной целенаправленной активности человека. Такая континуальность этих свойств создает, через эмоциональное предпочтение каждым человеком определенных типологически значимых событий четкое своеобразие проявлений индивида и личности в широком спектре — по меньшей мере формально-динамической стороны жизнедеятельности. Содержательный же компонент индивидуальной деятельности, в большой степени испытывающий регуляторные влияния со стороны среды, социума, воспитания, образования конечно же непрямолинейно детерминирован законами формально-динамического его компонента. Но законы этого несомненного соотношения, будут открыты в дифференциальной психологии завтра...

4.9. Дифференциально-психоакмеологические условия развития кадров управления

Теоретико-прикладное исследование кадров управления в аспекте дифференциально-психологических особенностей, механизмов и факторов высших достижений личности на кафедре РАГС при Президенте РФ проведено не случайно, а по социальному запросу по поводу неблагополучия в психоакмеологии данной социальной группы. Профессионал подвергался здесь повышенному риску профессионального «выгорания», психосоматики, деструкциям и деформациям личности. Вместе с открытием дифференциальной акмеологии (2007 г.) встала проблема фиксации специфических «слитий» разноуровневых свойств индивидуальности, которые по своей природе дисгармоничны и поэтому способствуют неблагополучию в сфере высших психоакмеологических достижений кадров управления. Выделение таких «узлов» по технологиям дифференциальной акмеологии должно открывать причины дисгармоний индивидуальности, что является основой последующей психологической поддержки человека, способствуя типологически рациональному пути к АКМЕ.

Первый этап эмпирического исследования выделял с помощью корреляционного и факторного анализа существенные дифференциально-акмеологические детерминанты структуры «жестких» звеньев функциональных органов личности. (Корреляционный и факторный анализ, как известно, является своеобразным микроскопом диффе-

рениальной психологии, психофизиологии и дифференциальной акмеологии.)

В результатах демонстрируется факторное отображение взаимосвязей сфер «Индивидуальность — Интегративные параметры акмеологического благополучия развития личности управленцев» по данным сопоставления материалов обследования 37 управленцев. Отметим, что испытуемые, ранжируя степень близости к акмеологической вершине, выступали в качестве компетентных судей, поскольку они получали специализацию «акмеолог» и были компетентными специалистами в области психологии развития. Кроме того, объективности результатов способствовала и научно-познавательная мотивация обследования, и отсутствие отнесенности результата к конкретному слушателю.

Важно отметить, что в соответствии с данными корреляционного анализа характеристики акмеологического статуса личности (121 и 122) выявили множество статистически достоверных связей с синдромом признаков индивидуальности и ее гармоничности. Так, значимыми оказались связи с показателями 3, 4, 6, 9, 10, 13, 19, 25, 29, 31, 35, 38, 43, 44, 47, 49, 50, 54, 56.

Сжатие данных корреляционного анализа осуществлено с помощью факторного анализа, который, в соответствии с «плот-функцией», выделил для всех пяти фрагментов корреляционной матрицы пять значимых факторов. Разберем основные из них, содержание которых отражает и другие приведенные в приложении факторизации.

В фактор *M1* вошли следующие показатели — симптомы 1, 6, 13 по оценке гармоничности структуры целостной индивидуальности, а также субъективная оценка испытуемыми степени выраженности акме-признаков.

В фактор *A3* включен показатель 122 (субъективная оценка комфортности жизнедеятельности), который, по-видимому, имеет облическую форму и с большим весом (с выраженной тенденцией связи с фактором) входит в факторы *A1* и *A2* наряду с симптомами ОСЦИ.

Таким образом, по материалам исследования единым генезом оказались связанными формально-динамическая сторона акмеологической сферы личности и типологически обусловленное своеобразие структуры целостной индивидуальности. Особое значение для проблем дифференциальной акмеологии имеет тот факт, что общие факторы, связывающие единым генезом формально-динамические новообразования личности, включают не только интегративные параметры индивидуальности, но и ее отдельные симптомы. Типологическая константа акмеологически важной интеграции, гармонизации свойств индивида и личности наиболее отчетливо проявляется в целостных параметрах индивидуального переживания.

Полученные факты четко фиксируют многочисленные статистические связи изучаемых в дифференциальной акмеологии типологических сфер «Индивидуальность — Акмеологический статус зрелой личности — Удовлетворенность личности и компетентного окружения продуктивностью деятельности». Интерпретация полученных синдромов разноуровневых свойств индивидуальности при этом соотносит гармоничность—дисгармоничность фиксированных паттернов с акмеологическим благополучием взрослой личности. Оптимальные стратегии психокоррекционных технологий реабилитации личности должны отправляться от психодиагностики сложившейся структуры индивидуальности в единстве организмических, индивидуальных и общеличных свойств человека.

Для подкрепления и уточнения выделенных фактов (гармоничность индивидуальности соотносится с высоким акмеологическим статусом личности, а дисгармоничность — с ее акцентуациями, мешающими продуктивности профессиональной деятельности) мы привлекли к дифференциально-акмеологическому сопоставлению соответствующие характеристики — параметры профессионального (психологического) стресса и толерантности.

Принимая во внимание тот факт, что акмеологические науки являются интегративными и что «жесткие» звенья акмеологических функциональных органов (создаваемых при системообразующей роли высокой «планки» планируемых достижений) являются инвариантной составляющей широкого круга проективных проявлений зрелой личности, мы обобщили результаты конкретных исследований. Эмпирические исследования проведены на базе лаборатории психологического сопровождения развития личности кафедры психологии Социально-технологического института, а также на кафедре акмеологии и психологии профессиональной деятельности РАГС при Президенте РФ.

Первый этап эмпирических исследований дифференциально-акмеологических особенностей развития кадров управления реализован в проработке проблем профессионального стресса.

Стресс (от лат. *stress* — давление, напряжение) — термин, используемый для обозначения обширного круга состояний человека, возникающих в ответ на разнообразные экстремальные воздействия (стрессоры). Первоначально понятие стресса возникло в физиологии для обозначения неспецифической реакции организма («общего адаптационного синдрома») в ответ на любое неблагоприятное воздействие (теория Ганса Селье). Позднее это понятие стало использоваться для описания состояний индивида в неблагоприятных — экстремальных условиях на физиологическом, психологическом и поведенческом уровнях. В зависимости от вида стрессора и характера его влияния выделяют различные виды стресса, в наиболее общей

классификации — *физиологический* и *психологический стресс*. Последний подразделяется на информационный и эмоциональный.

Информационный стресс возникает в ситуациях информационных перегрузок, когда человек не справляется с задачей, не успевает принимать верные решения в требуемом темпе при высокой степени ответственности за последствия принятых решений.

Эмоциональный стресс возникает в ситуациях угрозы, опасности, обиды и пр. Данный вид стресса сущностно детерминирован личностным смыслом действий человека, а не только их содержанием. При этом различные его формы (импульсивная, тормозная, генерализованная) приводят к изменениям в протекании психических процессов, эмоциональным сдвигам, трансформациям мотивационной структуры деятельности, нарушениям двигательного и речевого поведения.

Стресс может оказывать как положительное, мобилизующее, так и отрицательное влияние на деятельность (дистресс), вплоть до ее полной дезорганизации. Поэтому оптимизация любого вида деятельности, включая профессиональную, должна включать комплекс мер, предупреждающих причины возникновения стресса.

В качестве стрессоров обычно анализируют факторы, вызывающие состояния стресса. Различают физиологические стрессоры — чрезмерная физическая нагрузка, высокая и низкая температура, болевые стимулы, затруднение дыхания и т.д. — и психологические стрессоры — действующие своим сигнальным значением: угрозой, опасностью, обидой, информационной перегрузкой и пр.

Труд человека в системах управления техникой и человеческим ресурсом связан с периодическим, а иногда и довольно длительным воздействием (или ожиданием воздействия) экстремальных значений профессиональных, социальных, экономических факторов, что сопровождается негативными эмоциями, перенапряжением психических и физиологических функций, деструкцией деятельности.

Исследователи отмечают неразработанность многих аспектов проблем стресса. Так, В.А. Бодров часто подчеркивал, что в литературе не всегда четко разграничиваются понятия стресса, дистресса, напряжения, напряженности, эмоционального стресса, профессионального стресса и т.д., что еще больше затрудняет изучение этой и без того довольно сложной проблемы.

Относительно анализа причин профессионального (психологического) стресса ученые вначале обратились к классификации стрессоров и экстремальных факторов. Специалисты считают, что наиболее полной и адекватной современному этапу развития учения о стрессе представляется классификация экстремальных факторов, данная В.Д. Небылицыным. В ней достаточно полно представлены внешние факторы (стрессоры), которые можно рассматривать как первичные источники напряжения и перенапряжения, а также внут-

ренные личностные факторы, которые опосредуют влияние первых и определяют особенности психологического отражения и оценки ситуации.

По определению В.Д. Небылицына, экстремальные раздражители представляют собой крайние (предельные) значения тех элементов ситуации, которые создают оптимальный или неоптимальный (стессогенный) фон для текущей деятельности или, во всяком случае, не вызывают ощущения дискомфорта. Однако в зависимости от индивидуального типа психической реактивности (активированности) одно и то же объективно экстремальное воздействие вызывает существенно различные реакции.

Таким образом, причины выделения профессионального стресса с самого начала были достаточно абстрактными. Зная неспецифическую природу стресса, трудно вообразить, что стресс токаря резко отличается от стресса уборщика или оператора. Так, В.А. Бодров практически отождествлял информационный, профессиональный, психологический стресс (эти понятия всегда давались как рядоположные). Ученый справедливо отмечал, что разновидностью профессионального (рабочего, психологического) стресса является информационный стресс в операторской деятельности. Причины его возникновения связаны с факторами рабочего процесса, если там присутствуют экстремальные ситуации. Нарушения информационно-когнитивных процессов рассматриваются в качестве возможных механизмов совладания человека со стрессом (здесь справедливо назвать еще десяток факторов в дополнение к информационно-когнитивным симптомам). Далее делается бездоказательный вывод о том, что развитие информационного стресса у человека-оператора связано не только с особенностями его рабочего процесса, но и с самыми различными событиями в его жизни, с разными сферами его деятельности. Задатки и индивидуальные различия стресса и стрессоустойчивости классиками не изучались.

Области стресса в нашей жизни — по Р.Т. Вонг — включают внутренние ресурсы с внутриличностным стрессом в качестве их компонента, вокруг которых на равных правах расположены: финансовый стресс, а также стресс экологический, личностный, семейный, общественный, рабочий [27, 97].

Таким образом, непременными атрибутами данных синдромов являются жизненные события человека («Я-сила», «умственная сила», психическая энергия, внутренние ресурсы), снижение которых вызывает уязвимость к психосоматическим расстройствам, страху, отчаянию, депрессии, негативное отношение ко всему окружающему личность, внутреннее смятение. Сюда входят несбывшиеся ожидания, нереализованные потребности, бессмысленность и беспечность поступков, болезненность воспоминаний, неадекватность оценки событий и т.д.

Сюда относится и область межличностного стресса — взаимодействие с другими людьми и их оценка оказывают существенное воздействие на восприятие, переживание, отношение к событиям и явлениям внешнего мира. Личностный стресс как составляющая профессионального стресса отражается в нарушении социальных ролей и предписаний, таких как роль рабочего, служащего и т.п.; он проявляется в нарушении здоровья, плохих привычках, скуке, сексуальных трудностях, старении, уходе на пенсию, увольнении с работы...

Таким образом, профессиональный (психологический) стресс — по материалам анализа литературных источников — является интегративным явлением, которое имеет практически труднообозримую содержательную специфику, но содержит инвариантный компонент в формально-динамической стороне стресса. Этот аспект профессионального стресса, отражающийся в структуре индивидуальности, стал предметом эмпирической части дипломного исследования, выполненного на модели депривации профессиональной деятельности, осложненной отрицательным отношением окружения к изменению материального и социального статуса человека.

С этих позиций стресс является не столько реакцией на физические свойства ситуации и содержание деятельности (труд, учение, познание, общение и т.д.), сколько интеграцией рассогласования потребностной и реально достижимой детерминации жизнедеятельности, опосредствованной гармонией сложившейся структуры целостной индивидуальности.

Таким образом, стресс как особое психическое состояние связан с зарождением и проявлением эмоций, он детерминируется и отражается в мотивационных, когнитивных, волевых, характерологических и других компонентах личности. Именно поэтому феномен психологического (профессионального) стресса требует специального психологического изучения с позиций принципа системности, диктующего интегративность и целостность функциональных структур психики, где особая роль принадлежит гармоничности—дисгармоничности структур целостной индивидуальности. Материалы конкретных исследований в русле дифференциальной психологии индивидуальности демонстрируют эти выводы [27, 28].

В комплексе дифференциально-психологических исследований управленцев соотносились параметры оценки структуры целостной индивидуальности (ОСЦИ) и ряда общеличных тестов. Были получены следующие результаты.

Основной профиль клиентов по методике СМЛ характеризуется явно выраженной шизоидной акцентуацией (8-я шкала с гипостеническим типом реагирования, 7-я шкала: повышенная тревожность, стремление уйти от реальных проблем, преобладание мотивации избегания неудач, подвластность средовым влияниям, т.е. стремление

передать инициативу в другие руки). Повышенная 8-я шкала выявляет обособленно-созерцательную личностную позицию, несколько необычный склад мышления, уход от активных действий. Шизоидам с гипостеническим типом реагирования свойственны повышенная чувствительность и пугливость, чувство растерянности и замыкания на самом себе. Поэтому неудивительно повышение по 5-й шкале, поскольку растет желание быть полезным и нужным, принятым и понятым. Однако нарастание шизоидного аффекта приводит к несвоевременным по ситуации, неадекватным вспышкам агрессивности.

Ситуация трудных периодов профессиональной деятельности воспринимается данным психологическим типом (с профилем 875) как некоторая безвыходность, безнадежность и обреченность потому, что эмоционально-коммуникативные связи с внешним миром у них затруднены и все проблемы переживаются ими на внутреннем уровне, переживания абстрагируются и интеллектуализируются. Поэтому они ощущают себя в замкнутом круге. Существует некоторая разница в профиле по 1998 и 1999 г. В 1999 г. общий профиль опустился. По-видимому, снижение профиля у долго не работающих управленцев объясняется тем, что их внутренние проблемы вытесняются из сознания, усугубляя тем самым внутриличностные конфликты и погружая личность в глубокое депрессивное состояние, сопровождающееся невротическими нарушениями.

Согласно данным конкретных исследований, трудности профессиональной деятельности управленцев, длящиеся более 6 месяцев при условии неопределенности будущего прогноза, ведут к формированию неверия в свои силы, неспособности что-либо изменить в своей судьбе, чувства фатальности бытия. Интернальность в области достижений у управленцев представлена относительно высокими показателями (средний балл — 5) — обследуемые считают, что за свои достижения они ответственны в большей мере, чем за свою судьбу, им в какой-то мере везло: кто-то вовремя помог, «улыбнулась» фортуна, но где-то и сами чего-то смогли добиться. Они надеются, что еще можно достичь каких-то результатов в жизни с чьей-то помощью. Во всех своих неудачах обвиняют других людей, неотвратимость жизненных взлетов и падений (интернальность в области неудач — 3,8 балла), т.е. даже не могут себе представить, что сами виноваты в своих неприятностях. Можно сказать, что у них ярко выражена мотивация избегания неудач, мотивация достижений отсутствует. В семейных отношениях принимают на себя роль ведомого, сильно привязаны к близким людям и чувствуют по этому поводу беспокойство (интернальность в области семейных отношений — 4,5 балла).

На работе лица, относящиеся к данной группе управленцев, склонны были идти за лидером, не принимать на себя ответственность за решение управленческих проблем (интернальность в облас-

ти работы — 4 балла). В межличностных отношениях клиенты занимали оборонительную позицию, они зависимы от других и не способны изменить характер взаимоотношений со значимыми другими (интернальность в области межличностных отношений — 5,2 балла). Свое здоровье оценивают как нормальное, поскольку средние баллы по шкале здоровья равны 6. Указанным условиям соответствует, на наш взгляд, концепция локуса контроля, предложенная американским психологом Дж. Роттером.

Локус контроля — это качество, характеризующее склонность человека приписывать ответственность за результаты своей деятельности внешним силам (другим людям, обстоятельствам) или собственным способностям и усилиям. В первом случае локус контроля называют внешним — экстернальным (соответственно, экстернальный психологический тип, или экстернал). Во втором случае локус контроля называют внутренним — интернальным (интернальный психотип, или интернал). Согласно Дж. Роттеру, локус контроля является устойчивым свойством индивида, формирующимся в процессе его социализации. Дж. Роттером разработан специальный тест, который позволяет количественно определять значение локуса контроля на шкале экстернальности—интернальности и выявить закономерную связь между локусом контроля и другими личностными характеристиками.

Экспериментально было показано, что интерналы более уверены в себе, последовательны и настойчивы в достижении поставленной цели, более склонны к самоанализу, уравновешенны, общительны, доброжелательны и независимы. Экстерналы, наоборот, проявляют неуверенность в своих способностях, неуравновешенность, стремление отложить реализацию своих намерений на неопределенный срок. Они тревожны, подозрительны, конформны и агрессивны. Интерналы и экстерналы различаются по способам интерпретации разных социальных ситуаций, в частности по способам получения информации и механизмам их каузального объяснения. Интерналы более активно ищут информацию и обычно более осведомлены о ситуации, чем экстерналы.

Описанные выше проявления личностных качеств интерналов и экстерналов можно наблюдать в стратегии поведения управленцев в трудных условиях профессиональной деятельности на рынке труда. Оба психологических типа встречаются с неодинаковой частотой.

Характерные признаки интерналов: они хорошо знают свои права и обязанности, а также требования, которые предъявляет к ним социум, умело используют его порядки в своих интересах, всем интересуются и активно ищут новую информацию, хорошо осведомлены о состоянии рынка труда (вакансий, оплаты и т.п.).

Теперь рассмотрим стратегию поведения экстерналов. Экстерналы пассивны в поиске изменений своей жизнедеятельности при не-

благоприятных условиях ее развития. В поиске более благоприятной работы они больше полагаются на случай, удачное стечение обстоятельств, чем на свои способности и активность. Экстерналы не проявляют особого интереса к информации о состоянии социума, не выполняют достаточно четко его требований. У них нет четких требований к будущему, не ясны их планы на будущее. У экстерналов заниженный уровень притязаний и повышенная тревожность.

Однако те из экстерналов, кто доволен своим положением (материально обеспечены и имеют свободное время), будут иметь меньший уровень тревожности по сравнению с теми, кто остро нуждается в переменах в своей биографии. У них должны наблюдаться стрессовые состояния, описанные Л. Пельцман. Этим экстерналам требуется психотерапевтическая помощь для повышения интернальности (уверенности в себе, улучшения самочувствия, повышения уровня притязаний). Психотерапевтические процедуры повысят их конкурентоспособность в социуме.

Исследования по методике Т. Лири среди женщин — клиентов Центра психологической безопасности индивидуальности «Акма» при Президенте РФ в возрасте от 30 до 55 лет показали, что основными психологическими тенденциями, характерными для женщин в системах управления всех возрастов, являются зависимость, альтруизм, подчиненность. Повышенная авторитарность и агрессивность у женщин в возрасте 30–37 лет, по-видимому, объясняется теми требованиями, которые предъявляются на сегодняшний день.

Результаты исследования лиц в системе управления при стрессогенности их условий с помощью методики ОСЦИ выявили следующее. Выраженность травматических уровней стресса с их проекцией в психосоматические расстройства четко коррелирует с дисгармоничной структурой целостной индивидуальности.

Третий этап прикладного исследования рассматривал в качестве сферы валидации методики ОСЦИ и в целом — технологий дифференциальной психологии — индивидуализированность присущего современному человеку свойства толерантности, которое сегодня в разных аспектах изучается в целом ряде психологических работ (А.Г. Асмолов и др.). Благодаря усилиям ЮНЕСКО в последние десятилетия понятие «толерантность» стало международным термином, важнейшим ключевым словом в проблематике мира.

Толерантность — важный компонент жизненной позиции акмеологически зрелой личности, имеющей свои ценности и интересы и готовой, если потребует, их защищать, но одновременно с уважением относящейся к позициям и ценностям других людей.

Актуальным в последнее время становится этнический аспект интолерантности. Кризис в нашей стране показал, что одной из самых уязвимых сфер человеческих отношений в трансформирующемся поликультурном обществе является сфера отношений между различны-

ми этническими группами. Зоны межэтнической напряженности, зараженные этнофобиями, этническим насилием, порождающим потоки мигрантов, с полным основанием можно назвать зонами «этнической интолерантности».

В настоящее время проблема формирования толерантности стоит особенно остро. Это объясняется целым рядом причин: резким расслоением мировой цивилизации по экономическим, социальным и другим признакам. Рост нетерпимости характерен и для фиксации религиозного экстремизма, обострения межнациональных отношений, вызван локальными войнами, связан с проблемами беженцев и т.д.

Типологический аспект многогранных проблем толерантности фиксирует формально-динамическую сторону индивидуальных различий. Здесь толерантность целесообразно анализировать через фиксацию определенного неблагоприятия человека в трудных ситуациях жизнедеятельности. Такой ракурс синдрома толерантности не может не выделять четкую проекцию дисгармоничности экологических «ниш» индивидуальности человека при депривации профессиональной деятельности (данные обстоятельства резко усиливают стрессогенность жизнедеятельности, четко фиксируя определенные акмеологические особенности, присущие скорее в неявной форме и в фоновых ситуациях.)

Примененный в обследовании метод ОСЦИ, как уже отмечалось, относится к методам диагностики достаточно устойчивых, конституциональных, в определенном смысле — природных различий между людьми, интегративность которых является инвариантной составляющей сколь угодно важных особенностей человеческой психики.

Результаты обследования 57 управленцев (в эмпирической части обследования, выполненного под руководством профессора Т.Ф. Базылевич, приняли участие аспиранты В.Ф. Кордюков и Е.А. Данилова) при депривации профессиональной деятельности выявили массивные, статистически значимые связи симптомов и шкал ОСЦИ и признаков толерантности. Отмечены значимые ранговые корреляции ($0,05 < \rho < 0,001$) между характеристиками толерантности и шкалами ОСЦИ. В частности, выделены следующие статистически значимые связи.

Симптом толерантности № 5: «Рабочие места вынужденным переселенцам и беженцам должны предоставляться только по остаточному принципу независимо от их квалификации и опыта работы» — отрицательно коррелирует со следующими шкалами ОСЦИ:

- шкала 2 (лабильность, подвижность);
- шкала 5 (функциональная выносливость (предметная)).

При этом меньшее значение функциональной выносливости в предметном плане и меньшая лабильность, подвижность индивида коррелируют с большей выраженностью признания того, что рабочие места должны предоставляться местному населению. Таким об-

разом, данные утверждения характерны для лиц с низкой функциональной предметной выносливостью, менее лабильных. По-видимому, отмеченное своеобразие целостной индивидуальности способствует малой выраженности способности изменять свои взгляды под влиянием быстро изменяющейся обстановки, что приводит к быстрой утомляемости от предметных нагрузок в жизнедеятельности. Их стереотипы мышления, вероятно, сохраняют стереотипы доперестроечного периода.

Симптом толерантности № 10: «Надо запретить работать пенсионерам — рабочих мест и так не хватает!» — статистически соотносится со шкалой 4 (по ОСЦИ).

В данном случае коэффициент корреляции отрицательный. Менее импульсивные люди склонны настаивать на том, чтобы запретить работать пенсионерам. В своей ситуации безработицы они обвиняют работающих пенсионеров, считая, что из-за них не могут найти себе достойную работу. Это связано с формированием определенной ригидности мышления.

Симптом толерантности № 12: «Мне трудно найти общий язык с партнерами иного интеллектуального уровня, чем у меня» — отрицательно соотносится со следующими шкалами ОСЦИ:

- шкала 1 (интегральный индекс индивидуальности);
- шкала 6 (функциональная выносливость к общению).

Люди, которые с трудом находят общий язык с партнерами иного интеллектуального уровня, менее выносливы к общению, имеют меньшие значения интегрального индекса целостной индивидуальности.

Симптом толерантности № 14: «Меня раздражают любители поговорить» — имеет корреляции со следующими шкалами ОСЦИ:

- шкала 1 (интегральный индекс индивидуальности);
- шкала 6 (функциональная выносливость к общению).

Испытуемые, которых раздражают «любители поговорить», менее выносливы к общению. У них также меньший интегральный индекс индивидуальности.

Симптом толерантности № 16: «Обычно я с трудом приспосабливаюсь к новым партнерам по совместной работе». Знак корреляции отрицательный:

- шкала 1 (интегральный индекс индивидуальности);
- шкала 4 (импульсивность);
- шкала 6 (функциональная выносливость к общению).

Люди, с трудом приспосабливающиеся к новым партнерам по совместной работе, функционально менее выносливы к общению, менее импульсивны, имеют меньший интегральный индекс индивидуальности.

Симптом толерантности № 18: «Я долго помню нанесенные мне обиды теми, кого я ценю или уважаю». Получена корреляционная связь со шкалой социальной желательности:

- шкала 7 (социальная желательность).

В данном случае социальная желательность имеет обратную корреляцию с симптомом злопамятности, которая не одобряется моральными принципами христианского, гуманистического общества. Данный симптом подразумевает лживость, обман, желание соответствовать общепринятым нормам и в то же время — несогласие с ними.

Корреляционный анализ показывает, что между величинами толерантности и ОСЦИ существуют отрицательно направленные статистические связи. Налицо существование ранее неизученного аспекта толерантности, ее индивидуализированность, выражающаяся в статистической зависимости от симптомов целостной индивидуальности.

Человек обладает определенными паттернами свойства, и различные симптомы толерантности фиксированы на определенные типологические симптомы. В зависимости от индивидуальности человек, возможно, в качестве своеобразной психологической защиты фиксируется на разных проявлениях толерантности. По-видимому, психокоррекция, призванная помочь людям в оптимизации психического развития личности, должна учитывать этот факт.

Полученные данные указывают на то, что симптомы толерантности не обладают монометричностью. Различные симптомы толерантности гетерогенны и связаны с различными сферами индивидуально-типологических признаков целостной индивидуальности.

Выделение сущностных детерминант выделенных корреляций было осуществлено с помощью факторного анализа.

По результатам факторного анализа матриц интеркорреляции характеристик ОСЦИ и симптомов толерантности после ротации были выделены три группировки значимых параметров, которые составили три значимых фактора.

1-й фактор. Фактор проявления дисгармоничности в признаках толерантности и экологической «ниши» индивидуальности. В фактор вошли:

- интегральный индекс индивидуальности ($-0,699$);
- импульсивность ($-0,743$);
- функциональная выносливость к общению ($-0,737$);
- 12(0,726). Мне трудно найти общий язык с партнерами иного интеллектуального уровня, чем у меня;
- 14(0,486). Меня раздражают любители поговорить;
- 16(0,686). Обычно я с трудом приспосабливаюсь к новым партнерам по совместной работе.

2-й фактор. Фактор отражения ригидности, эмоциональной пролонгированности отрицательных эмоций, проявляющийся в отношении к людям другого этноса. Конкретные симптомы данной группы взаимосвязанных показателей:

- 4(0,757). Я не могу найти работу, потому что все приличные места заняты приезжими из других городов, стран;
- 9(0,751). Мусульманство — опасная религия, которую нужно запретить на территории России;
- 18(0,602). Я долго помню нанесенные мне обиды теми, кого я ценю или уважаю.

3-й фактор. Фактор дисгармоничности экологической «ниши» индивидуальности и проявление такой же дисгармонии в симптомах толерантности.

Фактор составили следующие параметры.

- планирование деятельности (-0,532);
- функциональная (предметная) выносливость (-0,616);
- 15(0,653). Безупречный во всех отношениях человек насторожил бы меня.
- 6(0,518). Обычно я надеюсь, что моим обидчикам достанется по заслугам.

В фактор 1 помимо симптомов толерантности вошли факторы ОСЦИ (интегральный индекс индивидуальности, импульсивность, функциональная выносливость к общению). В структуре индивидуальности людей, потерявших работу, отмечается:

- снижение инициативности;
- низкий уровень импульсивности;
- замыкание на привычном узком круге общения;
- истощение энергетических ресурсов в сфере общения (усталость и раздражительность от пребывания даже в приятной компании, необходимость полного уединения для занятий).

В факторе 2 общим генезисом связаны показатели симптомов толерантности. Этот фактор вскрывает ригидность, мстительность, эмоциональную неустойчивость, нетерпимость к лицам иного этноса и другие психологические новообразования, возникающие у человека.

Фактор 3 составляют показатели ОСЦИ и симптомов толерантности. Этот фактор указывает дисгармоничность экологической «ниши» индивидуальности человека в трудных условиях жизнедеятельности (низкое планирование деятельности, малая предметная выносливость) и симптомов толерантности (желание мести обидчикам, настороженность по отношению к безупречным людям). Данные паттерны свойств в определенной мере мешают, по-видимому, созданию оптимального контура регуляции жизнедеятельности и нуждаются в коррекции.

Традиционный подход к изучению индивидуальных особенностей людей при стрессогенности трудовой деятельности фиксирует отрицательные стороны жизнедеятельности, здесь отсутствует конструктивность рассмотрения синдромов индивидуальных свойств. Концепция целостной индивидуальности позволяет конструктивно —

в дифференциально-акмеологическом ракурсе — анализировать целостность и уникальность каждой личности, которая, находясь в стрессогенной обстановке, обладает не только отрицательными, но и положительными характеристиками.

Структура целостной индивидуальности человека при депривации результативной деятельности из-за ее пролонгированной стрессогенности включает в составе «жестких» звеньев элементы толерантности:

- содержание компонентов толерантности управленца включает блок симптомов, структурированных в дифференциально-акмеологические проявления целостной индивидуальности;
- индивидуальные характеристики целостной индивидуальности влияют не только на формально-динамические характеристики толерантности, но и на содержательные ее блоки;
- разноуровневые свойства индивидуальности соотносятся с симптомами толерантности, выделяя ее гетерогенность. Различные симптомы толерантности фиксированы на определенные типологические параметры.

Резюмируя вышеизложенное, можно утверждать, что совокупность полученных материалов приводит к необходимости детально рассматривать комплекс признаков, связанных с механизмом выработки иррациональных — типа толерантности — средств психологической защиты.

Четвертый этап эмпирического исследования выявлял специфику свойств и качеств управленцев, которые резко различаются акмеологическим статусом развития личности при тождественности социально-материальных условий индивидуального развития. Для этого двумя способами были сформированы «крайние группы» испытуемых. Во-первых, данные группы фиксировались на основе выраженности суммарного балла по опроснику РАГС. Кроме того, «полюсные» группы включали управленцев с нормой социальной желательности по методике ОСЦИ. В суммарный индекс акмеологического статуса личности также включался индекс субъективного ранжирования уровня акмеологического развития (методика ранжирования описана в п. 2.2). Таким образом, из 123 управленцев отобраны в «полюсные» группы по 20 испытуемых. В данных группах сравнивали симптомы и соотношение шкал ОСЦИ и данные по комплексу характеристик, входящих в комплексное обследование.

Результаты сравнения достаточно однозначны. Выявлено, что обе группы составлены представителями как первого, так и второго типа целостной индивидуальности. (Здесь подтвердилось правило, что нет хороших и плохих индивидуальностей, есть разные способы индивидуализированной регуляции человеком своей деятельности.) Однако «полюсная» группа испытуемых с высоким акмеологическим статусом личности имеет крайне высокие и крайне низкие показате-

тели интегративного индекса целостной индивидуальности. Это означает, что данная структура индивидуальности имеет компенсаторные и синергические связи в структуре соотнесения свойств, что позволяет опираться в регуляции жизнедеятельности на свойства, активирующие продуктивность деятельности, и нивелировать отрицательные стороны задатков способностей личности.

Таким образом, материалы конкретных эмпирических исследований демонстрируют массивные статистические связи типологических сфер «Акмеологическое развитие на пути к высшим достижениям личности — Целостная индивидуальность — Деформация личности», доказывая континуальность данной сферы.

Коротко резюмируя результаты проделанной теоретико-эмпирической работы, отметим следующее.

Традиционный подход, который фрагментарно определяет отдельные организмические, индивидные и личностные свойства, в практике может эффективно реализоваться в анализе пассивных форм взаимодействия человека с миром. Концепция дифференциально-психоакмеологических основ формирования целостной индивидуальности расширяет внедрение индивидуального подхода в практику субъекта психической деятельности.

При изучении психоакмеологии индивидуальных различий как интегративной науки было выделено новое проблемное поле, раскрывающееся в анализе отрицательных и положительных сторон сложившихся синдромов индивидуальности. Человек, находящийся в ситуации стресса (например, при депривации успехов в профессиональной деятельности), остается целостной, развивающейся личностью, способной к продуктивной деятельности.

Выявлены отрицательно направленные корреляции в структуре целостной индивидуальности и толерантности. Доказано, что определенные симптомы толерантности фиксируются на определенных типологические синдромы дифференциальной психоакмеологии зрелой личности. Факторный анализ показал зависимость сфер «Толерантности» и «Целостной индивидуальности», что подтверждает их общий генез.

Отдельный этап изучения дифференциально-психологических основ развития кадров управления составили материалы обследования своеобразия индивидуальности в группах разного сложившегося уровня акмеологического развития, параметры субъективной оценки близости акмеологического развития к вершине АКМЕ, оценки комфортности жизнедеятельности (в их связи с интегративным проявлением профессионального стресса управленцев), интолерантности и наличного акмеологического статуса.

Интерпретация материалов обследования основывалась на соотнесении индивидуальных результатов с нормативной гармоничной структурой целостной индивидуальности, которая определяется эв-

люционно-системными законами формирования типологических синдромов. При этом выделяются два «полюса», в которых значимость имеют не отдельные свойства, а их сочетания в объективно фиксируемых синдромах. Их содержание позволяет выделять в акмеологических координатах гармоничность — дисгармоничность сочетания свойств индивида и личности, что дает возможность планировать акмеологически ориентированную поддержку личности в процессе постижения АКМЕ.

Использованный метод субъективного шкалирования факторов индивидуальной жизнедеятельности в типологически значимых ситуациях показал в дифференциальной психологии свою валидность. В лонгитуде на «крайних» группах испытуемых методом компетентных судей оценивались также эффективность, результативность, продуктивность деятельности управленцев и индивидуализированные предикторы фиксируемого акмеологического статуса личности.

Методами корреляционного и факторного анализа выявлено, что субъективные переживания акмеологического ранга личности коррелируют с интегративным индексом целостной индивидуальности и в меньшей степени — с отдельными ее симптомами.

Подводя итог представленному прикладному исследованию акмеологических аспектов дифференциально-психологических факторов управленцев, отметим многочисленные факты существования в структуре индивидуальности предикторов профессиональной деятельности и жизнедеятельности человека в целом.

4.10. Дифференциально-психологическая концепция центров акмеологической поддержки индивидуальности

Актуальность прикладных исследований в области дифференциальной психологии определяется современными требованиями к безопасности акмеологического здоровьесберегающего оптимального развития человека в современном обществе, переходящего от эпохи «масс» к эпохе индивидуальностей с доминантой инновационного способа продуктивного развития личности. Социальная значимость развернутых работ, прорабатывающих остроактуальные социальные вопросы дифференциальной психологии, очевидна. Общепсихологические законы преломляются в деятельности (ее результативности, эффективности, продуктивности, стрессогенности) через интегративные ресурсы зрелой индивидуальности и личности. Чем выше экологический (сохраняющий безопасность жизнедеятельности) потенциал целостной индивидуальности, тем в большей

степени психическое развитие человека приобретает созидательный, творческий характер.

Данный аспект проблем современной дифференциальной психологии поднят в цикле специальных работ, проведенных в Академии при Президенте РФ. В одном из эмпирических исследований оценивали гармоничность целостной индивидуальности как предиктор дифференциально-акмеологических факторов профессионального «выгорания» [22, 24, 25]. Выраженность данного синдрома дифференциально-психологических различий связана с чрезвычайной трудностью и травматичностью обычных ситуаций жизнедеятельности профессионала в условиях современного социума. Очевидна общественная значимость понимания причин его фиксации в период стрессогенной для человека субъективной неопределенности прогноза будущего. Характерные для данных обстоятельств и пагубные для экологической безопасности жизнедеятельности пролонгированные состояния операциональной и эмоциональной напряженности (с субъективной дискомфортом событий жизнедеятельности, тревожностью, потерей смысла жизни и работоспособности) сказываются в деформации профессионального становления, деструкциях личности, в снижении продолжительности и качества жизни и продуктивности профессиональной деятельности.

Психологические причины лежат в основе деструктивных явлений человека и общества, угрожающих их безопасности. К ним относят: зависимость от наркотиков, алкоголя, табакокурения; компьютерную и игровую зависимость; все возрастающую смертность от алкоголя и психосоматики (ИБС, рак, радикулит, язва и т.д.); сниженную рождаемость; низкую продолжительность жизни; возрастание деструкций личности, ее интолерантности, враждебности, агрессивности. Президент РФ назвал алкоголизм самой острой проблемой современной России.

Есть веские причины в основе перечисленных проблем рассматривать дисгармонию свойств индивидуальности, которая всегда целостна. За последние 30 лет собран материал, показавший, что для подверженных дисгармониям индивидуальности лиц типичны следующие признаки: выраженность эколого-психического «выгорания» (диссертация А.В. Бутылина, М.: Изд-во РАГС, 2009) деформации в становлении профессионала (диссертация В.Ф. Кордюкова, М.: Изд-во РАГС, 2006) потеря смысла жизни и деформации мотивационной сферы человека (диссертация Ю.В. Дорошенко, М.: Изд-во РАГС, 2006), низкий акмеологический статус личности и потеря влияния на речевое развитие ребенка (диссертация Т.В. Колядиной, М., РГСУ, 2009), неразвитость способностей и социально-психологической адаптации студентов вуза (диссертация Е.А. Хакимзановой, М., РГСУ, 2008).

Данный синдром признаков связан с низкой работоспособностью (как умственной, так и физической), неспособностью усваивать новые знания и приобретать новые навыки; чрезмерной обидчивостью и раздражительностью (легко переходящими в агрессию), либо, наоборот, с полной апатией и благодушием; сужением круга интересов; огрубением личности (например, потерей безразличности, моральных принципов, злым юмором и т.п.). Как результат — резкое ухудшение здоровья: разнообразные заболевания пищеварительного тракта и сердечно-сосудистой системы, суицидальные настроения, расстройство сна, депрессия, рак, радикулит, психосоматика. Характерны проблемы во взаимоотношениях с другими людьми: семейный разлад, конфликты на работе. Типичным явлением стала потеря положения в обществе: переход на менее квалифицированную работу, позже — к случайным заработкам. В результате — повышенный риск внезапной смерти в результате инфаркта, инсульта, производственной травмы, дорожно-транспортного происшествия, отравления, действий преступников и т.п.

В итоге каждый третий человек испытывает затруднения в адаптации к социально-психологической среде, имеет недостаточно развитое проблемное мышление, обнаруживает дефицит творческого подхода к деятельности, сталкивается с трудностями в общении. В психологической поддержке оптимального развития интеллектуальных, коммуникативных, организационных и других личностно-профессионально важных качеств нуждается практически каждый россиянин.

Выдвигаемые практиками причины деструктивных для индивидуальности и общества явлений, как правило, субъективны. Здесь называются самые разнообразные причины, включающие, например, трудности приспособления к условиям среды или же слишком легкую, или трудную, жизнь, конфликт с окружением или слишком полное благополучие, неудовлетворенность всем, одиночество или же перенапряжение общением с широким кругом людей, непонятность мироздания, общее утомление или же недогруженность интересной работой, робость или же полная раскованность в общении, осознание своей неполноценности и другие обстоятельства, как бы вызывающие чувство психологического дискомфорта, временно облегчаемое действием спиртного. Часто рассматриваются такие машинообразные условия, как зомбирование, «промывание мозгов», контроль сознания, деструктивные культы, тоталитарные секты, манипулирование психикой, психология насилия, программирование и депрограммирование сознания, информационные психологические войны, эффективность психотерапевтических техник и т.п. С этих позиций человека при фиксации деструктивных синдромов часто объявляли больным со всеми вытекающими последствиями этого медицинского диагноза (хотя всем известно, что ни один такой боль-

ной не излечился с помощью имеющихся манипулятивных технологий). Основные же детерминанты деструкций — психологические, социально-психологические, психогенетические, типологические — в силу идеологического прессинга на человекознание по сути дела, были запрещенными для объективного изучения.

Проблемы психологии безопасности являются для психологии одной из двух государственно приоритетных тем. В законе Российской Федерации «О безопасности» безопасность определяется как защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Жизненно важные интересы представляет собой совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства (1992). Синдром «выгорания», и другие травмирующие, очевидно, деформируют базовые потребности и способности профессионала, ведут к невосполнимым потерям в реализации способности и одаренности в профессиональных качествах и жизнедеятельности — в целом.

В общей теории безопасности государства, в научно-исследовательских работах по безопасности профессиональной деятельности в числе основных понятий рассматриваются: «безопасность», «защищенность», «субъекты и объекты безопасности», «методы обеспечения безопасности», «опасность», «угроза», «деструктивная сила или фактор опасности», «стабильность», «риск», «ущерб», «надежность» и др.

Безопасность как состояние сохранности, надежности предполагает поддержание определенного баланса между негативным воздействием на субъекта среды и его способностью преодолеть это воздействие либо собственными ресурсами, либо при помощи соответствующих, специально для этого созданных органов или механизмов. Безопасность в этом смысле следует интерпретировать как свойство системы. В этом смысле она обеспечивается стабильностью, живучестью, устойчивостью (выносливостью) жертвы.

Концепция национальной безопасности в качестве основной ее составляющей включает социальную безопасность. Сюда включены медицинская, генетическая, психологическая, потребительская, пенсионная и т.д. безопасность.

Первые результаты исследований в сфере психологической безопасности индивидуальности (гл. 4) могут дополнять концепцию национальной безопасности, доказательно подчеркивая роль гармоничности внутренних условий субъекта психической деятельности в создании безопасности индивидуальности индивида и личности.

Примеры прикладных исследований, использующих субъектоцентрированные технологии дифференциальной психологии и получивших ценную информацию практического значения, приводятся в параграфах гл. 4 данного учебника.

Резюмируя представленные в книге теоретические и экспериментальные результаты дифференциально-психологических исследований, отметим их обобщенный радикал, важный для понимания конкретных прикладных работ.

Априорные положения эффективного субъектоцентрированного изучения психики человека в теории и на практике представляются в следующих обобщающих пунктах.

1. Все проблемы человека (психического детерминизма сколь угодно важных параметров своеобразия деятельности), их теоретические, методологические и практические аспекты могут позитивно прорабатываться только на основе знаний специфических законов формирования и развития психики. Особое место здесь занимает индивидуальность как новый объект дифференциальной психологии.

2. Аналитическая стадия познания отдельных свойств, состояний и процессов живых функциональных систем (органов) субъективно «отчленила», не рассматривала их целостности, где «отдельности» взаимодействуют получению планируемого в образе-цели будущего результата поведенческого акта, реализации мотивов и потребностей личности.

3. Аналитическая стадия познания законов психики привлекательна возможностью четко ставить простые (понятные здравому смыслу) задачи, имеющие линейные способы их решения в духе теорий психофизиологического взаимодействия, тождества, параллелизма. Вместе с тем получаемые знания привели к массе тупиковых позиций: необозримости и несистематизируемой множественности фактов; их ситуативности, вариативности; непредсказуемости будущих событий и др.

4. Появилась необходимость создания новых парадигм познания, отправляющихся из очевидной системности психического, встал вопрос о нерациональности живых комплексов (функциональных систем) в активной динамике по направлению к реализации вектора «Образ – Цель – Мотив – Потребность».

5. Такой системный ракурс многогранных проблем дифференциальной психологии и психофизиологии основан на общепсихологическом законе: внешние (часто социальные) причины действуют на поведение и психику не прямо и непосредственно, а опосредованно — сквозь призму внутренних условий субъекта психической деятельности.

6. «Жесткие» звенья этих внутренних условий составляют синдромы индивидуальности, которая всегда целостна (она детерминирована интегративностью характеристик активной психики, а также взаимодействием разноуровневых ее свойств при получении будущего результата информационного эквивалента образа потребного будущего).

7. Разработанная в дифференциальных областях психологии теория целостной индивидуальности позволяет на место безграничной «мозаики» свойств, состояний, функций поставить унитарные реальные характеристики структуры индивидуальности. Их можно диагностировать с помощью квазиэксперимента ОСЦИ, выделить гармоничные и дисгармоничные сочетания свойств: прошлого (генотип — онтогенез), настоящего (рассогласование прогноза и реальности) и будущего (параметры Образа — Цели — Мотива).

8. Конкретные разработки прикладных аспектов теории целостной индивидуальности позволили доказательно заключить, что любые практические социобиологические проблемы человека и человечества требуют обращения к законам дифференциальной психологии, к ее развитию в субъектной психологии индивидуальности. Основу таких психокоррекционных работ составляет множество фактов о том, что не отдельные параметры психики детерминистически влияют на акмеологический статус человека, а мощное детерминистическое воздействие оказывает гармоничность целостной индивидуальности (ее можно просчитать по разработанным методикам в квазиэкспериментах, проведенных на основе концепции целостной индивидуальности).

9. Статистически значимые соотношения между сопряженностью — сочетанностью интегративных характеристик индивидуальности и акмеологическим благополучием организма, индивида, личности обусловлены эволюционно-системными законами развития психики, континуальностью ее функциональных органов.

Результаты теоретико-практических исследований в области субъектоцентрированной дифференциальной психологии целостной индивидуальности выявили, что стабилизация развития деятельности способствует четкой фиксации особого рода типологических механизмов реализации деятельности. Эти синдромы условно названы квазигенетическими, поскольку они, подобно генетическим феноменам, являются достаточно индивидуально-стабильными, но, вместе с тем, имеют единый генез с параметрами ситуации решения конкретной когнитивной задачи. Несомненно, такие необычные «слития» обусловлены системообразующим регуляторным влиянием на столь угодно важные индивидуальные особенности вектора «Мотив — Цель». Не случайно поэтому личностный смысл действий напрямую сказывается в механизмах реализации деятельности [27].

Данные квазигенетические синдромы, надо думать, обобщаясь, упрочаясь, не могут не составить основу «жестких» звеньев индивидуальной жизнедеятельности, сказываясь в эмоциональном контексте происходящего. В результате какие-то ситуации жизнедеятельности (например, монотоннообразные) вызывают у человека положительные эмоции, другие же обстоятельства (например, стрессогенные) — отрицательные чувства. Естественно, человек будет выбирать из широ-

кого ряда альтернативных прогнозов будущего развития те из них, которые принесут ему положительные эмоции и избавят от отрицательных. По-видимому, так проторяется линия жизни, где «жесткие» звенья целостной индивидуальности играют как бы условно детерминистическое значение.

Эти соображения экологического аспекта дифференциальной психологии позволяют говорить о возможности прогнозирования деятельности по «жестким» звеньям индивидуальности. Поэтому становятся высоковозможными прикладные аспекты дифференциальной психологии. В этой связи постоянно в конкретных исследованиях получают эмпирические данные о типологических факторах (предикторах, задатках) своеобразия разнообразных аспектов деятельности, начиная от дошкольного детства вплоть до возраста зрелой личности.

И еще одно обобщающее замечание к данной главе — начальные исследования типологических предикторов жизнедеятельности неполнены коррелятивными техниками с добавлением факторного анализа. Когда же директории объектов конкретных исследований в области системной дифференциальной психологии вынудили оперировать комплексами типологических факторов с логичным включением в них сиюминутной индивидуальной активности, стали необходимы понятия «латентные переменные», феномены, явления с обращением к континуальности сфер жизнедеятельности. Пришлось часто ссылаться на идеи А.В. Брушлинского о недизъюнктивности органических (живых) функциональных систем. Континуальность живых функциональных органов стала объяснительной ключевой идеей прикладных исследований, а психология целостной индивидуальности — основой эмпирической оценки сопоставляемых вариантов.

Контрольные вопросы

1. В чем заключаются ключевые идеи прикладных исследований в области дифференциальной психологии, осуществленных аналитическими и системными ее технологиями?
2. Каковы основы концепции службы психологической помощи человеку в трудных ситуациях личностного развития с опорой на законы дифференциальной психологии?
3. Чем обусловлена необходимость создания системотехник психологической безопасности индивидуальности?
4. Приведите примеры прикладных дифференциально-психологических исследований, реализующих законы субъектоцентрированной дифференциальной психологии.
5. В какой сфере практической деятельности используются знания законов субъектоцентрированной дифференциальной психологии в

сравнении с прикладным значением информации аналитического подхода?

6. Как соотносится структура индивидуальности родителя и речевое (психическое) развитие дошкольника?
7. Обобщите результаты прикладного исследования выраженности эколого-эмоционального «выгорания» у профессионалов с разным типом целостной индивидуальности.
8. Какие предикторы времени переделки навыка выделены в биоэлектрической активности мозга?
9. Можно ли прогнозировать успех в творческой профессии актера по «жестким» звеньям индивидуальности на пять лет вперед?
10. Какие характеристики индивидуальности важны для результативности, эффективности, оптимальности профессиональной деятельности госслужащего?
11. Какие факторы определяют профессиональную пригодность по работам К.М. Гуревича?
12. Основные сферы использования дифференциально-психологических знаний в практике.
13. Проанализируйте основные ключевые идеи создания центров психологической безопасности индивидуальности, использующих законы субъектной дифференциальной психологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судьба науки о сущностных составляющих современной дифференциальной психологии или — в аспекте вершинных достижений личности — психоакмеологии индивидуальных различий определяется добыванием таких фактов, которые открывают дотоле неведомые штрихи в «белых пятнах» типологического познания. Еще раз подчеркнем, что фундаментальная дифференциальная психология не может прогрессировать без «нанизывания» ее основных теорий, законов, понятий на типологический «стержень» — на индивидуально-стабильные, природные, конституциональные, генотипические характеристики целостной индивидуальности.

Эта очевидная сегодня в дифференциальной психологии своеобразная таксономия реальности феноменов психического трудно познается с помощью тестов, опросников, анкет и самонаблюдения, поскольку не исчерпывается линейными связями в рамках психофизиологического взаимодействия, тождества, параллелизма. Эволюционно-системные, системно-исторические законы единства свойств индивида и личности в поведении диктуют особую специфику теории, методологии и психотехнологии новой субъектной дифференциальной психологии. Объектом теоретических и эмпирических исследований неминусом становится индивидуальность, которая всегда системна — целостна, интегративна.

Системные исследования индивидуальности постоянно убеждают психологов и практиков в реальном существовании задатков, предикторов деятельности. Более того, неоднократно выявлено, что задатки планируемого поведения постоянно содержат в своих синдромах «слития», «гроздь» разноуровневых свойств человека — индивидуальных и общеличностных.

Сегодня уже становится общепринятой аксиома о влиянии (подчас решающем) на эффективность, результативность деятельности сопряженности составляющих таких типологических синдромов, диктуемой гармоничностью структуры целостной индивидуальности. Прошли те времена, когда априорно постулировалось отсутствие задатков субъект-объектной и субъект-субъектной активности и имелись широкие возможности манипулирования психикой со стороны образования, воспитания, обучения и нравовучений о пользе служения обществу и вреде невыполнения его норм. Не оправдали себя попытки по идеологической разрядке сделать массы людей высокорезультативными в жизни вне связи постижения АКМЕ с индивидуально-типологическими особенностями.

В противовес стереотипам околонучных представлений прошлого все больше психологов и практиков убеждаются, что градиент детерминации «от внутреннего — к внешнему» не менее важен в инно-

вационном человекознании и, в частности, в научной проработке проблем психоакмеологии. Новым объектом ряда дифференциальных психологических наук в этой связи становится индивидуальность, воспринимаемая сейчас в обществе как бесценное богатство. Она обладает качеством гармоничности — дисгармоничности, открывающимся в соотнесенности свойств индивида и личности в субъекте психической деятельности (разработка соответствующих психотехнологий оценки экологических «ниш» целостной индивидуальности начата в последние 20 лет, что отражено в научных публикациях [обобщение в монографиях — 27, 28]).

Конкретные исследования последних лет в дифференциальной психологии показали, что интегративные признаки индивидуальности сказываются в сколь угодно важных индивидуальных различиях и, по-видимому, могут прогнозировать оптимальность психического развития личности. Отсюда логически рационально и заманчиво было гипотетически предположить, что именно открытые в типологических системных исследованиях законы должны стать ключевыми для построения фундаментальной дифференциальной психологии в ее субъектоцентрированном ключе. Оставалось только прорабатывать и наращивать потенциал теорий, методологии, законов и практики дифференциальной психологии, что отражено в учебнике. Наиболее результативно такого рода системные исследования реализованы в субъектоориентированных типологических работах, давших начало реализации фиксируемых законов в проработке социальных проблем.

Смысл научных открытий в директории дифференциальной психологии, наверное, кроется в изменении видения природы индивидуальных различий, в выделении фактов и законов, проблем и теорий, которые в конечном счете не могут не привести к открытию новой реальности. Ее дальнейшее изучение приведет к появлению инновационной области знаний — науки о задатках дифференциально-психоакмеологических достижений личности. Эта область знаний включает разрабатываемые в субъектной дифференциальной психологии теорию, методологию, квазиэксперимент и практику.

Теоретико-методологические и экспериментальные разработки в области дифференциальной психологии имплицитного, эксплицитного, рефлексивного и институционального этапов ее развития позволяют выделить наиболее существенные итоговые результаты. Обобщим исторически инвариантные ключевые идеи типологического познания в контексте проработки субъектоцентрированных проблем дифференциальной психологии.

1. Типологический ракурс многогранных проблем современной субъектоориентированной дифференциальной психологии, несомненно, стал основным способом экспериментального исследования единства свойств индивида и личности в ходе целеполагания. Потребовалась замена привычного дедуктивного способа анализа ин-

дивидуальных феноменов на системную методологию, требующую обращения к эволюционно-системным, структурно-динамическим взглядам на интегративность синдромов индивидуальности в функциональных органах активного поведения.

2. Реализация методологического аппарата системного подхода в экспериментальных и прикладных дифференциально-типологических исследованиях предполагает рассмотрение взаимодействия разноуровневых свойств в решении человеком задачи (в процессе достижения целей действий). Изученные в таком ракурсе функциональные системы (в частности, выполненные на модели антиципации) соотносятся со стратегиями поведения, темповыми и результативными параметрами деятельности. При этом ситуативные «координаты» квадранта деятельности определяют включенность генотипических особенностей человека в функциональные органы произвольности.

3. Дифференциально-типологический анализ динамики и своеобразности «жестких» звеньев функциональных систем, отправляющийся от идей целостности разноуровневых свойств и качеств индивидуальности в поведении, позволяет по-новому решать проблемы дифференциальной психологии. Так, рассмотрение «общего» через «целостность» снимает проблему парциальности свойств индивида: индивидуальные различия, фиксируемые в характеристиках функциональных систем, не образуют монолитного, гомогенного единства, но представляют собой иерархически организованную целостность. Индивидуальная стабильность и даже крайняя ригидность определенных психологических черт человека объясняются наличием в функциональных системах «жестких» индивидуально-обобщенных звеньев, являющихся (при фиксации развития) задатками общеличностных особенностей.

4. Системное видение целостности свойств индивидуальности в субъекте психической деятельности расширяет область применимости дифференциально-типологических концепций. С этих позиций становятся понятными постоянно фиксируемые связи психологии индивидуальности и парциальных индивидуальных свойств отдельных регионов мозга, а также психических различий широкого спектра проявлений. По-видимому, стабилизация развития деятельности обуславливает моменты, когда потенциальные много-многозначные связи отдельных характеристик человека уступают место актуальным детерминистическим зависимостям.

5. Проработка концепции целостной индивидуальности как нового объекта субъектной дифференциальной психологии основывается на том факте, что любой отдельный ее феномен, включаясь в динамику произвольных актов, подчиняется детерминантам многоплановости функциональных систем. Их кумулятивные свойства объективизируются в процессах опережающего отражения (в частности, антиципации) при активных формах субъектно-объектного взаимодействия. Системные процессы, например отраженные в феноменах антиципа-

ции, поэтому способны выявить динамику организации разноуровневых свойств и смену детерминант в развитии деятельности.

Таким образом, индивидуальность в системном ракурсе ее анализа понимается не как особая группа свойств человека, а как закономерно фиксируемая в поведении констелляция этих свойств, которая возникла в результате индивидуально-системного обобщения типологически важных особенностей прошлого (генотипа, онтогенеза), настоящего (сравнения прогноза и реальности) и будущего (субъективного прогноза образа планируемого результата).

Полученные выводы созвучны с идеями Б.Г. Ананьева, считавшего, что «единичный человек, как индивидуальность, может быть понят лишь как единство и взаимосвязь его свойств как личности и субъекта деятельности, в структуре которых функционируют природные свойства человека как индивида». [5, с.178]. Конкретные исследования не случайно поэтому в любом из факторов, определяющих структуру личности, обнаруживают корреляционные плеяды, сложноветвящиеся цепи связей между отношениями и свойствами личности, интеллектуальными и другими психическими функциями, психофизиологическими, соматическими и нейродинамическими особенностями человека [5, с.153].

Знания, содержащиеся в формулируемых представлениях, позволяют понять характерные для разных типов человеческой индивидуальности «сцепления» и «слития» разноуровневых ее особенностей. Данные паттерны выводятся не традиционным способом — непосредственно из особенностей нервной системы, а анализируются как обусловленные историко-эволюционными законами формирования системных свойств и качеств функциональных органов динамично развивающейся жизнедеятельности.

Таким образом, в эмпирических и прикладных исследованиях в области дифференциальной психологии целостная индивидуальность изучается не только через отдельные (ортогональные) типологические свойства, как бы «спорадически» проявляющиеся в индивидуально-психологических особенностях достижения результатов жизнедеятельности, а главным образом — через закономерно фиксируемые (при стабилизации развития деятельности) констелляции этих свойств. Гармоничность их сопряжения в функциональных органах непосредственно сказывается на эмоциональной психоэнергетике активности в зависимости от индивидуализированных задатков деятельности (Да, да! Деятельность, хотим мы этого или не хотим, имеет четкие задатки в виде включенных в функциональные органы типологических факторов, которые характеризуются разной степенью сопряжения разноуровневых признаков индивидуальности) (см. гл. 4).

Типологическое познание закономерностей психологии индивидуальности в ее целостности при эволюционно-системном ракурсе исследований дало возможность выйти за рамки чисто лабораторного эксперимента и перейти к конструированию квазиэксперимента,

базирующегося на фундаментальной типологической теории (гл. 3). (Созданная по этому принципу методика оценки структуры целостной индивидуальности — ОСЦИ — впервые опубликована в кн.: Базылевич Т.Ф. с соавт. Безработица: новые принципы и технологии психологической поддержки безработных граждан, М.: Изд-во СТИ, 2002, а также в монографиях «Проблема теста в психологии и дифференциальной акмеологии (М.: Изд-во РАГС, 2006) и «Дифференциальная акмеология», (М.: Изд-во РАГС, 2007).

Таким образом, современные исследования в области психологии целостной индивидуальности создали в дифференциальной психологии новое проблемное поле, позволяющее перейти от постулирования «мозаичной» феноменологии индивидуальных различий к изучению закономерностей, связывающих разные их уровни в субъекте психической деятельности с его результативностью, эффективностью на пути к высшим достижениям личности.

Существенное расширение сферы практической реализации данного ракурса исследований показывает хотя бы только перечень тем прикладных исследований, которые выполнены в последние годы и которые частично представлены в гл. 4. В частности, современная субъектоцентрированная дифференциальная психология позволила решать в прикладных исследованиях такие остроактуальные задачи, как изучение причин пагубного действия радиации на психику после аварии на ЧАЭС, типологические предикторы алкогольной зависимости, дифференциально-акмеологические особенности профессионального «выгорания», типологические факторы целостной индивидуальности в речевом развитии дошкольника (сферы «Родитель—ребенок»).

Типологические задатки также существенны как предикторы творческого становления актера, выявления стрессогенных периодов безработицы, в аспекте психокоррекции фиксированных страхов, изучения индивидуализированности акмеологически продуктивного психического развития школьников, опосредования гармоничностью индивидуальности психосоматики — на модели ИБС, фиксации психологических защит личности в ходе развития самоактуализации студентов вуза. При этом изменяются критерии практической психодиагностики и психокоррекции: на смену приспособления (отсылки) людей к бесконечным требованиям деятельности приходят гуманистически-ориентированные критерии — гармоничность, экологичность сопряжения разноуровневых свойств целостной индивидуальности для сохранения психического и соматического здоровья человека, создание субъективного эмоционального комфорта жизнедеятельности, оптимизации ее напряженности.

Очевидно, теоретические и прикладные проблемы дифференциально-системных предикторов деятельности имеют не только теоретическое, но и практическое значение.

Коротко резюмируя результаты начал субъектоцентрированных теоретико-экспериментальных исследований психоакмеологической

директории дифференциальной психологии, отметим следующие позиции.

Типологическое познание сферы дифференциальной психологии (которая всегда являлась его вершиной) первично концентрирует внимание на формально-динамической стороне жизнедеятельности, абстрагируясь на начальных этапах от ее содержательных компонентов. Термины «тип», «типологический» со времен Б.М. Теплова у нас в стране и за рубежом принято связывать (далеко не всегда прямолинейно и непосредственно) со стабильными, конституциональными, генотипическими особенностями индивида и личности. Закономерным стало внесение в теоретические и прикладные аспекты субъектоцентрированной дифференциальной психологии нового объекта системных исследований — целостной индивидуальности.

Субъектоориентированный ракурс многогранных проблем дифференциальной психологии потребовал фокусирования «вертикального среза» разноуровневых свойств индивидуальности при стабилизации развития деятельности (при сочетании сформированности — несформированности стратегии поведения и высокой — низкой субъективной вероятности успешного достижения личностно значимых и смысловых целей). Здесь, несомненно, оказываются неприемлемыми теории психофизиологического параллелизма при объяснении пересеканности психических и физиологических явлений. Теории психофизиологического взаимодействия и тождества также малоприспособлены для фиксации инновационных законов в области дифференциальной психологии. Все более аргументированной для все большего числа теоретиков и практиков становится точка зрения об интеграции признаков организма, индивида, личности в «слитиях» разноуровневых свойств индивидуальности в поведении и деятельности.

В.Д. Небылицын еще в 60-70-х гг. прошлого века аргументированно ответил на два потока отрицаний, в равной степени принижающих значение как психологии, так и психофизиологии индивидуальных различий в задатках деятельности и в целом — в своеобразии психического. Одна из этих тенденций — и в прошлом, и в настоящем — прямо или в завуалированной форме отрицает роль физиологических (нейрофизиологических) процессов и свойств в познании психических актов и состояний. Стронники такой аргументации фактически редуцируют психику как функцию межличностных и предметно-человеческих отношений, игнорируя важность собственно дифференциальной психологической и психофизиологической проблематики [55, с. 11].

В.Д. Небылицын конечно же не отрицал значения общества, межличностного общения, воспитания, образования, среды в формировании психики. Однако он подчеркивал, что имеющиеся в психологии позитивные наблюдения еще не дают никакого основания для негативных выводов о той роли, которую играет в этом процессе природная составляющая человеческой организации, в том числе — наследственность, условия пренатального и раннего постнатального

развития и характеристики наличной биологической (особенно мозговой) организации. Об этой роли свидетельствуют разнообразные нейрофизиологические, психогенетические, психофармакологические эксперименты и наблюдения, подтверждающие с разных сторон тезис о материальном как непреходящем (и в онтологическом плане — первичном!) условии существования всех модификаций психического. Ученый предвидел, что в будущем, с развитием новых подходов к изучению биологических признаков организма и новых методов получения существенной информации число и значимость таких подтверждений, несомненно, возрастут [55, с. 12].

Другая — по В.Д. Небылицыну — ошибочная тенденция — это отрицание специфики психического и сведение в теоретических и прикладных работах по дифференциальной психологии и психофизиологии психологических закономерностей к нейрофизиологическим (психофизиологическим), к законам ВНД. Эта вулгаризаторская тенденция слишком очевидно продемонстрировала свое бессилие и не нуждается ныне в дополнительной критике, но также ведет к принижению значения и места психофизиологии в системе наук, хотя и делает это с противоположных позиций по сравнению со взглядами, культивирующими «чистую» психологию [55, с. 12].

Возвращаясь в наше время, хотелось бы подчеркнуть значимость системной психофизиологии — известной школы В.Б. Швыркова — Ю.И. Александра [4, 74] — для формирования современного облика дифференциальной психологии в ее интегративной целостности с психофизиологией. Изучение законов нейрональной активности в поведении со всей очевидностью доказало континуальность компонентов «живой» психики и действенность изучения их как целостности.

Системность психического и нейрофизиологического в поведении и деятельности полностью опровергает житейские измышления об их параллелизме, взаимодействии или тождестве. Несомненно, психические особенности, с одной стороны, и нейрофизиологические признаки — с другой, составляют «живую» интегративную целостность [16, 19, 45, 74]. При этом свойства (если они выделены с помощью дифференциально-типологических технологий) являются простым инструментом образования совокупностей, а также фиксируются фундаментальные законы целостности типологических свойств человека как индивида, личности в структуре индивидуальности, что наиболее полно раскрывается в субъекте психической деятельности.

Очевидно, поднятые проблемы современной дифференциальной психологии имеют не только теоретическое, но и практическое значение, что четко прослеживается в представленном учебнике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

---

1. *Абишев К.* Человек. Индивид. Личность. Алма-Ата, 1978.
2. *Акимова М.К., Гуревич К.М.* Психодиагностика. М., 2004.
3. *Акимова М.К., Козлова В.Т.* Индивидуальность учащегося и индивидуальный подход. М., 1992.
4. *Александров Ю.И.* Психофизиологическое значение активности центральных и периферических нейронов в поведении. М., 1989.
5. *Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды. Т. 1. М.: Педагогика, 1980.
6. *Анастаси А.* Психологическое тестирование Кн. 1, 2. М.: Педагогика. 1982.
7. *Анастаси А.* Дифференциальная психология. Индивидуальные и групповые различия в поведении. М., 2001.
8. *Анохин П.К.* Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975.
9. *Асмолов А.Г.* Психология индивидуальности. М.: Изд-во МГУ, 1986.
10. *Асмолов А.Г.* Личность как предмет психологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1984.
11. *Базылевич Т.Ф.* Моторные вызванные потенциалы в дифференциальной психофизиологии. М.: Наука, 1983.
12. *Базылевич Т.Ф.* Интегративные биоэлектрические характеристики мозга в системной детерминации стратегии поведения // Психологический журнал. 1990. № 1. С. 82–92.
13. *Базылевич Т.Ф., Кукес В.Г., Альперович Б.Р.* и др. Проблема опосредствования ишемической болезни сердца особенностями целостной индивидуальности // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 3. С. 45–56.
14. *Базылевич Т.Ф., Асеев В.Г., Бодунов М.В.* и др. О целостности индивидуальности и влиянии радиации на активность мозга // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 2. С. 25–34.
15. *Базылевич Т.Ф.* Введение в психологию целостной индивидуальности. М.: Изд-во ИП РАН, 1998.
16. *Базылевич Т.Ф.* Основы экпсихологии индивидуальности и личности. Ч. 1, 2. М.: Изд-во СТИ, 2000.
17. *Базылевич Т.Ф.* Дифференциальная психофизиология: прошлое, настоящее, будущее // Мир психологии. № 3. 2004. С. 44–67.
18. *Базылевич Т.Ф., Александров Ю.А., Абульханова К.А.* и др. Идея системности в современной психологии / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2005.
19. *Базылевич Т.Ф.* Еще раз про дифференциальную психофизиологию // Психологический журнал. 2005. № 1. С. 30.
20. *Базылевич Т.Ф.* Проблема тестов в психологии и дифференциальной акмеологии. –М., РАГС, 2006.
21. *Базылевич Т.Ф.* Дифференциальная акмеология. М.: Изд-во РАГС, 2007.
22. *Базылевич Т.Ф., Колядина Т.В.* К индивидуализированным предикторам речевого развития дошкольника // Мир психологии. № 4, 2007.
23. *Базылевич Т.Ф., Бутылин А.В., Колядина Т.В.* Валидизация методики оценки целостной индивидуальности как квазиэксперимента // Акмеологическая диагностика: Коллективная монография. М.: Изд-во РАГС, 2007.

24. *Базылевич Т.Ф., Бутылин А.В.* Дифференциально-акмеологическое изучение системных механизмов экологического «выгорания» личности // Акмеология. 2008. № 1.
25. *Базылевич Т.Ф., Выставкина Т.А.* Психологические защиты в структуре целостной индивидуальности // Мир психологии. 2009. № 1.
26. *Базылевич Т.Ф.* Дифференциальная психофизиология и психология: ключевые идеи. М.: ИНФРА-М, 2012.
27. *Базылевич Т.Ф.* Психология высших достижений личности (Психоакмеология). М.: ИНФРА-М, 2012.
28. *Борисова Е.М., Логинова Г.П.* Индивидуальность и профессия. М., 1991.
29. *Брушлинский А.В.* О природных предпосылках психического развития человека. М., 1977.
30. *Брушлинский А.В.* О взаимосвязи природного и социального в психическом развитии человека // Проблемы генетической психофизиологии. М.: Наука, 1978. С. 11–21.
31. *Брушлинский А.В.* Проблемы психологии субъекта. М.: Изд-во ИП РАН, 1994.
32. *Вяткин Б.А.* Роль темперамента в спортивной деятельности. М., 1998.
33. *Геодакян В.А.* Теория дифференциации полов в проблемах человека // Человек в системе наук. М., Наука, 1989, С. 171–189.
34. *Голубева Э.А.* Способности. Личность. Индивидуальность. М.: Феникс плюс, 2005.
35. *Гуревич К.М.* Профессиональная пригодность и основные свойства нервной системы. М., 1970.
36. *Егорова М.С.* Психология индивидуальных различий. М., 1997.
37. *Ильин Е.П.* Психология индивидуальных различий. СПб., 2004.
38. *Кречмер Э.* Строение тела и характер. М.: Педагогика Пресс, 1995.
39. *Леонгард К.* Акцентуированные личности // Психология индивидуальных различий. Тексты. М., 1982. С. 270–287.
40. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.
41. *Либин А.В.* Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских и американских традиций. М.: Смысл, 1999.
42. *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков // Психология индивидуальных различий. Тексты. М., 1982. С. 288–315.
43. *Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н.* Антиципация в структуре деятельности. М.: Наука, 1980.
44. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1989.
45. Лучшие психологические тесты. СПб.: Петроком, 1992.
46. *Малых С.Б.* Индивидуальные особенности потенциалов мозга, связанных с движением, и роль генотипа в их формировании. М.: Изд-во АПН СССР, 1986.
47. *Маслоу А.* Мотивация и личность. М., 1998.
48. *Машков В.Н.* Основы дифференциальной психологии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. 1998.
49. *Мерлин В.С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
50. Методы исследования в психологии: квазиэксперимент. М., 1998.
51. *Нартова-Бочавер С.К.* Дифференциальная психология. М.: Ижита, 2002.
52. *Наследов А.Д.* Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. СПб, 2004.
53. *Небылицын В.Д., Базылевич Т.Ф.* ВП двигательной зоны коры у человека // Физиологический журнал СССР. 1970. № 12. Т. 56. С. 1682–1688.

54. *Небылицын В.Д.* Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М.: Наука, 1976.
55. *Павлов И.П.* ПСС. 2-е изд. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. III. Кн. I.
56. *Петрова Е.Н.* Экология индивидуальности: философско-социологический аспект. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1992.
57. Проблемы генетической психофизиологии человека. М.: Наука, 1978.
58. Психология индивидуальных различий. Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1982.
59. *Равич-Шербо И.В., Марютина Т.М., Григоренко Е.Л.* Психогенетика. М.: Аспект-Пресс, 1999.
60. *Робер М.А., Тильман Ф.* Психология индивида и группы. М., 1986.
61. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.
62. *Русалов В.М.* Биологические основы индивидуально-психологических различий. М.: Наука, 1979.
63. *Русалов В.М.* Теоретические проблемы построения специальной теории индивидуальности // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 4. С. 23–35.
64. Современная психология / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: ИНФРА-М, 2000.
65. *Соколова Е.Т.* Проективные методы исследования личности. М., 1980.
66. *Сэв Л.* Марксизм и теория личности. М., 1972.
67. *Теплов Б.М.* Типологические свойства нервной системы и их значение для психологии // Психология индивидуальных различий. М., 1982. С. 32–38.
68. Типологические особенности высшей нервной деятельности человека. М., Т. 1–5, 1956–1967.
69. *Хакимзанова Е.А.* Социально-психологическое консультирование развивающейся личности как целостной индивидуальности. Автореферат дисс. ... канд. психол. наук. М.: Изд-во РГСУ, 2008.
70. *Хрисанфова Е.Н.* Конституция и биохимическая индивидуальность. М., 1990.
71. *Хьелл Л., Зинглер Д.* Теории личности. СПб.: Питер, 2001.
72. *Чернов Д.Н.* Дифференциальная психология. Таблицы, схемы и основные понятия. М., 2006.
73. *Швырков В.Б.* Нейрофизиологическое изучение системных механизмов поведения. М.: Наука, 1978.
74. *Шмальгаузен И.И.* Избранные труды. Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. М.: Наука, 1982.
75. *Штерн В.* Дифференциальная психология и ее методические основы. М.: Наука. 1998.
76. *Щедровицкий Г.П.* Избранные произведения. М., 1995.
77. *Ярошевский М.Г.* Наука о поведении: русский путь. М.: Воронеж, 1996.

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ

Акцентуации — варианты норм, при которых отдельные черты характера чрезмерно усилены, вследствие чего обнаруживается избирательная уязвимость в отношении определенного рода психогенных воздействий при хорошей устойчивости к другим (по А. Е. Личко).

Акцептор действия (предвосхищение) — основное понятие учения П. К. Анохина о функциональной системе порождения и коррекции любого поведенческого акта.

Анализ продуктов деятельности (творчества) — опосредствованное изучение психологической реальности через распремечивание (восстановление деятельности по ее результату).

Анкетирование — получение психологической информации на основе ответов на специально подготовленные вопросы.

Асоциальным называется **поведение**, направленное на разрушение или нанесение вреда существующим социальным системам (по Я. Рейковскому).

Астеник (лептосоматик) (от греч. *leptos* — хрупкий, *soma* — тело) — «худой и высокий».

Атлетик (от греч. *athlon* — борьба, схватка) — «крепыш» среднего роста с хорошо развитой мускулатурой, высоким или средним ростом.

Атрибут — наиболее существенное качество. *А. личности* — сознательность, динамичность, активность, общественная детерминация.

Беседа — метод получения новой информации посредством свободного общения с человеком.

Биогенетические теории — учения, в которых формирование индивидуальности понимается как предопределенное врожденными и генетическими задатками.

Биографический и автобиографический методы — описание развития человека на протяжении длительного периода времени, основанное на непосредственных впечатлениях и ретроспективном опыте.

Валидность эксперимента — пригодность, понимаемая как соответствие целей, методов и результатов; степень приближения данного эксперимента к бесконечному безупречному эксперименту.

Время реакции — время между восприятием раздражителя и ответом на него; свидетельствует о процессуальности психики.

Гениальность — интеллектуальная сила необычайно высокого типа, исключительная способность к творчеству, требующему воображения, оригинального мышления, изобретения или открытия.

Генограмма — область психодиагностики — вариант генеалогического метода, в котором наряду с отношениями родства фиксируют психологические отношения.

Графология — область психодиагностики — наука о почерке, диагностирующая признаки индивидуальности по написанию букв, наклону, нажиму и другим характеристикам точных движений человека. Наибольший вклад в Г. внес аббат Мишон.

Гуманитарная парадигма познания — система осознаваемых и неосознаваемых установок, ориентирующая на уникальность рассматриваемого явления, опирающаяся на опыт единичных случаев, не ставя перед собой задач статистического подтверждения достоверности данных; использующая наряду с понятийным ап-

паратом язык символов. Г.п.п. всегда исторична, т.е. стремится к рассмотрению явлений в их становлении, к анализу и прогнозу явлений.

Двухфакторные теории психического развития (конвергенции двух факторов) — учения, в которых развитие понимается как результат взаимодействия врожденных структур и внешних влияний.

Действия — феномены, обладающие временной протяженностью (в терминологии В. Штерна). Активность субъекта, направленная на реализацию сознательной цели и мотива деятельности. Отношение цели д. к мотиву деятельности составляет личностный смысл Д. (в терминологии А.Н. Леонтьева).

Динамичность нервной системы — одно из основных свойств — легкость генерации нервного процесса.

Дифференциальная психология — отрасль науки, изучающая психологические различия между индивидами и группами людей, а также природу, источники и последствия этих различий (наука о закономерностях психического варьирования). Понятие введено В. Штерном в 1900 г.

Дифференциальная психофизиология — наука, основанная В.Д. Небылицыным в 1968 г., изучающая индивидуальные особенности психики с точки зрения их обусловленности структурой целостной индивидуальности. Аналитический аспект начал ДПФ рассматривал влияние свойств нервной системы на своеобразие психики. Субъектоцентрированный аспект ДПФ открывает эволюционно-системные законы «слитий» вертикального «среза» многоуровневых свойств индивидуальности в поведении и деятельности.

Дневниковый метод — описание развития и поведения человека, произведенное в течение длительного времени экспертом (родителями, воспитателями, коллегой).

Естественно-научная парадигма познания — система осознаваемых и неосознаваемых установок, провозглашающая необходимость получения объективных, обобщенных, представленных в понятиях знаний, стремящаяся к установлению причинно-следственных закономерностей при опоре на данные эксперимента. Генезис свойств и закономерностей в Е.-н.п.п. рассматривается не всегда.

Идиографический подход в науке утверждает в качестве основной ценности индивидуальные особенности явления, применяет метод отдельных случаев (*case-method*).

Импульсивность—рефлексивность — тенденция к более или менее развернутому анализу задачи перед принятием решения; количество понятий, которые человек использует для решения проблемы.

Импунитивная реакция — отвлечение от конфликта и обесценивание его значения.

Индивид — 1) определенный представитель человеческого рода, преимущественно генотипическое образование; 2) отдельный представитель человеческого рода, физический носитель психологических характеристик человека.

Индивидуальность — человек как носитель в «жестких» звеньях функциональных систем уникального своеобразия сочетанных свойств индивида и личности; проявляется в субъекте психической деятельности; всегда целостна.

Интропунитивная реакция — обвинение самого себя.

Интроверсия — рефлексия, препятствие контакту с объектами, сомнение и недоверие к ним (по К.-Г. Юнгу), затруднения в общении (по Г.Ю. Айзенку).

Интегральная индивидуальность — особая форма бытия отдельного человека, саморегулируемая биосоциальная система многоуровневых связей, в которой он живет и сохраняет целостность и тождественность самому себе в условиях непрерывных внешних и внутренних изменений (по В.С. Мерлину).

Интервью — особая форма беседы, при которой один из партнеров является лидером, а другой — ведомым.

Индивидуальный стиль деятельности — устойчивая система приемов и способов деятельности, обусловленная личными качествами человека и являющаяся средством эффективного приспособления к объективным обстоятельствам. Исд. — фенотипическое (приобретаемое прижизненно) качество, возникающее на основе свойств нервной системы в ответ на требование типов деятельности, привычных для субъекта; интегральный эффект взаимодействия человека со средой.

Ипсилатеральный — расположенный в том же полушарии мозга.

Качество — наиболее существенное свойство, дающее определенность феномену: меняется К. — меняется и сущность. К. — всегда свойство, но не всегда свойство является К.

Квазиэксперимент — эксперимент, основанный на фундаментальной теории, а не на статистических выкладках.

Контрлатеральный — расположенный в противоположном полушарии мозга.

Лабильность нервной системы — скорость возникновения и прекращения нервного процесса.

Личность — системное качество индивида, приобретаемое им в ходе культурно-исторического развития и обладающее свойствами активности, субъектности, пристрастности, осознанности; имеет системообразующим фактором иерархию мотивов и потребностей (по А.Н. Леонтьеву).

Локус контроля — склонность человека возлагать ответственность за все происходящее с ним на внешние обстоятельства или себя самого (понятие введено Дж. Роттером). **Интерналы** — люди с внутренним Л.к. **Экстерналы** — люди с внешним Л.к.

Мезоморфный тип — отличающийся могучим сложением, имеющий квадратную голову, широкие ладони и ступни, склонный к соматотонии (от греч. *soma* — тело).

Метод — в пер. с греч. — путь познания.

Метод генеалогический — метод исследования семей и родословных.

Метод моральных дилемм — использование историй с незавершенным концом для диагностики уровня морального сознания человека и выявления его способности к моральной аргументации (использовался Л. Кольбергом).

Методы аппаратурные — методы предназначенные для изучения психофизиологических основ человеческого поведения, требуют лабораторных условий и специальных приборов; в практической психодиагностике используются редко.

Методы интроспективные — методы, основанные на данных субъективного опыта.

Методы констатирующие — методы, фиксирующие актуальное состояние изучаемого явления.

Методы психогенетические — методы, направленные на выделение факторов среды и наследственности в индивидуальных вариациях психологических свойств и качеств.

Методы формирующие — методы, в которых конечное состояние изучаемого качества или явления отличается от начального.

Методы экстраспективные — методы, опирающиеся на объективный результат, доступный измерению.

Наблюдение — целенаправленное систематическое восприятие человека, по результатам которого дается экспертная оценка. Бывает включенным и невключенным.

Надежность эксперимента — устойчивость результатов во времени.

Номотетический подход в науке — стремление к отражению общих (типологических) свойств явлений и обозначению их в терминах.

Норма — понятие, используемое в практике для анализа темпа и содержания психического развития человека. Н. основана на статистических данных, клинических показателях, социальных стереотипах и субъективных ожиданиях человека; культурно обусловлена и меняет свое содержание.

Нормальные значения показателей — значения, расположенные в средней части кривой нормального распределения. Обычно их фиксируется больше, чем субнормальных или супернормальных.

Одаренность можно понимать как: 1) качественно своеобразное сочетание способностей, обеспечивающее успешность деятельности; 2) общие способности (в отличие от специфических частных); 3) умственный потенциал — интеллект, предполагающий широту обобщения, логичность (а не способность к искусству); 4) совокупность задатков, природных данных, обеспечивающих начальный высокий уровень в какой-либо деятельности (наличие врожденных предпосылок); 5) талантливость (условия для успехов самого высокого уровня).

Основной психофизический закон Фехнера–Вебера: $E = \text{const} \ln R$, где *Empfindung* — величина ощущения, а *Reiz* — величина раздражителя.

Особенность — свойство, четко отличающее индивида от других, которое может быть устойчиво и существенно (черта характера), или существенно в определенных условиях (родинка при опознании трупа), или совсем несущественно.

Пикник (от греч. *piknos* — плотный, толстый) — широкий и тяжелый человек.

Пластичность в структуре темперамента — показатель гибкости или вязкости мышления и поведения, способность переключаться с одного вида деятельности на другой, стремление к разнообразию (по В.М. Русалову).

Подвижность нервной системы — результативность переделки знаков раздражителей. П.н.с. важна в обучаемости.

Полезависимость — **полenezависимость** — умение сопротивляться воздействию фоновых признаков при выделении фигуры.

Половой диформизм — наличие различий в анатомо-физиологических признаках у мужских и женских особей.

Половой дипсихизм — наличие различий психических качеств и процессов у мужских и женских особей.

Половой дихроморфизм — временное несоответствие проявления женских и мужских признаков.

Просоциальное поведение — поведение, которое служит сохранению и укреплению существующих социальных систем (по Я. Рейковскому).

Психологическое преодоление — индивидуальный способ взаимодействия с ситуацией в соответствии с ее собственной логикой, значимостью в жизни человека и его психологическими возможностями. В широком смысле слова *coping* в себя включает все виды взаимодействия субъекта с задачами внешнего или внутреннего характера — попытками овладеть или смягчить, привыкнуть или уклониться от требований проблемной ситуации.

Психогенетика — пограничная с генетикой область психологии, предметом которой является происхождение индивидуальных психологических особенностей человека, роль среды и генотипа в их формировании.

Психогностика — форма донаучного познания психики людей, выявляющая и устанавливающая отношения между определенными движениями, анатомическими характеристиками и особенностями характера человека.

Психография — понимание и описание психики.

Психология — изучение, познание психики.

Репрезентативность эксперимента — представительность выборки и соответствие ее структуры той популяции, на которую распространяются выводы эксперимента.

Самоактуализация — развертывание потенциала личности из самого себя, из внутренних противоречий и намерений (по А. Маслоу).

Свойства — относительно устойчивые характеристики человека, которые, мало изменяясь во времени, позволяют прогнозировать его поведение; С. нелинейно соотносены с индивидуально-стабильными, конституциональными, природными, генотипическими особенностями индивида и личности.

Сензитивный период — период особой чувствительности к развитию задатков способностей или психических функций в целом (по Н.С. Лейтесу).

Сиблинги — братья и сестры.

Сила (функциональная выносливость) нервной системы к возбуждению — способность выдерживать длительное или часто повторяющееся раздражение.

Сила (функциональная выносливость) нервной системы к торможению — способность выдерживать часто повторяемое действие тормозного раздражителя, что необходимо для создания дифференцировок.

Симультанность — одномоментность.

Склонности — феномены, имеющие хронический и потенциальный характер (в терминологии В. Штерна).

Социогенетические теории — учения, в которых формирование индивидуальности понимается как обусловленное внешними условиями (средой), а человек изначально — как «чистая доска» (*tabula rasa*).

Социозтология — наука об инстинктивных основах социального поведения.

Способности — индивидуально-психологические особенности личности, являющиеся условием успешного выполнения той или иной продуктивной деятельности.

Среда — изменяющийся ряд стимулов, на которые индивид реагирует в течение всей жизни.

Срезы «поперечные» — исследование, ведущееся на отдельных и разных по возрасту группах людей; метод введен А. Гезеллом.

Срезы «продольные» (лонгитюдные) — исследование, ведущееся на одной и той же выборке в течение продолжительного времени. Использовались в исследованиях Н.М. Щелованова, Н.Л. Фигурина по фиксации ежедневного поведения детей; самый длинный «Боннский» лонгитюд продолжался 60 лет.

Субнормальные значения — значения, расположенные в области низких значений кривой нормального распределения.

Супернормальные значения — значения, расположенные в области высоких значений кривой нормального распределения.

Темп — скорость моторно-двигательных реакций как темпераментальный показатель.

Темперамент — закономерное соотношение устойчивых индивидуальных особенностей индивида и личности, соотносящееся с различными сторонами формально-динамической стороны индивидуальной деятельности.

Тестикулярная феминизация (синдром Морриса) — наследственная нечувствительность периферических тканей к мускулинизирующему действию мужского гормона семенников, в результате чего развитие организма, обладающего мужским набором хромосом и семенниками, идет по женскому направлению.

Тестирование — краткое, стандартизованное испытание, предназначенное для установления межличностных или межгрупповых различий.

Тревожность — склонность эмоционально переживать реальные или мнимые опасности, отрицательно окрашенное переживание внутреннего беспокойства,

озабоченности, необходимости поисков, горячки, возбужденности, переходящих в ажитацию, возбуждение, часто имеющее непродуктивный и демобилизующий характер.

Уровень притязаний — уровень тех целей и задач, которые человек считает для себя выполнимыми; соотносится с самооценкой личности.

Факторный анализ — один из статистических методов установления свойств и качеств, не поддающихся непосредственному наблюдению, путем фиксации генетически связанных групп характеристик индивида и личности на основе математического анализа тесноты и направленности интеркорреляций первичных вариантов.

Феномен — явление.

Физиогномика — область психодиагностики, в которой основанием для предсказания поведения человека являются черты личности, мимика и даже просто изображение силуэта человека или фотография части лица.

Френология (краниоскопия) — область психодиагностики, определяющая особенности человека по форме строения черепа. Развивалась Ф.А. Галлем.

Функциональная асимметрия — ярко проявляется в специализации полушарий мозга — характеристика распределения механизмов реализации психических функций между правым и левым полушариями; уникальная особенность мозга человека, возникшая в антропогенезе в связи с появлением речи и праворукости.

Характер — своеобразие склада психической деятельности, проявляющееся в особенностях социального поведения личности, и в первую очередь — в отношениях к профессии, людям, самому себе. Это индивидуальное сочетание устойчивых психических особенностей человека, обуславливающих типичный для данного субъекта способ поведения в определенных жизненных условиях и обстоятельствах. Совокупность проявлений личности на фрустрирующие ситуации, индивидуальный способ разрешения тревожности.

Экзопсихика — отношение личности к внешним объектам (природе, людям, духовным благам, душевной жизни самого человека и пр.). Э. близка предметно-содержательным характеристикам психической жизни и всегда испытывает влияние средовых условий (по А.Ф. Лазурскому).

Эксперимент — метод целенаправленного манипулирования одной переменной и наблюдение за результатами ее изменения. Различают: лабораторный, камерный, естественный, психолого-педагогический, формирующий виды Э. Э. может быть индивидуальным или групповым, краткосрочным или длительным.

Экологическая среда — система взаимодействий человека и мира (по У. Бронфенбреннеру), рассмотренная со стороны ее сохраняющей индивидуальность функции, где важное значение имеет гармоничность сочетания свойств в экологических «нишах» целостной индивидуальности (по Т.Ф. Базылевич).

Экстраверсия — обращенность к объектам окружающего или внутреннего мира (по К.-Г. Юнгу). Влечение к людям и способность легко вступать с ними в контакт (по Г.Ю. Айзенку). Э. включает в себя социабельность и импульсивность (по Гилберту и Аккерману).

Экстрапунитивная реакция — обвинение других людей и внешних обстоятельств.

Эктоморфный тип — худой и высокий, обладающий слабым развитием внутренних органов, худым лицом, узкой грудной клеткой, тонкими длинными конечностями, обычно отличается церебротонией (от лат. *cerebrum* — мозг).

Эмоциональность — формально-динамический компонент, который связывается со структурой темперамента в моментах, когда расходятся реальный и желаемый результаты; в общепсихологическом аспекте Э. — «метки» событий жизне-

деятельности, где системообразующим фактором являются истинные иерархии мотивов и потребностей личности (по А.Н. Леонтьеву).

Эндоморфный тип — человек с большим животом, жировыми отложениями на плечах и бедрах, слабыми конечностями, проявлением склонности к висцеротонии (от лат. *viscera* — внутренности).

Эндопсихика — основные психические и психофизиологические функции (чувствительность, память, внимание, мышление, воображение, воля, быстрота и сила моторики и т.п.). Э. в целом близка понятию «формально-динамические характеристики», в основном задается врожденными биологическими механизмами (по А.Ф. Лазурскому).

Эргичность — в структуре темперамента рассматривается через желание умеренного и физического напряжения, показатель избытка или недостатка сил (по В.М. Русалову); в рамках деятельностной парадигмы сущностные детерминанты Э. — в координате «Мотив–Цель» (по Б.Ф. Ломову).

Я-концепция — система наиболее общих установок на самого себя. Выделяют разные модусы Я-к.: реальное Я, идеальное Я, зеркальное Я (Я в глазах других) и т.п.

L-данные (life record data) — данные, основанные на регистрации поведения человека в повседневной жизни.

T (objective test data) — данные объективных тестов (испытаний) с контролируемой экспериментальной ситуацией.

Q (questionnaire data) — данные, получаемые при помощи опросников, анкет и прочих стандартизованных методов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Тест *NEO-FFI*

Приложение 2. Оценка результатов методик в экспериментальной и контрольной группах с помощью *U*-критерия Манна–Уитни

Приложение 3. Программа курса «Дифференциальная психология»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Глава 1. ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ КАК ОБЛАСТИ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЯ	6
1.1. Предмет и объект психологии индивидуальных различий в этапах ее становления	6
1.2. Этапы развития дифференциальной психологии.....	13
1.3. Индивидуные характеристики в дифференциальной психологии.....	30
<i>Контрольные вопросы .....</i>	<i>38</i>
Глава 2. ПРОБЛЕМЫ ТЕСТОВ В ОБЩЕЙ И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	39
2.1. Парадоксы традиционных тестов.....	39
2.2. Критериально-ориентированное тестирование и новый взгляд на тесты.....	46
2.3. Дифференциально-психологическая оценка в критериально-ориентированном тестировании.....	50
2.4. Целостность индивидуальности как основа конструирования квазитета в дифференциальной психологии.....	59
2.5. Оценка структуры целостной индивидуальности (ОСЦИ) как квазитест.....	63
2.6. Валидизация ОСЦИ в изучении типологических предикторов совладания человека с депривацией деятельности	74
<i>Контрольные вопросы .....</i>	<i>87</i>
Глава 3. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ПРОБЛЕМАХ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	89
3.1. К системным исследованиям в психологии индивидуальных различий	89
3.2. О дифференциальной психологии синдромов антиципации в системных исследованиях целостной индивидуальности	93
3.3. Понятие и сущность целостной индивидуальности как объекта субъектоцентрированной дифференциальной психологии	96
<i>Контрольные вопросы .....</i>	<i>104</i>

Глава 4. ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБЪЕКТОЦЕНТРИРОВАННОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ.....	105
4.1. Типологические факторы речевого развития дошкольника сферы «Родитель—ребенок».....	105
4.2. Типологические особенности антиципации как задатки индивидуальных различий в переломке навыка	113
4.3. Типологические факторы антиципации как задатки прогностических способностей личности	121
4.4. Типологические особенности функциональных систем в предпочтении индивидуальных стратегий вероятностного прогнозирования	130
4.5. Типологические предикторы формирования толерантности в современной России.	144
4.6. Психологические защиты личности и тип целостной индивидуальности	153
4.7. Структура целостной индивидуальности как предиктор творческого становления актера в профессии	167
4.8. О континуальности сферы «Общие свойства нервной системы — Индивидуализированность установки — Выраженность лидерства в социальной группе»	180
4.9. Дифференциально-психоакмеологические условия развития кадров управления	183
4.10. Дифференциально-психологическая концепция центров акмеологической поддержки индивидуальности	198
<i>Контрольные вопросы</i>	204
Заклyчение.....	206
Список литературы	213
Словарь основных понятий	216
 Приложения	222
Приложение 1. Тест NEO-FFI	222-1
Приложение 2. Оценка результатов методик в экспериментальной и контрольной группах с помощью U-критерия Манна—Уитни	222-4
Приложение 3. Программа курса «Дифференциальная психология»	222-5